

№1-2(57-58) 2021

ПРО

КНИГИ

ЖУРНАЛ БИБЛИОФИЛОВ

МОСКВА
2021

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ БИБЛИОФИЛОВ

Редакционно-издательский совет журнала

Сеславинский Михаил Вадимович, *председатель*

Афанасьев Михаил Дмитриевич

Гусев Павел Николаевич

Ласунский Олег Григорьевич

Самарин Александр Юрьевич

Редакция журнала

Ответственный редактор *Сергей Чистяков*

Технический редактор *Екатерина Игнатьева*

Редактор *Лариса Еремина*

Компьютерная верстка *Аида Сидоренко*

Корректор *Ирина Любавина*

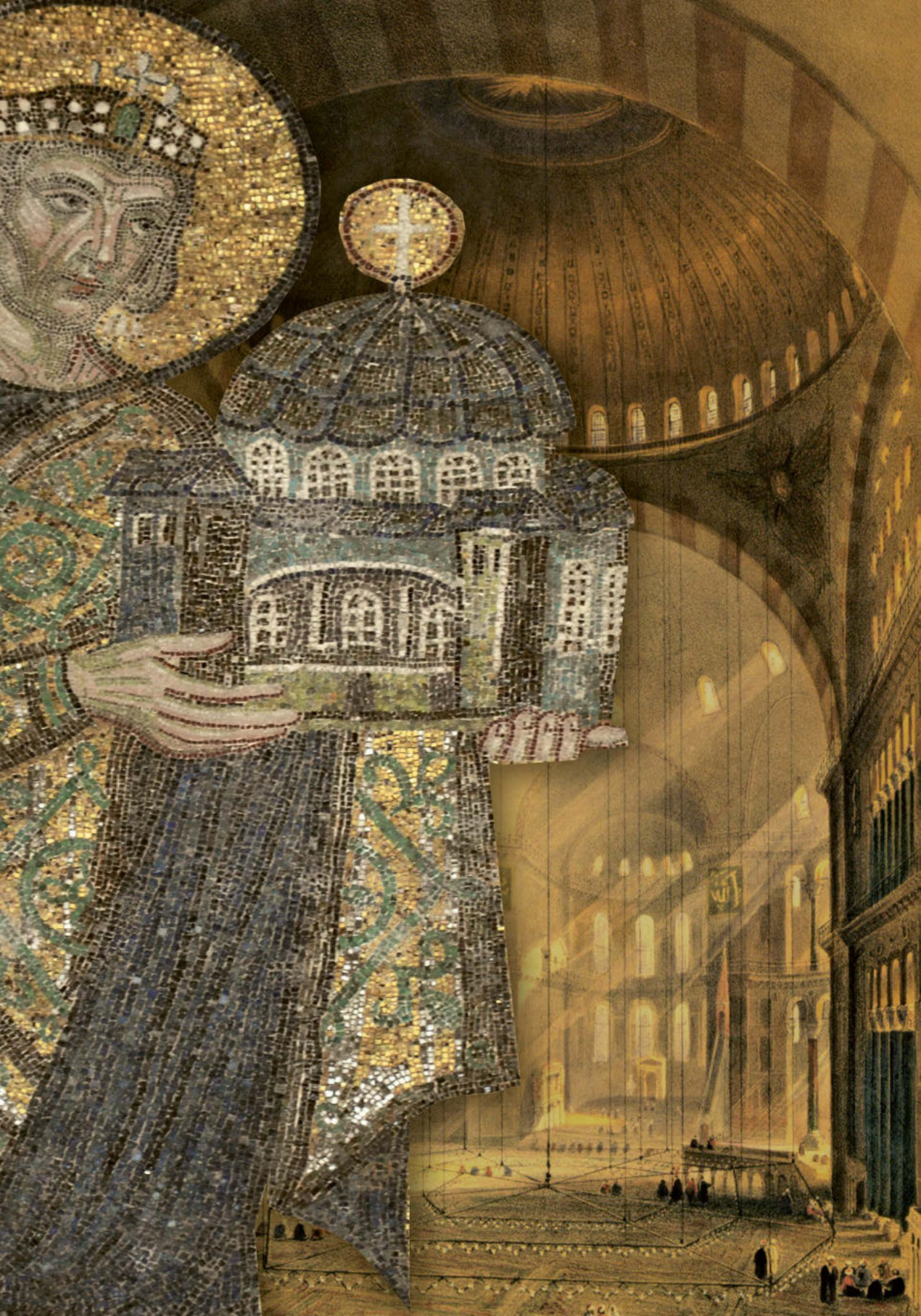
Представитель журнала в Санкт-Петербурге *Елена Матвеева*

*про
Книги*

Содержание

<i>Т.А. Долгодрова, Е.С. Тепловодская</i> «И мудрое сферическое здание народы и века переживет..»	4
<i>О.Г. Ласунский</i> Из записок собирателя	16
<i>Л.Г. Ларионова</i> Низвержение легенды: <i>Новые детали об экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева из собрания П.В. Шапова</i>	34
<i>А.Д. Райхин</i> Феномен Бурмагиных	72
<i>Ю.А. Белецкий</i> Человек и книга. Опыт понимания	86
Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей»	95
XII Общее собрание региональной общественной организации «Национальный союз библиофилов» в Истре	140
Фотоотчет о XII Общем собрании членов НСБ в Истре	142
Книжные Происшествия	146
Ex libris «Про книги»	156
Листая старые газеты	163
Памяти Владимира Валентиновича Воропанова	168

«И мудрое сферическое здание Н роды и век переживет...»

Т.А. Долгодров , Е.С. Тепловодск я

Собор Аия-София (Святой Софии) в Константинополе, как и большинство знаменитых соборов, был построен на месте существовавших до него церквей. Расположен он на холме, где до IV века находилось святилище Артемиды. В 324 году там была построена базилика Константина, но эта христианская церковь была уничтожена пожаром 415 года, вспыхнувшим во время народного восстания. Возведенная на этом месте базилика Феодосия в 532 году тоже сгорела

и тоже во время восстания. Через сорок дней после этой трагедии император Юстиниан I и решил строить собор Святой Софии, ставший всемирно известным памятником зодчества, символом «золотого века» Византии.

София строилась по проекту архитекторов Исидора Милетского и Анфимия Тралльского. В X веке разрушенный во время землетрясения купол храма был реконструирован зодчим Трдатом. До постройки собора Святого Петра в Риме в XVI–XVII веках Софийский собор оставался самым большим храмом в мире.

Рядом с Аия-Софией располагается храм Святой Ирины, первый был назван в честь божественной Мудрости, второй — в честь Мира, что отражает позднеантичную традицию обожествления абстрактных понятий, воскресшую и столь распространенную в эпоху Ренессанса.

Собор Святой Софии особенно славится одной из 107 его колонн — плачущей, стоящей в северо-западной части здания. Частично покрытая бронзой, она имеет отверстие посередине и на ощупь всегда влажна. В поисках божественного исцеления переступившие порог этого христианского храма, мечети и музея исполняют определенный ритуал: вставляют палец в отверстие плачущей колонны и стараются ладонью очертить полный круг.

Поражают исполинские размеры собора — 55,6 метров в высоту и 31 метр в диаметре купола, который благодаря

Юстиниан I с моделью храма Святой Софии в руках. Тимпан юго-западного входа собора Святой Софии. Мозаика. Середина X века

прорезающим его окнам кажется парящим в воздухе.

Створки самой большой двери Айя-Софии (ее высота 7 метров) сделаны из дуба, покрыты бронзовыми накладками и обрамлены бронзовой рамой. Проходить через нее могли только император и его свита. В восточноримских источниках утверждается, что дверь, возможно, сделана из древесины Ноева ковчега.

Интересно, а как этот грандиозный храм отражен в манускриптах? Одно из первых его изображений в книжной миниатюре встречается в болгарской рукописи, изготовленной в 1335–1345 годах и ныне хранящейся в Ватикане. Это старославянский перевод «Исторического обозрения» — поэтической всемирной хроники византийского поэта Константина Манассии (ок. 1130–1187). Созданная в Болгарии хроника украшена прекрасными миниатюрами. На 38-й из них изображено строительство Святой Софии: слева император Юстиниан I наблюдает за строительством, справа — строящийся храм. Невозможно утверждать, что миниатюрист был в Константинополе и видел храм, скорее изображение Айя-Софии он скопировал с более ранней миниатюры, автор которой был ему хорошо знаком. В любом случае колонны около собора кажутся списанными с натуры. В центре коллонады стояла римская триумфальная колонна Юстиниана, возведенная в честь побед его армий в 543 году между собором Святой Софии и Большим дворцом. В начале XVI века эта колонна была разрушена османами. Плохая сохранность миниатюры с ее изображением объясняется, вероятно, некачественным гуммиарабиком, что вызвало шелушение красочного слоя.

Одно из ранних изображений интерьера храма Святой Софии содержится в Минологии Василия II, хранящемся

в Ватикане. Это древнейший иллюминированный византийский агиографический манускрипт X века. Посвятительное стихотворение в рукописи свидетельствует, что он был составлен в 979–989 годах для византийского императора Василия II Болгаробойцы. На одной из миниатюр патриарх благословляет прихожан крестом, стоя на не дошедшей до нас кафедре собора Святой Софии. Изображение позволяет представить, как выглядел этот роскошный амвон. А вот пол из бело-голубого мрамора, напоминающий водную стихию, сохранился до наших дней.

На постройку собора шли самые дорогостоящие материалы, в том числе и архитектурные элементы древних зданий из Рима — порфиновые колонны из храма Солнца, колонны из зеленого мрамора, взятые из разрушенного храма Артемиды в Эфесе, считавшегося одним из семи чудес света. Для придания храму небывалой роскоши использовались золото, серебро, слоновая кость.

Благодаря свидетелю восстановления собора после землетрясения 557 года византийскому эпиграммисту Павлу Силенциарию, мы узнаем много деталей. В экфрасисе «Описание храма Святой Софии» он пишет: «Не только на стенах, отделяющих священника от хора певцов, он [Юстиниан] установил пластины из чистого серебра, но и колонны, всего шесть пар по две, он полностью покрыл серебряным металлом, и они посылают свои лучи далеко и широко <...> И над чисто золотым столом возвышается в просторный воздух неопишуемая башня, воздвигнутая на четырехсекционных серебряных арках. Она возведена на серебряных колоннах, на вершинах которых каждая из четырех арок поставила свои серебряные ножки. Арки образуют фигуру, похожую на конус, но это не совсем конус: внизу его край не вращается по

Строительство храма Святой Софии. Миниатюра из старославянского перевода «Исторического обозрения» Константина Манассии (1335–1345). Библиотека Ватикана

Патриарх благословляет прихожан крестом, стоя на кафедре собора Святой Софии. Миниатюра из Миналогия Василия II (979–989). Библиотека Ватикана

Арабские послы и император Лев VI. Миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы «Обозрение истории» (XII век). Национальная библиотека Испании (Мадрид)

Молящиеся в соборе Святой Софии. Миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы «Обозрение истории» (XII век). Национальная библиотека Испании (Мадрид)

кругу, а имеет восьмиугольное основание, а в широком плане он постепенно поднимается вверх до конуса.

«Соломон, я превзошел тебя!» — так, по преданию, имея в виду Иерусалимский храм, воскликнул Юстиниан, осматривая внутреннее убранство собора.

Рукопись «Обозрение истории» византийского чиновника Иоанна Скилицы — хроника правления византийских императоров. Она была написана на Сицилии в XII веке, сейчас находится в Национальной библиотеке Испании в Мадриде. Уникальность манускрипта

заключается в его миниатюрах, их там 574. На миниатюре «Арабские послы» изображен император Лев VI, показывающий священные сосуды и золотой крест Святой Софии арабским посланцам из Тарса и Мелитены. Все действие происходит в галерее Святой Софии. Цветовая гамма миниатюры — золото, красное и синее, самое торжественное сочетание красок. Арочные своды украшены растительным орнаментом.

На другой миниатюре манускрипта перед нами предстают молящиеся в соборе. Особый интерес вызывают двухъярусные арочные своды и икона «Христос Пантократор» на золотом фоне.

Редчайшая иконография — изображение коронации византийского императора Михаила I Рангаве. Патриарх провозглашает его императором, и воины поднимают его на щите. Звучат трубы, все аплодируют зрелищу, император облачен в золотые одежды. Происходит это на площадке под Омфалионом — главным куполом собора. Пол, выложенный мраморными плитками разных размеров и цветов, сохранился до наших дней.

Святая София стала сакральным собором в истории России: по легенде, князь Владимир принял православие потому, что послан, отправленным в Византию, понравилась красота службы. Хотя их миссия была не оценивать внешнее, а составить мнение о сугубо веры.

В «Повести временных лет» читаем: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Мы не можем забыть той красоты, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет

Коронация византийского императора Михаила I Рангаве. Миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы «Обозрение истории» (XII век). Национальная библиотека Испании (Мадрид)

потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

Самая старая из сохранившихся карт Константинополя и единственная известная до завоевания города турками в 1453 году содержится в «Книге островов в архипелаге» флорентийского монаха, путешественника и картографа эпохи Раннего Возрождения Кристофоро Буондельмонти. Карта хранится в Париже в Национальной библиотеке Франции. На ней изображен Константинополь с птичьего полета, хорошо видны колонны на площади и Аия-София — над ней сделана надпись.

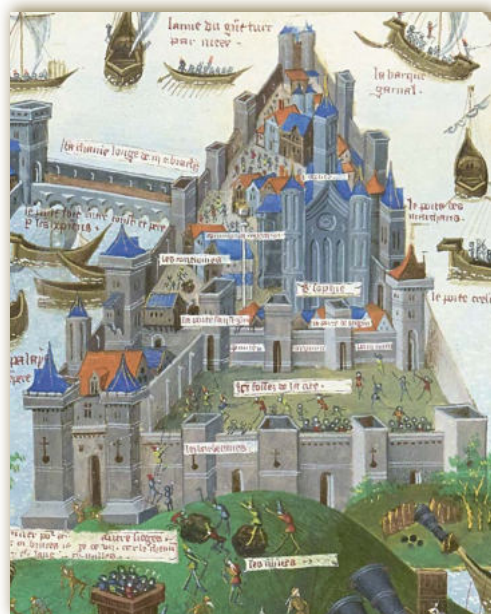
После захвата Константинополя в 1453 году османами в рукописях появляется множество изображений этого события. В Париже в Национальной библиотеке Франции хранится манускрипт «Взятие Константинополя», иллюминированный знаменитым фламандским художником-миниатюристом Жаном Ле Тавернье. Интересно, что Святую Софию он изобразил как готический собор с башнями — очевидно, никогда не видел этого

Карта Константинополя из «Книги островов в архителаге»
Кристофоро Буондельмонти (1422).
Национальная библиотека Франции (Париж)

Жан Ле Тавернье. Взятие Константинополя.
Лист из манускрипта. 1455.
Национальная библиотека Франции (Париж)

*Жан Ле Тавернье.
Взятие Константинополя. Фрагмент
иллюстрации из манускрипта. 1455.
Национальная библиотека Франции
(Париж)*

храма. На одной из миниатюр перед нами предстает палаточный лагерь, разбитый у городских стен, на другой изображен штурм города — мощные атаки нападающих с суши и воды. За каменными стенами видна готическая роза собора.

Рукопись «Путешествия сэра Джона МанDEVИЛЛЯ», хранящаяся в Британской библиотеке, вероятно, создана около 1410 года в Богемии. Она не содержит текста и состоит из 28 полностраничных тонированных миниатюр на зеленом пергамене. Иллюстрируя пребывание Джона МанDEVИЛЛЯ в средневековом Константинополе, художник опять-таки изображает Святую Софию как готический храм с витражными розами и колокольней. И опять мы можем предположить, что мастер не видел храма, поэтому и возникла вообразенная им готика. Рукопись выполнена в технике гри-

зайля, добавлены только сияющий синий цвет неба и золото в колонне с фигурой Юстиниана. И здесь фигура не соответствует подлинной — статуе Юстиниана на коне, венчающей колонну.

Два прекрасных изображения Аия-Софии украшают «Всемирную хронику» Гартмана Шеделя, вышедшую на немецком языке в Нюрнберге 23.XII.1493 с великолепной раскраской акварелью гравюр. Она стала самой многотиражной книгой своего времени — каждое издание достигало 1000 экземпляров, хотя в среднем инкунабулы печатались тиражом 100–200–300 экземпляров. Один экземпляр «Хроники», происходящий из собрания графа Николая Петровича Румянцева, хранится в РГБ.

Успех издания объясняется тем, что это первая так богато иллюстрированная книга — 1806 гравюр, некоторые из которых во весь лист или даже разворот листов. К тому же это первая историческая и географическая всемирная энциклопедия, охватившая развитие человечества от Сотворения мира до 1492 года.

*Миниатюра из рукописи «Путешествия сэра
Джона МанDEVИЛЛЯ» (Богемия, около 1410).
Британская библиотека (Лондон)*

Гравюры из книги Гартмана Шеделя
«Всемирная хроника» (Нюрнберг, 1493). РГБ

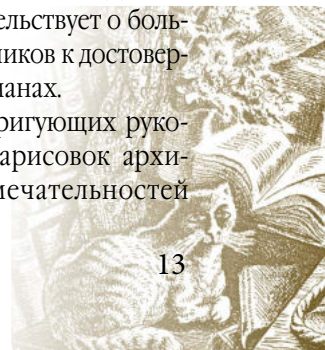
Многочисленные гравюры на дереве, иллюстрации, портреты и карты для книги созданы Михаэлем Вольгемутом, Вильгельмом Плейденвурфом и их мастерской, в которую входил Альбрехт Дюрер. Некоторые гравюры с изображением городов сделаны с натуры. Панорамные виды Константинополя, где особое место занимает Айя-София, были сделаны Вольгемутом с карт Кристофоро Буонделмонти. На одной из гравюр изображена гроза 12 июля 1490 года, в результате которой город сильно пострадал. Мы видим, как удар молнии поражает массивную бронзовую статую Юстиниана, стоящую на высоком пьедестале посреди площади Августеон. Автор «Всемирной хроники» Гартман Шедель утверждал, что слышал историю о разрушении статуи от венецианского купца, который был свидетелем этого события. На самом деле, статую снесли и расплавили несколькими десятилетиями ранее по приказу османского султана Мехмеда II, чтобы изготавливать пушечные ядра для осады Белграда в 1456 году.

На немецком рисунке XVI века «Великий визирь Паша и сопровождающие его

лица» изображен собор Святой Софии, мимо которого визирь проезжает. Одна стена храма отсутствует — открыта левая часть здания и виден интерьер с пятью саркофагами. Художник Захария Веме великолепно передал атмосферу церемониальной жизни: на переднем плане процессия в ярких костюмах, величественный вид храма притягивает наш взгляд. Изображение очень убедительно, собор явно нарисован с натуры, хорошо показаны контрфорсы из камня. Рисунок создан в Дрездене в 1581–1582 годах, происходит из собрания Музея Гравюрного кабинета Дрездена.

В описи Дрезденской кунсткамеры 1587 года есть «Шluminirtt turckenbuch», который Веме скопировал от имени курфюрста Саксонского Августа с копии, позаимствованной у бывшего имперского посла в Константинополе Дэвида Унгнада. Рисунок свидетельствует о большом интересе современников к достоверной информации об османах.

Одна из самых интригующих рукописей — это альбом зарисовок архитектурных достопримечательностей

Захария Веме. Рисунок «Великий визирь Паша и сопровождающие его лица» (Дрезден, 1581–1582). Музей Гравюрного кабинета (Дрезден)

Константинополя, подаренный библиотеке Тринити-колледжа в Кембридже Эдвином Хэнсоном Фрешфильдом в 1935 году. Некоторые из рисунков датированы 1574 годом, и возможно, что они были созданы западным художником, посетившим Константинополь в составе дипломатической миссии, посланной в Левант императором Священной Римской империи Максимилианом II. Альбом, представляющий собой набор листов ин-фолио, сшитых в простую пергаменную обертку, содержит 21 рисунок акварелью и тушью. На девяти полосах столбцы текста слишком высоки, чтобы их можно было проиллюстрировать на страницах альбома, и к ним прикреплены сложенные листы. Некоторые из иллюстраций включают записи французского топографа Пьера Жилия, чей путеводитель по древностям Константинополя «De topographia Constantinopoleos» был отпечатан в 1561 году.

Эдвин Хэнсон Фрешфильд, который читал лекцию Обществу антикваров в 1922 году о принадлежащем ему

альбоме, предположил, что художником, возможно, был Стефан Герлах, капеллан посланника Римской империи в Константинополе. Рисунки в альбоме Фрешфильда настолько подробны, что, возможно, они предназначались для использования в качестве гравюр на меди, но никаких доказательств их воспроизведения где-либо еще обнаружено не было. В XX веке альбом стал известен как основной источник иконографической информации. На одной из его гравюр представлен панорамный вид Константинополя, включающий ипподром, Айя-Софию на заднем плане, обелиск фараона Тутмоса III, колонну Бронзового Змея и обнесенный стеной обелиск Константина VII на переднем плане. Более подробные изображения всех этих достопримечательностей можно найти в альбоме на картине «Колонна Константина».

Гаспар Фоссати. Литография из альбома «Айя-София, Константинополь» (1825). Британский музей (Лондон)

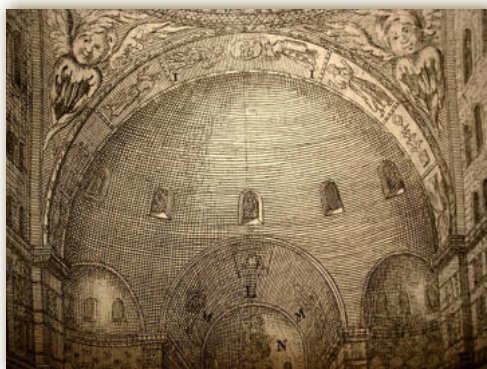
Рисунок акварелью из альбома архитектурных достопримечательностей Константинополя (Альбома Эвина Хэнсона Фрейшфильда) (1574). Библиотека Тринити-колледжа (Кембридж)

Швейцарские архитекторы братья Гаспар и Джузеппе Фоссати прославились реконструкцией в 1847–1849 годах собора Святой Софии, фактически спасшей его от разрушения. Они обнаружили в храме и сохранили древние мозаики VI–XII веков, сделали множество рисунков интерьера, по которым Луи Хаге выполнил литографии с ручной раскраской. Комплект из 25 литографий Гаспара Фоссати, опубликованных в 1825 году под названием «Айя-София, Константинополь», хранится в Британском музее. На одном из рисунков изображен вид, открывающийся с балкона Айя-Софии: два купола вверху, толпа молящихся на ковре внизу и вход на заднем плане.

Гравюра в книге «Восточная империя, или Древности Константинополя» (*Impetium Orientale, sive Antiquitates Constantinopolitanae*), составленной ученым, археологом Ансельмо Бандури по материалам обнаруженного им средневекового рукописного путеводителя по византийской столице и опубликованной в 1711 году в Париже, изображает интерьер Святой

Софии. Сейчас книга хранится в Национальной библиотеке Франции.

Гравюра прекрасно передает всю огромность пространства храма, его величественную архитектуру, а забавные фигурки серафимов, напоминающие путти, своими улыбчивыми лицами создают ощущение, что благословляют нас. Недаром чудесный мир убранства собора Святой Софии оказал огромное влияние на дальнейшее развитие архитектуры, живописи и искусства графики. [ПК]

Гравюра из книги «Восточная империя, или Древности Константинополя» (Париж, 1711) Национальная библиотека Франции (Париж)

БЫЛОЕ.

СТИХОТВОРНАЯ ПОВЕСТЬ,

ГЛАВА 1-я и 2-я.

В. М. Дорошевичъ.

Какъ я попалъ
на Сахалинь.

МАГАЗИНЪ

Зеленый
Климайтъ Левайтъ белитъ.

Сотворилъ свѣтъ души...
Скажи мнѣ...
...и что...

Александръ

Какъ это было

Историческое описание
города Воронежа.
...и в Воронежѣ...

**ИСТОРИЧЕСКОЕ
И
СТАТИСТИЧЕСКОЕ
ОПИСАНІЕ
ГОРОДА ВОРОНЕЖА,**

съ приложениемъ описанія нахо-
дющейся въ ономъ

**ПЕРВОКЛАССНОЙ ОБИТЕЛИ
ВО ИМЯ СВ. УГОДНИКА
МИТРОФАНІЯ.**

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. ХАРИТОНОВА.
1839.

**СОЧИНЕНІЯ
Н. И. ПИРОГОВА.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

съ 2 портретами автора.

Юбилейное изданіе, значительно дополненное.

отъ 10 р.	—	Е.
"	15	"
"	1	"
"	2	50
"	1	50
"	5	—
"	2	—
"	1	50
"	—	—
"	17	р.

Из з писок собир теля

О.Г. Л сунский

Про родной город...

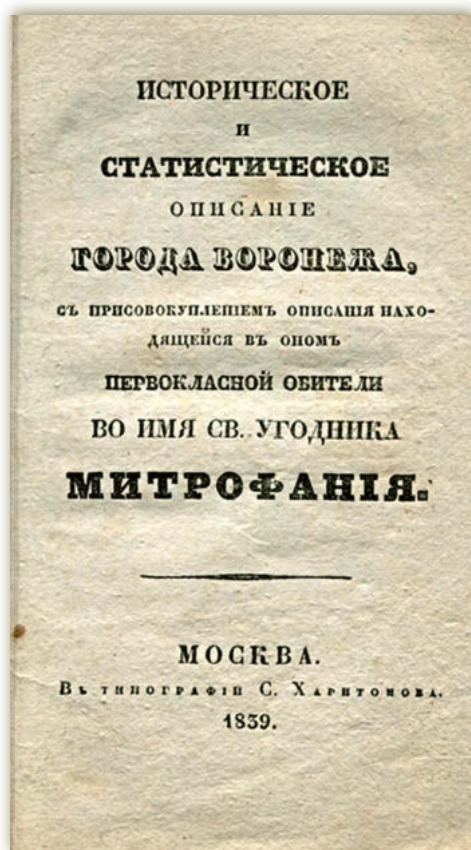
«Что может быть приятнее для чтения, как не описание предметов отечественных?» Этой фразой открывается томик, о котором пойдет разговор, и с ее смыслом не поспоришь!

Чтобы ознакомиться с содержанием анонимной книжечки, внешне совершенно непритязательной, да и невеликой по своему объему и формату, воронежским краеведам еще совсем недавно приходилось отправляться на невские берега — в Российскую национальную библиотеку (РНБ). Теперь один из экземпляров прописался в нашем городе и в недалеком будущем станет доступен специалистам. Давно не найденное издание неожиданно обнаружилось в числе аукционных лотов в столице и даже вызвало переполох в библиофильском стане. Хотя, честно говоря, кому, кроме воронежцев, оно еще способно быть интересным? Разве что собирателям литературы, посвященной провинциальным монастырям?

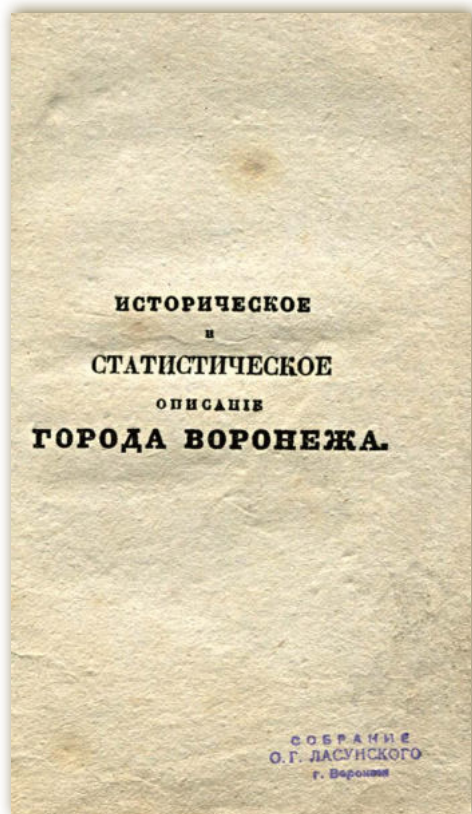
Для своего почтенного возраста книжечка выглядит вполне прилично. Правда, никто из прежних владельцев так и не соизволил приодеть ее в нарядный переплет. Осталась она в своих сиротских немых обложках бледно-желтого цвета. Да и тиснута была на скверной, грубой выделки бумаге. Видать, С. Харитонов, хозяин одной из московских типографий, не слишком ценил заказ, поступивший из губернского Воронежа.

Книжечка вышла в свет в 1839 году. Цензорское разрешение к печати было

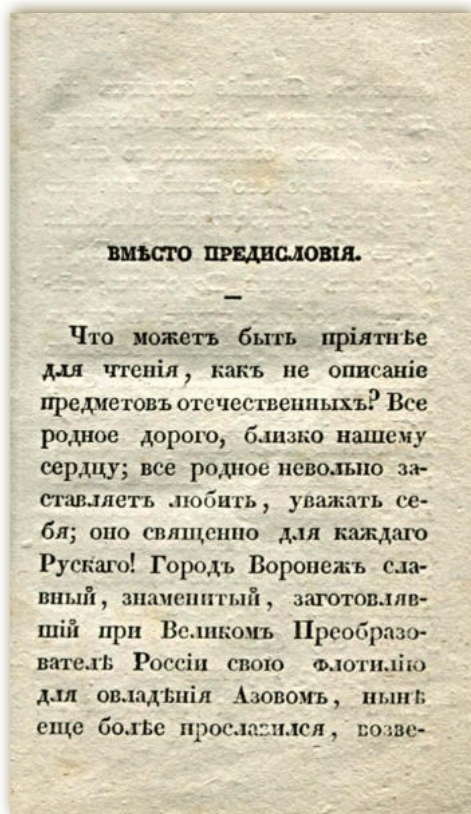
дано в июле 1838 года. Сопоставление этих дат позволяет предположить, что перед нами не что иное, как рассказ о Воронеже, приуроченный к прибытию в сей достославный град наследника российского престола, великого князя Александра Николаевича (1837). По крайней мере, такого мнения придерживается

Титульный лист книги «Историческое и статистическое описание города Воронежа, с присовокуплением описания находящейся в оном первоклассной обители во имя св. угодника Митрофания» (М., 1839)

Лист из книги «Историческое и статистическое описание города Воронежа, с присовокуплением описания находящейся в оном первоклассной обители во имя св. угодника Митрофания» (М., 1839)

Лист из книги «Историческое и статистическое описание города Воронежа, с присовокуплением описания находящейся в оном первоклассной обители во имя св. угодника Митрофания» (М., 1839)

авторитетный местный исследователь А.Н. Акинъшин...

Мое новоприобретение именуется так: «Историческое и статистическое описание города Воронежа, с присовокуплением описания находящейся в оном первоклассной обители во имя св. угодника Митрофания». Сочинитель пожелал остаться для публики неизвестным, хотя несколько невольных оговорок заставляют уверенно утверждать, что автором был вполне конкретный человек. А.Н. Акинъшин полагает, что этим скромником вполне мог стать педагог Николай Михайлович Савостьянов, вед-

ший в 1820–1840-х годах курс словесности в Воронежской губернской гимназии. Ведь именно ему было поручено составить описание Воронежа со всеми его примечательностями, дабы цесаревич Александр мог узнать, чем отличен от иных сей губернский центр.

Н.М. Савостьянову отнюдь не случайно было оказано столь высокое доверие. Выпускник Харьковского университета (1818), получивший там же степень кандидата словесности (1821), Николай Михайлович пробовал свое перо в различных жанрах и даже издал стихотворный сборник «Гимн святителю Митро-

фану, первому епископу Воронежскому» (Харьков, 1832). Кому же, как не ему, следовало составить историческую записку о родном городе? Разумеется, она в немалой степени опиралась на известный краеведческий труд Е.А. Болховитинова (1800), зато свое повествование о «первоклассной» обители во имя Митрофания (она находилась под непосредственным управлением местного владыки) гимназический учитель строил на изображении событий, свидетелем каковых он был и сам.

Обретенные в 1831 году мощи святого угодника спустя пять лет были перенесены в только что учрежденный Митрофановский Благовещенский монастырь, куда стали стекаться паломники из всех уголков Отечества. На Соборной площади всегда толпились богомольцы, утолявшие жажду живительной влагой из колодезя, вырытого на монастырской территории; вода извлекалась из глубины посредством ходящей по кругу лошади. Величественная колокольня виднелась с любой улицы. Позднее внутренние стены Благовещенского собора были украшены «италиянскою» живописью, а иконостас поражал верующих своим благолепием...

«Всякая древность должна быть чтима!..» — восклицает автор любезной моему сердцу книжицы. Он ничуть не сомневается: «статистическое» описание Воронежа не заставит скучать его добрых читателей.

Конечно, объявившаяся на аукционе книжица сейчас едва ли способна служить серьезным источником знаний для ученой братии: за минувшие полтора с немалым гаком века вышла тьма исследований о нашем если не древнем, то, во всяком случае, старинном городе. А вот у библиофилов дрожат от волнения руки, когда они перелистывают эти

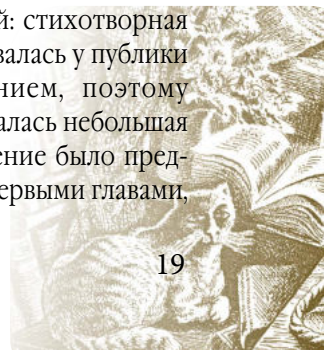
сшитые суровой нитью печатные страницы. Отчего же книжники с осторожностью прячут такие реликвии в светонепроницаемые обертки? Что в эти минуты заставляет их сердца биться в бешеном темпе? Зачем они торопятся поведать о своих находках простодушным землякам?.. Все это, разумеется, чисто риторические вопросы. Обычные, с рациональным мышлением люди только иронически улыбнутся. Очень хочется таких господ пожалеть.

Настоящая жизнь — это когда удача не покидает ловцов библиографических редкостей!

Пис но «онегинской строфой»

Когда мне сообщили, что на очередном антикварном торжище будет выставлена любопытная книжечка, где в начальных же строках упоминаются «воронежские степи», решение не заставило себя долго ждать: она должна отправиться на донские брега! Образ бесконечных ковыльных пространств закрепился в сознании соотечественников благодаря прежде всего нашему прославленному песеннику Алексею Кольцову. Его знаменитый «Косарь» возвел такое сугубо природоведческое понятие, как «степь», в некий символ; словосочетание «воронежские степи» постепенно стало восприниматься в качестве поэтического олицетворения...

Торги прошли успешно, книжечка откочевала в Воронеж. Состояние передней сторонки обложки не оставляло никаких сомнений: стихотворная повесть «Былое» пользовалась у публики несомненным вниманием, поэтому экземпляру явно требовалась небольшая реставрация. Произведение было представлено только двумя первыми главами,

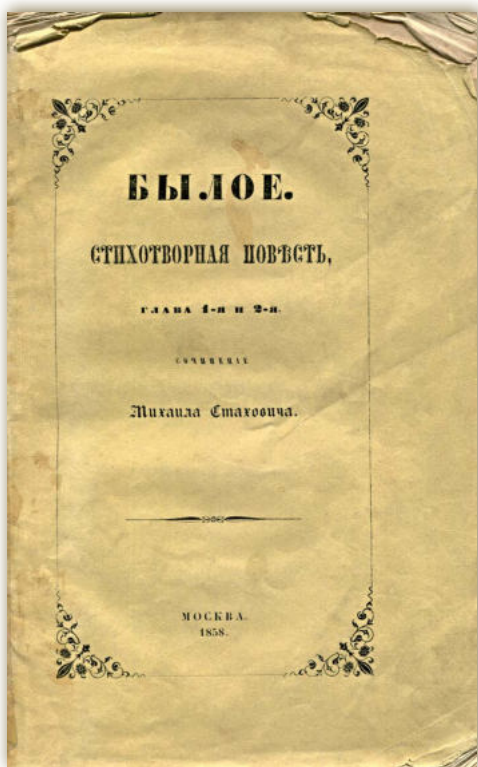

однако читатели, не лишённые воображения, имели отличную возможность попытаться продолжить и даже завершить полет авторской фантазии.

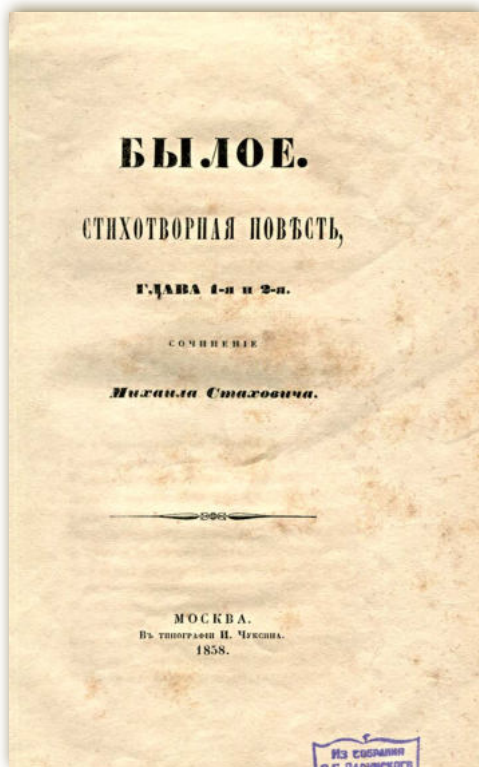
Сочинение Михаила Стаховича печаталось в московской типографии И. Чуксина и, похоже, стало последним прижизненным изданием талантливого литератора: осенью того же 1858 года его снесли на кладбище в селе Пальна, Михайловка тож: это родовое гнездовье Стаховичей находилось в Елецком уезде Орловской губернии. Кстати, Михаил Александрович в конце каждой главы своего «Былое» помечал время и место ее завершения: 1 ноября 1854 года, Пальна, и 14 октября 1857 года, Елец. Как видим, повесть создавалась с большим перерывом: не потому ли и не была

закончена? А, может, оттого и осталась недописанной, что увлеченный творческими порывами автор предавался слишком многим занятиям?

М.А. Стахович (1820–1858) остался в истории изящной словесности как мастер на все руки. Он был не только поэтом, но и драматургом и переводчиком, а главное, фольклористом и музыкальным деятелем. Молодой ельчанин окончил юридический факультет Московского университета и делил свой досуг между Орловщиной и древней столицей. Наделенный даром благозвучия, Михаил не просто брэнчал на струнах, но изучал происхождение семиструнной гитары. Его большой исторический очерк о ней журнал «Москвитянин» охотно поместил на своих страницах (1854). А еще Михаил

Обложка издания стихотворной повести М.А. Стаховича «Былое» (М., 1858)

Титульный лист издания стихотворной повести М.А. Стаховича «Былое» (М., 1858)

аранжировал для гитары и фортепиано мелодии, услышанные им в фольклорных экспедициях...

Бурлившая в жилах дворянская кровь вовсе не мешала Стаховичу со страстью отдаваться пропаганде простонародных песен. Он изрядно поколесил по средне-русским равнинам, останавливаясь в глухих деревеньках, где на крестьянских празднествах поселяне по обычаю предков предавались многоголосому пению. Стахович записывал и мотивы, и тексты песен, дабы позднее их предложить вниманию общественности. Составленные им сборники великорусских народных песен публика принимала с воодушевлением.

Поездки по Воронежской губернии надоумили Стаховича обратиться к сюжету, который он, кажется, предполагал развернуть в большое повествовательное полотно. Но невероятный темп жизни постоянно мешал довести сей проект до конца. Однако и оставляя в рукописи уже состоявшиеся главы было жалко. Так и появилась на свет эта 32-страничная книжица, отсутствующая нынче во многих, причем весьма авторитетных, каталогах личных библиотек...

Итак, на заброшенном среди придонских степей хуторе происходят ничем не примечательные события: скрипят обозы, гостит цыганский табор, разводит свой костерок прасол. Живут на хуторе братья Кирило и Прохор: первый бездетен, а у второго, грамотея и говоруна, есть дочка Аксинья, которую отец поначалу хотел назвать Татьяной — в честь героини любимого романа в стихах. Вообще тень Пушкина незримо витает здесь над персонажами, а само произведение писано так называемой онегинской строфой.

Мечтал Кирило выдать свою племянницу (пьяница Прохор уже отдал Богу душу) за какого-нибудь купчика: Аксюта

*Шандор Козина. Портрет
М.А. Стаховича. Холст, масло. 1840-е годы.
Орловский музей изобразительных искусств*

уже стала статной, пышущей здоровьем девой. Глава кончается таинственным полночным стуком в избу... Следующая глава отправляет читателя в Москву, которую Стахович явно предпочитает холодному во всех смыслах Петербургу. Аксюта в этой главе совершенно забыта, зато театралы вовсю восторгаются игрой Мочалова в роли шекспировского Гамлета. М.А. Стахович, несомненно, вспоминает свое студенчество, дружеские пирушки в трактире, горячие споры за полночь о благе Отечества. Один из собутыльников зовется Сосновым, аттестуется он как «студент до гробовой доски» и жаркий поклонник философа Гегеля. Вообще автор поет гимн вольному студенческому братству. Лирическая, в сущности, глава рисует нравы и обычаи золотой московской молодежи.

Финальная строфа намекает на дальнейшее развитие фабулы. В тексте мелькает некий безымянный приказчик,

которому, кажется, предназначалась важная роль в следующей, увы, так и не написанной главе. Почему М.А. Стахович, легко владевший слогом, прервал себя на полуслове, почему оставил свое сочинение без логического завершения? И не намеревался ли он познакомить Аксюту с упомянутым приказчиком?

Не исключено, что автор еще вернулся бы к заинтересовавшему его сюжету. Действительность распорядилась иначе: елецкий барин был убит при невыясненных обстоятельствах собственным бурмистром, вступившим в сговор с хозяйским письмоводителем. Получается, что книжечка «Былое» стала последней авторской радостью для Михаила Александровича. Каков был ее тираж? Насколько она редка? Имеется ли она, к примеру, в собрании современного орловского библиофила В.Е. Лаврушина?..

Но, как бы то ни было, в граде Воронеже мой экземпляр пребывает в единственном числе. И ему прямая дорога — в наш областной Литературный музей, где Стахович «повстречается» с Кольцовым и Никитиным.

Знакомьтесь: Андрей Шингарёв...

В один из апрельских дней 2005 года обычно тихая в этом месте Студенческая улица гудела взволнованными головами. У дома под номером 36 собралась толпа, в которой мелькали люди с кинокамерами и диктофонами. Готовилось какое-то неординарное зрелище. Само здание, возле которого все это происходило, сильно выделялось среди соседних строений своими замысловатыми архитектурными формами. Даже при беглом взгляде было очевидно: первоначально оно было двухэтажным и только позднее надстроено еще двумя этажами.

Когда-то сюда с ранцами за спиной торопились со всего города школяры: тут располагалось реальное училище. В 1886 году его окончил юноша, которому суждено было войти в историю России. В память о нем и собрались тогда люди на Студенческой (некогда Грузовой) улице. На обращенном к ней фасаде здания должна была появиться мемориальная доска. Когда закрывавшее ее полотно сползло, обнаружился портрет «виновника торжества» — Андрея Ивановича Шингарёва. Ораторы (среди них был и ваш покорнейший слуга) говорили о заслугах Шингарёва перед Отечеством. Деликатно умалчивалось о том, что советское идеологическое ведомство предпочитало не вспоминать имя этого «контрреволюционера», одного из лидеров кадетской партии, троекратного депутата старой Государственной думы.

О погибшем в расцвете лет Андрее Ивановиче Шингарёве (1869–1918) сейчас пишутся различные научные работы и защищаются диссертации. Для моих земляков его фигура приобрела культовый характер. Все, что имеет к ней отношение, живо интересует местных историков. Так что ничего необычного не было в том, что меня заинтересовало известие: дескать, в Воронеже обнаружались реликвии, связанные с шингарёвской личностью. Объявились они у моего давнего знакомого, отчаянного собирателя краеведческих редкостей Юрия Ивановича Золотухина. Мне уже доводилось представлять его публике. Инженер-механик по образованию, выпускник нашего Политеха (1982), Ю.И. Золотухин симпатичен мне своей почти фанатической страстью к коллекционированию издательской и всяческой иной документальной «воронежианы». Мне доводилось бывать у него дома, и один только вид шкафа с любопытной книжной начинкой

всякий раз производил на меня сильное впечатление.

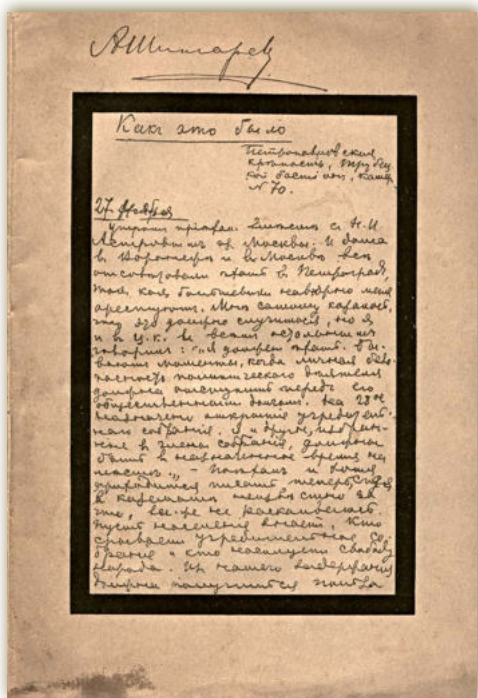
В 2019 году вышел каталог золотухинской библиотеки. Он назывался «Родной край в печатной строке» и включал более 220 библиографических записей; в нем были зарегистрированы издания, относящиеся к 1747–1960 годам. В собрании Юрия Ивановича присутствует немало книг, которых нет в наших ведущих региональных хранилищах. Тираж каталога (50 экземпляров) разошелся по российским краелюбам. Кстати, Юрий Иванович, завсегдагай краеведческих чтений в областной Никитинке, однажды сумел уже поразить слушателей сообщением о своей коллекции.

После появления каталога она стала пополняться настолько интенсивно, что впору братья за подготовку следующего выпуска библиографического перечня. Почти две сотни изданий (одно из них датировано 1799 годом и было произведено в первой воронежской типографии) — таково приращение этой незаурядной индивидуальной библиотеки... Приобретались и целые комплексы печатных памятников, объединенные общей темой. Один из них как раз и посвящен Андрею Ивановичу Шингарёву. Материалы поступили совсем недавно из Петербурга, где, между прочим, бывший министр земледелия, а впоследствии — финансов, состоявший во Временном правительстве, пытался навести порядок в распределении хлебных запасов и предотвратить продовольственный кризис в стране.

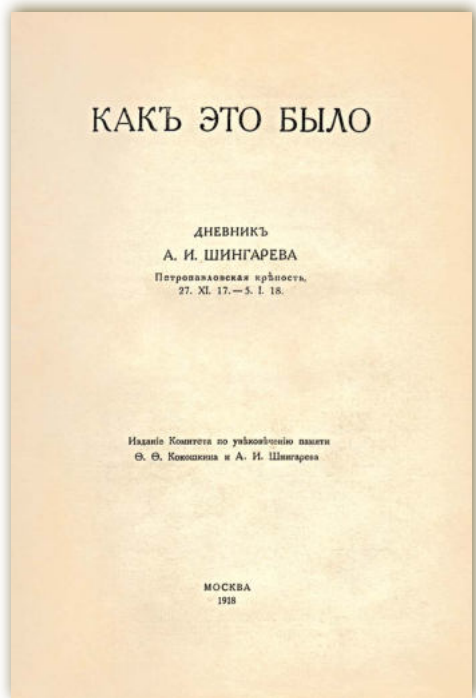
Популярность А.И. Шингарёва как политика была в либеральных кругах такова, что на выборах в Учредительное собрание его выставили своим кандидатом более десятка губернских комитетов. У правоверных ленинцев он был как кость в горле. В конце ноября 1917 года,

вскоре после поездки в родной Воронеж, Андрей Иванович был арестован и посажен в камеру № 70 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Вечером 6 января 1918 года узника перевезли под охраной в тюремное отделение Марининской больницы. Перед полночью в палату ворвалась кем-то науськанная матросня и, выполняя свой «классовый долг», учинила кровавую расправу над Шингарёвым и его товарищем, юристом Ф.Ф. Кокошкиным (оба были в своих округах избраны депутатами Учредительного собрания). Скромная могила этих первомучеников революционного времени сохранилась на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в северной столице.

Злодейское убийство видных общественных деятелей всколыхнуло интеллигентскую среду. Тотчас созданся «Всероссийский комитет по увековечению памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарёва». В руки Ю.И. Золотухина попала листовка той поры с призывом к согражданам жертвовать средства на мемориальные цели. Планы комитетчиков были обширными. Предполагалось, в частности, учредить в Москве народный университет имени покойных и несколько именных стипендий для учащихся, издать труды и речи Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарёва, выпустить посвященные им брошюры. Пожертвования принимались в конторах газет «Русские ведомости» и «Власть народа» наличными деньгами, а также купонами и чеками. Листовка распространялась от лица группы известных персон. В их числе были, например, А.А. Кизеветтер, Е.Д. Кускова, С.В. Панина, М.В. Сабашников, А.Г. Хрущов, Д.И. Шаховской. Текст листовки был довольно абстрактен и не содержал никаких подробностей роковых обстоятельств.

Обложка издания дневника А.И. Шингарёва «Как это было» (М., 1918)

Титульный лист издания дневника А.И. Шингарёва «Как это было» (М., 1918)

Имел ли какие-либо серьезные последствия призыв к сбору средств? Вероятно, да. Во всяком случае, их хватило на издание тех двух книг, которые попали к Ю.И. Золотухину. Обе появились в Москве (1918) под грифом общественного Мемориального комитета. Золотухинские экземпляры, по счастью, избежали участи тех своих собратий, которые вскоре после выхода в свет попали в спецхран — эту большевистскую темницу для неугодных режиму книг. Одно из изданий представляло собой дневник А.И. Шингарёва, ежедневно ведшийся им в Петропавловской крепости. Назывался он «Как это было», и первая страница рукописи, датированная 27 ноября 1917 года, факсимильно воспроизводилась на обложке. Заклучали книгу воспоминания сестры Шингарёва, Александры Ивановны. Она поведала об условиях

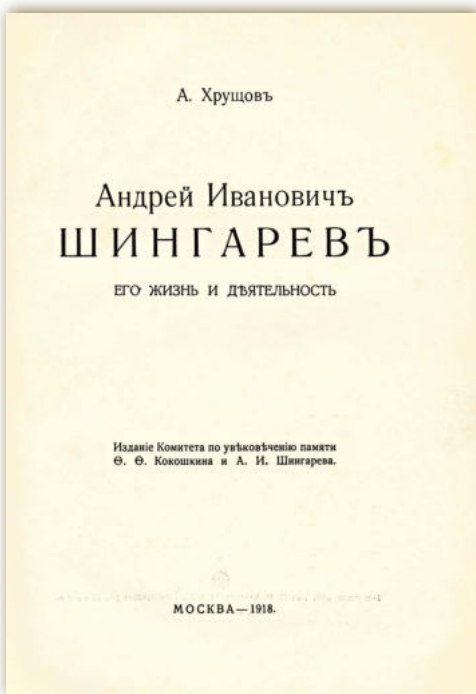
содержания арестованного брата в крепостной одиночке.

Шингарёвский дневник — поразительный исторический и литературный документ эпохи. Удивляет сила духа, с какой автор переносил выпавшие на его долю невзгоды. Не без иронии рассуждает он о том, что от прежней власти диктатуре пролетариата достались в наследство... довольно обширные тюрьмы, и в этом смысле она может превзойти царское самодержавие. В другом месте А.И. Шингарёв говорит о нравственном помешательстве нового режима, который свои рассуждения о величайших моральных ценностях совмещает с низостью практического насилия над инакомыслящими. Пророческими являются строки о том, что темная масса рано или поздно образумится и изувечится в своих безумных вождах...

Попутно замечу: шингарёвский дневник есть и в моем библиофильском собрании. Только это не книга как таковая, а ее репродуцированная копия, которая была доставлена мне в советские годы полуподпольным образом из Парижа. Там по моей просьбе ее изготовили по экземпляру, разысканному вдовой писателя-эмигранта М.А. Осоргина — Татьяной Алексеевны Бакуниной...

Мемориальный комитет выделил средства на издание еще одной книги, которая тоже попала к Ю.И. Золотухину. Она принадлежала перу Александра Григорьевича Хрущова и также увидела свет в Москве (1918). Вот ее заглавие: «Андрей Иванович Шингарёв, его жизнь и деятельность». В типографии товарищества «И.Н. Кушнерёв и К°» был изготовлен портрет Шингарёва, каким тот выгля-

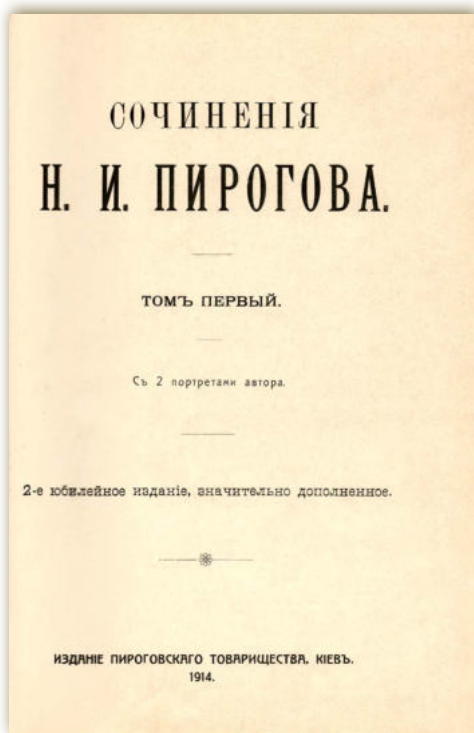

Титульный лист книги А.Г. Хрущова «Андрей Иванович Шингарёв, его жизнь и деятельность» (М., 1918)

дел в лучшую свою пору. Хрущов и Шингарёв были не только земляками и почти ровесниками, они не расставались друг с другом едва ли не со студенческих лет. Даже в избирательных списках по Учредительному собранию от кадетской партии «Народная свобода» по Воронежской губернии они стояли рядом. В министерствах земледелия и финансов Временного правительства А.Г. Хрущов был товарищем (то есть заместителем) А.И. Шингарёва.

Книга Хрущова дает довольно полную картину жизненного пути ее героя. Семейная обстановка в родительском доме, учеба в университете, женитьба, вольная практика в деревне, деятельность в Воронежском и Тамбовском земствах, выступления в Государственной думе, председательство в Военно-морском комитете и Особом совещании по обороне в годы мировой войны, министерское поприще, личная жизнь, насильственная смерть — обо всех этих этапах биографии рассказано с чувством глубокой скорби по случаю утраты для общества такого незаурядного, социально активного человека. Близко знавший своего героя автор создает его многомерный и необычайно обаятельный образ... Тираж книги, доставленный из типографии на склад издателей М. и С. Сабашниковых (Москва, Плющиха, 55), быстро таял: интерес к личности А.И. Шингарёва в публике был велик!

Среди наиболее примечательных сочинений Шингарёва А.Г. Хрущов упоминает его «Жизнь и деятельность Николая Ивановича Пирогова» (1911). Появление этого труда стало настоящим событием внутри медицинского сообщества. Автор использовал всю совокупность доступных ему источников, в том числе архивных и биографических, и сумел создать «величавый образ» (слова

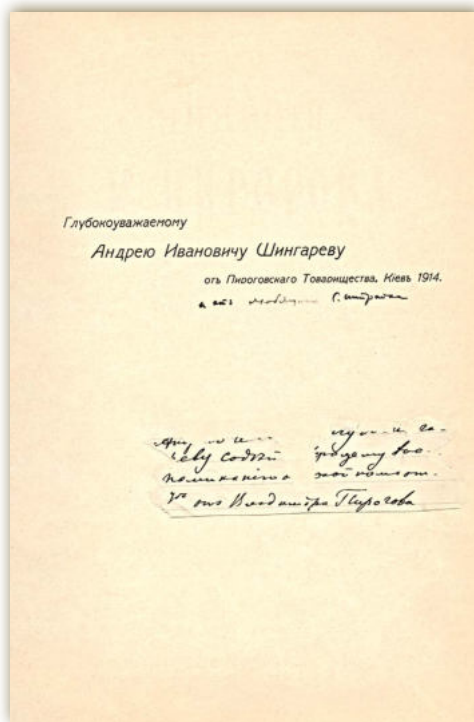
Титульный лист первого тома издания сочинений Н.И. Пирогова (Киев, 1914)

А.Г. Хрущова) «общественного врача» Н.И. Пирогова. «Ищи быть и будь человеком!» — этот пироговский девиз вполне совпал с душевным настроем Шингарёва.

Ю.И. Золотухину посчастливилось стать обладателем еще одного раритета. Я имею в виду первый том сочинений Н.И. Пирогова, изданный иждивением киевского «Пироговского товарищества» в 1914 году. В солидном по объему сборнике опубликованы многочисленные пироговские тексты (статьи, речи, докладные записки, эпistolы), связанные с проблемами воспитания и обучения молодежи: Пирогов был известен не только как гениальный хирург, но и как бескорыстный служитель на педагогической стезе.

К Юрию Ивановичу попал вовсе не рядовой экземпляр. Полукожаный переплет с золоченым обрезом сверху и шеро-

ховатым сбоку и внизу уже готовит книжнику какой-то сюрприз. А вот и он: специальный лист (на его обороте обозначено: № 4) имеет тиснутое типографским способом посвящение от «Пироговского товарищества» глубокоуважаемому Андрею Ивановичу Шингарёву. Тут же приписка от руки: «...и от любящего С. Штрайха». Петербуржец Соломон Яковлевич Штрайх удивительным образом сочетал в себе историко-литературные и декабристоведческие занятия с давним интересом к фигуре Н.И. Пирогова. Именно Штрайха «Пироговское товарищество» попросило взять на себя труд по составлению начального тома собрания сочинений Н.И. Пирогова и надзору за его издательским производством.

Лист с посвящением из первого тома издания сочинений Н.И. Пирогова (Киев, 1914) с дарственной надписью С.Я. Штрайха А.И. Шингарёву и вклеенным фрагментом письма В.Н. Пирогова А.И. Шингарёву

И еще одна особенная особенность присутствует в золотухинском экземпляре. На посвятельном листе наклеен фрагмент адресованной А.И. Шингарёву эпистола, подписанный сыном хирурга — В.Н. Пироговым. Непонятно, как этот клочок бумаги поселился в книге, но, во всяком случае, он усиливает ценность экземпляра, придает ему дополнительный мемориальный эффект. Нельзя исключить и того, что обрывок письма оказался здесь по воле самого Андрея Ивановича...

Маленькая шингарёвская коллекция, образовавшаяся у Юрия Ивановича Золотухина, лишний раз свидетельствует о немалой социальной значимости собирательства как специфического общественного явления. Коллекционеры — это равнодушные, наполненные творческой энергией люди, которые не дают своим современникам забыть о личностях и событиях, сыгравших немаловажную роль в истории Отечества. Надеюсь, в недалеком будущем выйдет продолжение каталога с описанием собрания Ю.И. Золотухина, и шингарёвская подборка материалов там вовсе не затеряется...

«К торжн я» книг

Мне однажды довелось побывать в гостях у писателя и отчаянного библиофила Владимира Германовича Лидина. Он, разумеется, хвалился своими приобретениями, преимущественно всякого рода униками. До полок с более или менее любопытными книгами дело так и не дошло. Между тем после кончины хозяина его незаурядная коллекция пошла в распыл, и наряду со знаменитыми, уже известными публике экземплярами, на торги стали выставляться издания поскромнее, но все равно отнюдь не рядовые, отмеченные какой-нибудь

*Титульный лист книги В.М. Дорошевича
«Как я попал на Сахалин» (М., 1905)*

индивидуальной судьбой. Уже на исходе распродаж мне досталась микроскопическая доля лидинской библиотеки — несколько томиков, облаченных вместе с обложками в весьма непритязательный картон. Переплетное любительское ремесло в советские годы находилось едва ли не на грани вымирания. Лидин, этот аристократ собирательства, вынужден был довольствоваться услугами почти подпольных мастеров, украдкой выносивших из типографий клочки ледерина или балакрона. Но, главное, Владимир Германович не уставал предупреждать своих переплетчиков, чтобы те не срывали с блока обложек.

Вот один из доставшихся мне аукционных лотов — записки Власа Дорошевича «Как я попал на Сахалин». Изданные Товариществом И.Д. Сытина (Москва,

Владимир Германович
 Я не смог быть
 на заседании в
 Секции книголюбов
 ЦДЛ, куда Вы
 желаете сообщить
 о рукописи "Жизнь
 Власа Дорошевича"
 (написана в 1905
 году). Никто из
 вас хорошо знает
 Дорошевича. Попро-
 сите у вас экземп-
 ляр его рукописи
 в библиотеке
 27 XII 67

Обратная сторона экслибриса, вложенного
 в экземпляр книги В.М. Дорошевича
 «Как я попал на Сахалин» (М., 1905),
 из библиотеки О.Г. Ласунского,
 с письмом В.Г. Лидину

1905), они пользовались огромным читательским вниманием. Владимир Германович был явно неравнодушен к оригинальной личности автора, даровитого журналиста и публициста. Об этом свидетельствует хотя бы одна из главок прелестных лидинских этюдов «Друзья мои — книги» (они переиздавались несколько раз). В главке рассказывалось о дочери Власа Михайловича: по совету Лидина она, уже находясь при смерти, надиктовала стенографисткам мемуарные тексты об отце; переведенные в машинопись, они сохраняются ныне в центральных архивах. В свой экземпляр В.Г. Лидин велел впести всякие редкостные материалы о Дорошевиче из своего собрания...

В поступившем ко мне экземпляре «сахалинских» очерков тоже обнаружилось любопытное вложение — экслибрис самого автора с его портретом в модной шляпе. Правда, знак не был наклеен на переплет, а просто вложен в книгу. На его обратной стороне имелся текст, датированный 27 декабря 1967 года и обращенный к Лидину. Неведомый мне человек (его мудреная подпись так и не поддавалась расшифровке) извинялся за то, что не смог присутствовать (по причине своей болезни) на том заседании Секции книголюбов Центрального дома литераторов, где Владимир Германович выступал с сообщением о рукописи «Жизнь Власа Дорошевича». Надо полагать, речь шла о той самой машинописной копии воспоминаний Н.В. Дорошевич о родителе, которую Лидин оставил у себя на память. Автор записки извещал о том, что он в свое время хорошо знал Власа Дорошевича, и сожалел, что обстоятельства не позволили ему прийти на заседание; вероятно, он предполагал выступить там со словом о Дорошевиче.

Книга «Как я попал на Сахалин» сложилась из многих публикаций, предварительно появившихся в периодике. Она вышла впоследствии несколькими изданиями (ко мне попало второе). Своё нелегальное полукругосветное путешествие корреспондент «Одесского листка» совершил в 1897 году на пароходе «Ярославль», в трюмах которого на Сахалин отправлялись осужденные. В.М. Дорошевич хотел поведать миру правду об обитателях этого «острова страданий». Картина разверзлась действительно страшная: голод, грабежи, убийства, нравственное озверение чиновников из надзорного ведомства. Автору удалось потрясти общество своими сценами из каторжного быта. Не лучше была и доля ссыльных поселенцев, оказавшихся на

этой Богом забытой окраине Российской империи. Их жизнь как бы возвращалась в эпоху крепостного права.

Первоначально принятый чуть ли не за ревисора, В.М. Дорошевич позднее получил официальное дозволение на общение с «туземцами». Автор сумел проникнуть в душевные тайники закоренелых преступников: в разговорах с ними раскрывались ужасающие детали совершенных ими поступков. Общий гуманистический пафос очерков обеспечил им значительный интерес со стороны либеральной части соотечественников.

Книга В. Дорошевича, прежде чем появиться в свет, испытала немало цензурных мытарств. Она не была рекомендована для приобретения публичными библиотеками и общественными читальнями. Тем не менее «каторжные» очерки В. Дорошевича преодолевали запретительные меры и становились достоянием общества. Примечателен сам факт их широкой перепечатки многими европейскими и американскими газетами.

Никто тогда еще не предполагал, что спустя каких-то полстолетия Сахалин покроется лагерями, окруженными колючей проволокой и сторожевыми вышками, и сюда потечет река арестантов «сталинского призыва». Верховный правитель социалистического государства вряд ли был знаком с произведением В.М. Дорошевича о дальневосточных островитянах. Может, уроки русской истории пойдут на пользу хотя бы грядущим поколениям!

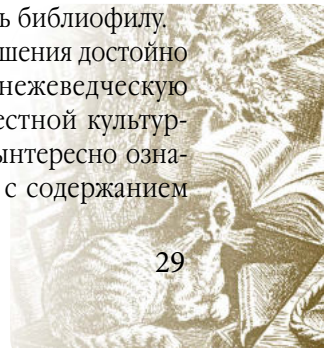
Летучие листки

Столичные антикварно-букинистические аукционы давно стали обыденным явлением. В советскую эпоху мы слышали лишь про меховые аукционы и не очень понимали, почему такое особое внимание

уделялось объектам пушного промысла. Первый современный аукцион издательских редкостей состоялся только в начале горбачевской перестройки: огромный зал Центрального дома литераторов в Москве был заполнен зеваками до отказа... Сейчас книжные торги проходят преимущественно в виртуальном пространстве, а их участники сидят у себя дома и следят за ходом действия по интернету. Изменился не только формат проведения аукционов — неизмеримо расширился сам ассортимент предлагаемых к распродаже лотов. Нынче на торги выставляются самые различные товары, если они имеют какое-либо отношение к сфере письменности и печати. Вот, к примеру, летучие листки, произведенные в качестве рекламной приманки...

Михаил Вадимович Сеславинский одарил меня несколькими такими артефактами. Оттиснутые на одной стороне листа, эти мини-объявления, наряду с театральными и иными афишами, предназначались для расклейки на каменных тумбах, стоявших на самых оживленных городских перекрестках. Поразительно, как смогли сохраниться до сей поры столь эфемерные творения печати! Более века они были спрятаны от посторонних глаз в чьих-то личных архивах... Теперь, явленные коллекционерскому миру, подобные бумаги становятся для собирателей предметом увлеченной охоты. Вот и мне досталась малая толика этой оригинальной типографской продукции. Конечно, с роскошными иллюстрированными фолиантами такие «простушки» соперничать не могут, но и они способны доставить радость библиофилу.

Сеславинские подношения достойно дополнили мою воронежеведческую копилку. Историкам местной культурной жизни будет небезынтересно ознакомиться, в частности, с содержанием

Рекламные листки. Конец XIX — начало XX века

афишки (отпечатана с дозволения полицмейстера А. Бернатовича), предлагавшей обывателям посетить магазин «Эхо». Он принадлежал семейству Шугам и размещался на первом этаже особняка, которым в начале XX века владела вдова коллежского ассесора Анна Германовна Пуле. Усадебный дом с флигелями располагался на Большой Дворянской улице. Вскоре почти напротив особняка будет возведена громада синематографа «Увечный воин» (с 1918 года он станет называться «Пролетариум»).

Ида Григорьевна Шугам позаботилась о том, чтобы сведения о ее заведении распространялись среди почтеннейшей публики как можно шире. В типографии Е.И. Гребенщиковой она заказала рекламку, сообщавшую о последних поступлениях в магазин. Между прочим, из Петербурга был тогда получен большой транспорт с роялями и пианино от придворных фабрикантов:

перечислялись традиционные немецкие фамилии; кстати, эти дорогостоящие инструменты можно было взять напрокат. Среди торговых новинок фигурировали: электрические самоиграющие пианино, фисгармонии с деревянными флейтами, симфонионы, народные цитры, мандолины, балалайки — более полусотни наименований! Были даже детские звуковые шкатулки, кружки для пива с музыкальной начинкой и куклы, исполнявшие разные мелодии, — словом, рай для меломанов! Большой выбор нот, выпущенных многими российскими издательствами, привлекал сюда сливки местного интеллигентского общества. Рекламка извещала земляков о том, что при магазине имеется мастерская по ремонту музыкального оборудования под наблюдением хозяйкиного супруга Р.Т. Шугама... Заглянуть в «Эхо» почитал своим священнейшим долгом каждый добропорядочный воронежец.

Наискосок от особняка А.Г. Пуле находились угодья купцов Шуклиных. Они простирались на десятки саженей по Большим Дворянской и Садовой улицам. В угловом доме снимал нижнее помещение торговец В. Рюмшин, чье заведение, наверное, было самым популярным в городе среди малолетних жителей. В этом магазине имелось все, что было способно не только заинтриговать любое юное существо, но и заставить его родителей немедленно раскошелиться. Особое оживление царило здесь перед Новым годом... Одна из поступивших ко мне рекламок как раз и описывает набор товаров для детей — елочных украшений, игрушек, различных масок и полумасок, хлопушек, воздушных шариков, конфетти всевозможных цветов... Магазин принимал на себя обязательство наряжать новогодние елки во всех казенных и частных учебных заведениях и клубах — за цену по желанию господ заказчиков...

Рекламка к празднику Пасхи тиснута на цветной бумаге в типографии В.И. Исаева: рюмшинское заведение именуется здесь «магазином новых изобретений». Действительно, каких только механических и иных игрушек тут не перечислено! Велосипеды, крокеты, кегли, качели, мячи, гоняльные обручи, прыгалки, бумажные фонарики, сетки для ловли бабочек — все это и многое другое можно было приобрести у Рюмшина. Только представьте себе, как загорались детские глазенки при виде всего этого великолепия! Что же касается пасхальных яиц, то один их перечень способен сразить наповал любого покупателя. Итак, продавались яйца — фарфоровые, стеклянные, плюшевые, атласные, бронзовые, хрустальные и даже деревянные с сюрпризами. Нетрудно вообразить эту милую жанровую картинку: малыш

или малышка тянет маменьку за юбку — дескать, хочу яичко!..

Последняя листовка рекламировала другой магазин игрушек, бывший А.Д. Глазкова. Теперь он именовался «Конкуренция», находился на Большой Дворянской и, надо полагать, успешно соперничал с рюмшинской лавкой. Здесь тоже продавались пасхальные яйца, изготовленные на русских и заграничных фабриках, — от простеньких, по пяти копеечек, до весьма презентабельных, стоимостью до шести рублей (зато краски для яиц предлагались бесплатно). Оптовая продажа производилась с 10-процентной скидкой с рубля. Рекламная листовка была отпечатана в типографии Товарищества «Н. Кравцов и К°»...

Спасибо тем безвестным чудачкам, которые сберегли для нас эти объявляльница, предназначавшиеся для сиюминутного употребления! Минувшее встает перед нашими очами во всех его примечательных подробностях.

Литер турный юбилей В.И. Дмитриевой

Вместе с воронежскими рекламками мне достался еще один приятный презент — рассказать о нем так и рвется душа! Речь пойдет о письме Николая Дмитриевича Телешова, датированном 7 января 1945 года и обращенном к его тезке и тоже москвичу — Николаю Леонтьевичу Бродскому. Последний имел немалый вес в тогдашнем литературоведении: его перу принадлежали научно-популярные биографии А.С. Пушкина (1937) и М.Ю. Лермонтова (1945), а также серия исследований о И.С. Тургеневе. Несколькими изданиями вышли историко-культурные комментарии ученого к тексту пушкинского

Страница и конверт письма Н.Д. Телешова
Н.Л. Бродскому от 7 января 1945 года

«Евгения Онегина». Выдающийся лектор и педагог, Н.Л. Бродский воспитывал в своих питомцах живейший интерес к любому неординарному явлению в филологии. Да он и сам был неравнодушен к ярким фигурам из современного ему литературного окружения. Так что ничего неожиданного не было в том, что Н.Д. Телешов обратился именно к Н.Л. Бродскому с просьбой подумать, как отметить предстоящий писательский юбилей В.И. Дмитриевой, которая именуется «старейшей из старейших». Ей шел 86-й год...

Бывшая воронежская жительница, Валентина Ивовна Дмитриева (1859–1947) родилась еще при крепостном праве и формально сама в младенчестве принадлежала одному из рода Нарышкиных. Эту колоритную деталь

любили иногда подчеркнуть критики, отзывавшиеся в печати на дмитриевские произведения. Вызывал уважение и творческий стаж беллетристки: приближалось 65-летие ее сочинительской деятельности.

Предстоящим юбилеем, как явствует из телешовской эпистолы, озаботился прежде всего Сергей Сергеевич Анисимов, возглавлявший мемуарную секцию в правлении Союза писателей СССР. Выпускник воронежской гимназии, он со студенческих лет увлекался альпинизмом и, по собственным подсчетам, совершил четырнадцать путешествий по Кавказу. Книжные отчеты о них составили целую библиотечку. Земляческие узы, вероятно, способствовали духовному сближению этих разных по возрасту и происхождению людей — В.И. Дмитриевой и С.С. Анисимова. Не исключено, что они познакомились во время анисимовских странствий по Кавказу. Валентина Ивовна имела в Сочи небольшую дачку, где и жила после того, как осенью 1919 года покинула Воронеж в обзоре отступавшей на юг Белой армии...

Родившись и часто бывая на Саратовщине, В.И. Дмитриева никогда надолго не отрывалась от глубинки и по справедливости считала себя представительницей провинциальной России. Она училась в Тамбовской женской гимназии, отбывала политическую ссылку в Твери, обитала в Воронеже, врачевала в уездном захолустье, умерла в Сочи... Конечно, ее неумолимо влекли к себе столицы с их бурной умственной жизнью. Долгие зимы писательница предпочитала проводить в Москве, где у нее с молодости сложился тесный круг соратников по общественной и литературной работе.

Валентина Ивовна всегда шагала в общей демократической шеренге. Вер-

ная своим народническим убеждениям, она талантливо изображала деревенскую действительность с ее усиливающимся социальным расслоением, с возникновением в мужицкой среде активных натур. В.И. Дмитриева была довольно плодовитым автором, и в этом смысле ее нередко сравнивали с польской романисткой Элизой Ожешко. Валентина Ивовна публиковалась во многих столичных журналах, а ее знаменитый рассказ «Малыш и Жучка» неизменно пользовался популярностью у детей и их родителей. В своих произведениях, созданных в годы первой русской революции, В.И. Дмитриева поднялась до откровенного обличения существующего правительственного режима.

Советскую власть писательница не приняла, но была вынуждена с нею сотрудничать. В 1930 году издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу воспоминаний В.И. Дмитриевой «Так было. (Путь моей жизни)». Предполагалось их продолжение, но уже набранная и сверстанная в типографии рукопись так и не увидела света. Кстати, обе части мемуаров были в 2015 году изданы у нас в Воронеже...

В поступившем ко мне письме Н.Д. Телешов предлагает Н.Л. Бродскому помянуть Валентину Ивовну добрым словом на заседании писательской мемуарной секции или где-нибудь в иной, более широкой аудитории. Н.Д. Телешов просит адресата выступить с небольшим докладом о творческом пути В.И. Дмитриевой и сообщить

С.С. Анисимову о своем решении. По всей вероятности, просьба не осталась без последствий, и доклад был произнесен. Более того: быстро было подготовлено (не с телешовской ли подсказки?) и 22 января 1945 года напечатано в «Литературной газете» коллективное «Открытое письмо», обращенное к В.И. Дмитриевой. Под ним поставили свои подписи известные на ту пору прозаики — В. Бахметьев, В. Вересаев, И. Новиков, конечно же Н. Телешов, К. Тренев, А. Серафимович, К. Федин, В. Шишков и другие авторитетные лица. Поздравляя юбиляршу, они подчеркивали мысль о том, что введенная в литературу тема крестьянской интеллигенции стала ее, В.И. Дмитриевой, важнейшей заслугой перед отечественной словесностью. Эту тему писательница выстрадала всей своей судьбой. Наиболее выпукло она была раскрыта в повести «Митюха-учитель» (1896), героем которой стал обитатель одного из подворонезских мест...

Более семидесяти пяти лет письмо к Н.Л. Бродскому кочевало по разным коллекционерским собраниям и вот наконец оказалось в городе, где В.И. Дмитриева провела несколько десятилетий и где, между прочим, о ее творчестве была защищена кандидатская диссертация (1967)... Теперь этой эпистолярной весточке прямая дорога в фонды регионального государственного архива. Там она, полагаю, и дождетя своего заинтересованного публикатора. [ПК]

Желають приобрести хорошо сохранившийся
экземпляръ сочиненія Радищева

„ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕР- БУРГА ВЪ МОСКВУ“

перваго изданія 1790 года. Лицъ, имѣющихъ
эту книгу и согласныхъ продать ее, просятъ
сообщить объ этомъ въ книжный магазинъ
(Нарвскій л. 38) на имя Н. В.

ПУТЕШЕСТВІЕ,

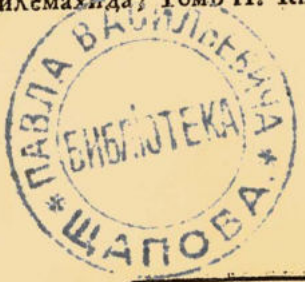
изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ М

1,500 РУБ. ЗА РАДИЩЕВА
«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву
1790 года». Экземпляръ долженъ быть
всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ. Пр
ложенія адресовать письменно на № 105
Бюро «Н. Доничъ»,
1278—

„Чудище обло, озорно, огромно, с

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. см

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Низвержение легенды: Новые детали об экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева из собрания П.В. Щапова

Л.Г. Л рионов

Как известно, история русского библиофильства еще не написана и ждет своего Геродота. От скептиков мы не раз слышали упреки, что не стоит заниматься дореволюционным периодом, который «давно изучен». Однако на примере истории переиздания А.С. Сувориным самой известной редкой русской книги — «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (СПб., 1790) — и утраты при этом экземпляра купца П.В. Щапова становится очевидным, насколько далеки от истины подобные суждения.

Это драматичное событие, ставшее «злостью дня для всех московских книжников»¹ конца 1880-х годов, неизменно упоминается на страницах многих изданий и статей, посвященных истории русского библиофильства². Впервые подробности «книжной драмы»³ Щапова описал Д.В. Ульянинский в издании «Среди книг и их друзей» (М., 1903) «на основании записок почтенного московского букиниста А.А. Астапова, бывшего <...> одним из действующих лиц, которому и приношу живейшую благодарность за поль-

Д.В. Ульянинский. 1890-е годы.
Фото Г.В. Трунова

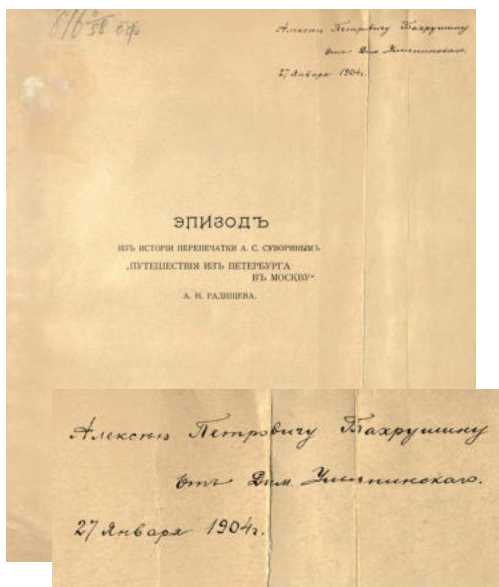
зование его мемуарами и подлинными письмами»⁴. Ульянинский указал, что литературно обработал записки Астапова, сверил и дополнил их рассказами других участников описанной истории. Сам библиофил в те годы еще не

¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 9.

² См.: Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. Ч. 1: I. Из воспоминаний и заметок библиофила; II. Русские книжные росписи XVIII века: (Библиогр. обзор). М.: Антикварное кн. отд-ние при маг. древностей и редкостей М.Я. Параделова, 1903. С. 56–68; Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры: Статьи, некрологи и заметки. М.: Географгиз, 1952. С. 304–306; Ильинская А.В. Библиотека П.В. Щапова // Сокровищница книги: Юбил. сб. науч. тр.: К 50-летию Гос. публ. ист. б-ки РСФСР: [В 2 ч.]. Ч. 1. М., 1988. С. 45–47 и др.

³ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 56.

⁴ Там же. С. 56–57.

Обложка оттиска «Эпизод из истории перепечатки А. С. Сувориным «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: (Из зап. А. А. Астапова)» (М., 1903) с автографом Д. В. Ульянинского А. П. Бахрушину. Экземпляр из собрания ГПИБ

занимался коллекционированием и знал не много о развернувшейся драме.

Важно отметить, что сегодня мы не можем вслед за Ульянинским изучить рукописи и письма букиниста указанного периода, ведь его архив дошел до

нас не полностью⁵. Поэтому, к сожалению, невозможно определить, кто из них двоих стал создателем мифа о полностью утраченном издании и последующей скорой смерти его «сумасшедшего» владельца.

Описанная Ульянинским история чрезвычайно напоминает детективный роман. Не удивительно, что вскоре ее художественную привлекательность оценили и другие авторы. Так, в рецензии на «Среди книг и их друзей»⁶ поэт и критик Б. А. Садовской не только уделил особое внимание этому эпизоду, но и использовал его в качестве реальной основы для своего рассказа «Конец книголюба»⁷. В главных героях Гарусове, Терентьеве, Сухове мы без труда узнаем Щапова, Астапова и Суворина соответственно, а в «Странствовании из Астрахани в Тверь» — небезызвестное сочинение Радищева. Литератор, текстами которого восхищался сам А. А. Блок, интуитивно почувствовал потенциал драмы Щапова.

Другие авторы, обращавшиеся к этой истории в последующие годы⁸, продолжили использовать в качестве единственного источника книгу Ульянинского⁹. Тем самым они распространяли весьма субъективные и ничем не подтвержденные суждения. Никто из них¹⁰ не обратил

⁵ Между тем опубликованы другие тексты мемуарного характера, принадлежащие перу Астапова. См.: Астапов А. А. Воспоминания старого букиниста. М.: Гос. публ. ист. 6-ка России, 2009. 153, [2] с. : ил., портр. (Серия «Книжное дело»).

⁶ См.: Садовской Б. А. Из воспоминаний библиофила // Известия кн. магазинов Товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1904. № 3. С. 27–29.

⁷ См.: Садовской Б. А. Конец книголюба // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 1521. 1 окт. С. 2.

⁸ См.: [Кара-Мурза С. Г.]. Друзья книги // Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 5. С. 242–243; Викторов А. [псевд. А. П. Толстякова]. Несколько слов о рассказе Б. Садовского // В мире книг. 1981. № 5. Май. С. 80; Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998. С. 158–159 и др.

⁹ Воспоминания Астапова были изданы и в виде отдельных оттисков тиражом 30 пронумерованных экземпляров (на слоновой бумаге). См.: Астапов А. А. Эпизод из истории перепечатки А. С. Сувориным «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева : (Из зап. А. А. Астапова) / [сверил и доп. Д. В. Ульянинский]. М.: Тип. «А. Н. Иванов и К», 1903. 17 с.

¹⁰ Справедливости ради отметим, что Е. А. Динерштейн использовал несколько архивных документов, на которые в дальнейшем мы будем ссылаться, но общие выводы и наиболее яркие детали щаповской истории, к сожалению, не были пересмотрены им.

1, 2 и 3 октября 1915 года
Императорское Человеческое Общество
 устраивает в Петербурге, при участии и с помощью
КРУЖЕВНОЙ СМЕРИ
 в пользу наших доблестных ратников и воевод
 и семейств их близких друзей
 со проданье МЕТАЛЛИЧЕСКОГО знака.

С 1-го октября 1915 года, сестрички и братья, вы можете приобрести этот знаменитый металл и сделать себе памятный подарок. Знаменитый металл, который вы можете приобрести в нашем магазине, является самым лучшим и самым красивым металлом, который вы можете приобрести. Знаменитый металл, который вы можете приобрести в нашем магазине, является самым лучшим и самым красивым металлом, который вы можете приобрести.

- 1. Александровский, А. С. Петербург, М. 2-й перекресток, № 10.
- 2. М. 2-й перекресток, № 10.
- 3. М. 2-й перекресток, № 10.
- 4. М. 2-й перекресток, № 10.
- 5. М. 2-й перекресток, № 10.
- 6. М. 2-й перекресток, № 10.
- 7. М. 2-й перекресток, № 10.
- 8. М. 2-й перекресток, № 10.
- 9. М. 2-й перекресток, № 10.
- 10. М. 2-й перекресток, № 10.

НАРОДНЫЙ ДОМ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Театр Л. Б. Яворской
 Театр А. С. Суворова.
 Театр Сабурова.

Музыкальная Драма
Оперный театр
Паласъ театр
Привое зеркала

Троицкий театр
Литерный театр
Вилла род
Цирк Чинизелли
Аквариумъ
Сегодня, 1-го октября

Пожаръ на фабрике
Акционер. Общ. „В. Шугалова сыновей“
11-я рота, ст. д. б.
Шоферъ
Въ этомъ номере
восемь страницъ

Съездующий номеръ
выдѣтъ сегодня
въ три часа дня.

Въ общемъ вѣкъ разнообразнѣе
Дивертисменты

„Ея первая пьеса“
„Съ порочнаго вѣдѣчества“
Сегодня, утромъ „ФАУТЪ“
„Жиролѣ-жиролѣ“
„Ревизоръ“

„Ивановъ Павелъ“
„Урочъ трусманскій“
„Жиролѣ-жиролѣ“
„Ревизоръ“

„Ивановъ Павелъ“
„Урочъ трусманскій“
„Жиролѣ-жиролѣ“
„Ревизоръ“

„Ивановъ Павелъ“
„Урочъ трусманскій“
„Жиролѣ-жиролѣ“
„Ревизоръ“

„Ивановъ Павелъ“
„Урочъ трусманскій“
„Жиролѣ-жиролѣ“
„Ревизоръ“

Национальный концертъ
въ пользу ратниковъ и воеводъ

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Въ 12 часовъ
въ залѣ Императорскаго Человеческаго Общества

Германская гонимая
на западномъ и восточномъ фронтахъ

Въ Грешинъ
Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Осенъ
конецъ книголюба

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Германская гонимая
на западномъ и восточномъ фронтахъ

Въ Грешинъ
Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

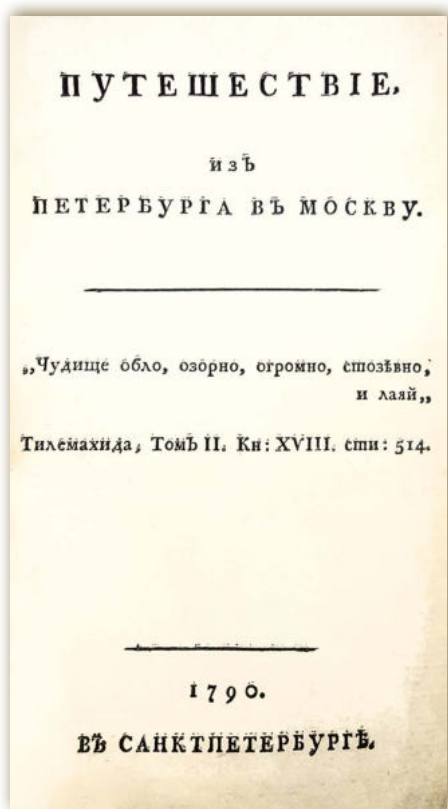
Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

Въ этомъ номере
восемь страницъ

*Титульный лист книги А.Н. Радищева
«Путешествие из Петербурга в Москву»
(СПб., 1790)*

внимания на характерные элементы мифологического сюжета, созданного, по-видимому, библиофилом под влиянием воспоминаний Астапова.

На данный момент в результате многократных повторений сложилась своеобразная каноническая версия событий вокруг переиздания «Путешествия из Петербурга в Москву». Итак, летом 1886 года к московскому букинисту Астапову приехал из Петербурга известный издатель Суворин, дабы попросить его разыскать экземпляр книги Радищева 1790 года. Незадолго до этого он добился

разрешения переиздать «Путешествие». Правда, ограниченным тиражом и по высокой цене. Для набора «из строки в строку, из буквы в букву»¹¹ ему и понадобился «первопечатный Радищев». Сначала букинист наотрез отказался, но уступил из-за обещания Суворина подарить ему экземпляр будущего издания.

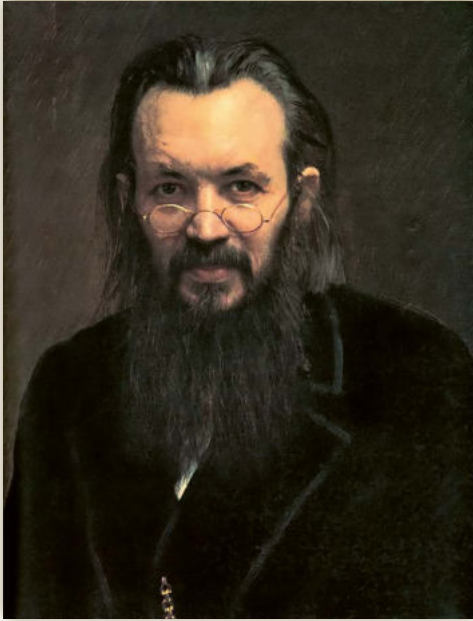
Астапов знал лишь о двух владельцах этой книги. К эксцентричному Ф.Ф. Мазурину он решил не обращаться, а сделал ставку на своего «приятеля» Щапова. После одного дня раздумий тот согласился, отказавшись от расписки. Астапов писал, что Щапов будто бы попытался вернуть свой экземпляр, зайдя за ним в лавку букиниста. Но последний ловко избежал встречи и лично передал редкое издание Суворину сроком на два месяца. При этом он взял с издателя расписку в том, что он вернет книгу «без всякого изъяна».

Прошел год. Щапов так и не получил обратно свой экземпляр. Первоначально это не беспокоило его и служило поводом для шуток над Астаповым, но недоброжелатели букиниста распустили слух, что он обманул своего давнего клиента и продал его редкое издание. Эти разговоры сильно расстроили Щапова, однако он не разрешил Астапову написать издателю. Спустя несколько месяцев у библиофила стали «вся тяжелее и сильнее его нервные припадки и тяжелые проявления болезни спинного мозга»¹².

События стали разворачиваться стремительнее, когда в начале февраля 1888 года Щапов получил анонимную телеграмму. В ней сообщалось о пропаже книги. В отчаянии он решил застрелиться, если ему не вернут столь ценное издание. К несчастью Астапова, собиратель считал его виновным в утрате. Дабы рассеять

¹¹ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 57.

¹² Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 59.

И.И. Крамской. Портрет А.С. Суворина (фрагмент). Холст, масло. 1881. ГРМ

все подозрения, торговец вместе со знакомым адвокатом отправил телеграмму в Петербург. В ней они просили вернуть экземпляр, пока Щапов не отдал под суд невиновного. На следующий день Щапов получил телеграмму от Суворина. Издатель уверял, что книга цела и в ближайшее время будет доставлена в Москву.

Однако спустя неделю вместо желанного издания к Щапову прибыл сотрудник «Нового времени» Е.Л. Кочетов, заявивший, что экземпляр библиофила утрачен и Суворин будет искать другой. «В обеспечение» этого предложения посланец пообещал 500 рублей. Потрясенный владелец ответил, что книгами не торгует, и потребовал вернуть свой экземпляр. «Кочетов, как ошпаренный, вылетел от Щапова»¹³ и отправился к Астапову в надежде заручиться

его помощью в примирении двух сторон. Именно тогда журналист и поведал причины утраты «Путешествия»: «Для ускорения дела подлинник был расшит по листам, и много листов этих попало в корзину и ушло в макулатуру, а А.С. [Суворин] в это время в Крыму был, ничего об этом деле не знал и о том, что что-то неладно, сам догадался из объявлений «Нового времени», в которых разыскивали подлинное Радищевское «Путешествие» 1790 года»¹⁴.

Астапов выслушал гостя, но в помощи отказал. После его ухода букинист получил записку от Щапова (текст приведен Ульяновским) с просьбой передать переписку с Сувориным и отказом принять деньги за утраченный экземпляр. Спустя несколько дней Астапов получил новое письмо от Щапова, где среди прочего сообщались следующие подробности: «В экземпляре моем Радищева потеряны Сувориным *несколько листов* (выделено мною. — Л. Л.). <...> Мой брат написал сегодня письмо известнейшему адвокату

Объявление о поисках книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб., 1790) в газете «Новое время» (1887. № 4158)

¹³ Там же. С. 61.

¹⁴ Там же.

Спасовичу и переслал туда все записки и письма Суворина»¹⁵. Полный текст письма также приведен на страницах книги Ульянинского.

Тем временем Кочетов, не сумевший договориться со Щаповым, решил обратиться за помощью к московскому антиквару П.П. Шибанову. Ему было поручено найти еще один экземпляр «Путешествия». Примечательно, что незадолго до этого Шибанов опубликовал в своем каталоге № 11 описание «превосходнейшего экземпляра Радищева»¹⁶, за который просил 500 рублей. Практически сразу раритет был продан красноярскому купцу Г.В. Юдину, а Шибанов поспешил приобрести еще один экземпляр. Объявление с предложением купить книгу за 300 рублей было размещено в каталоге фирмы № 13. «К этому-то времени явилось Суворинское поручение, и заварились Радищевская каша»¹⁷.

В магазин Шибанова обратилось множество людей, считавших себя владельцами уничтоженной редкости, но ни у кого из них не было издания 1790 года. Лишь одно предложение заинтересовало букиниста. Ему написал безмянный полковник из Полтавы, утверждавший, что сможет продать свой экземпляр, но не дешевле, чем за 500 рублей. Завязалась переписка, и в какой-то момент адресант Шибанова оповестил его о скором приезде. Далее Ульянинский приводит подробное описание встречи представителей Суворина с полковником, прибывшим в Москву с семьей. Шибанову не понравился предложенный экземпляр, специалиста смутили гравированный титульный лист и отпечатанное другим шрифтом

вступление «А.М. К. Любезнейшему другу». Однако несмотря на все это было решено показать книгу Суворину, для чего тем же вечером ее отправили с курьером в Петербург. Ожидаемо экземпляр не удовлетворил издателя, но, находясь в безвыходном положении, он распорядился показать его и Щапову. На этот раз злополучный экземпляр повез Астапов, чем лишь навлек на себя гнев оскорбленного подобным предложением библиофила.

Тем временем полковник «решил еще попытаться по Москве счастья»¹⁸. Он узнал у местных торговцев, для кого ищут книгу Радищева, и отправился в магазин «Нового времени», где и попросил за свой экземпляр 800 рублей. Но, на беду предприимчивого владельца, на работе оказался управляющий Ф.А. Богданов, ранее инкогнито присутствовавший на встрече полковника с Шибановым. Он и разоблачил незадачливого коммерсанта.

В те же дни в магазин «Нового времени» прибыл еще один книжный человек, имя которого Ульянинский не стал давать, а указал лишь инициалы «В.Ф. Ф.». Нам удалось раскрыть его инкогнито, но об этом позднее. Посетитель, приятель Богданова, узнал от него все подробности нашумевшей истории и решил воспользоваться ситуацией в своих целях. Для чего он разместил следующее объявление на страницах газеты «Русские ведомости» (1888. № 56. 26 февр.):

«1 500 рублей за РАДИЩЕВА, «Путешествие из Петербурга в Москву, 1790 года». Экземпляр должен быть во всех отношениях безукоризнен. Предложения адресовать письменно на № 10 579, в Справочное Бюро «Н. Донич», Москва, Софийка»¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 62.

¹⁶ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 62–63.

¹⁸ Там же. С. 64.

*Объявление о поисках книги А.Н. Радищева
«Путешествие из Петербурга в Москву»
(СПб., 1790) в газете «Русские ведомости»
(1888. № 56)*

Таинственный «В.Ф. Ф.» хотел выяснить, сколько всего продажных экземпляров есть на рынке. Из его затеи ничего не вышло, но волнение среди книжников она произвела. Более всего, разумеется, негодовал Шапов, и дабы избежать дальнейших спекуляций, решил дать отсрочку Суворину. Но от этого шага его отговорил Астапов. И наконец, спустя месяц Кочетов привез из Петербурга экземпляр «Путешествия», который Суворину уступил «известный любитель Юзефович»²⁰ за 180 рублей.

Переговоры с пострадавшей стороной вел Астапов, а Кочетов предпочел не заходить в дом собирателя. Шапов внимательно изучил принесенную книгу, после чего недовольно отметил наличие нового переплета (его прежний экземпляр был заключен в «одежды» эпохи) и размеры после обрезки. Однако несмотря на высказанные претензии он взял предложенное издание. При этом Шапов категорически отказался выдать букинисту расписку в получении книги.

В завершение Астапов рассказал об успехе переиздания Суворина, тираж которого разошелся за несколько дней после выхода в свет. Ему же как одному

из активных участников описанных событий издатель подарил экземпляр № 11 на японской бумаге большого формата. Однако у этой истории был грустный финал: спустя несколько месяцев умер Шапов «в полном сумасшествии, ускоренном, как тогда думали, всеми этими волнениями»²¹.

Так выглядит каноническая версия событий вокруг переиздания «Путешествия» 1888 года. Однако сохранившиеся архивные документы убедительно свидетельствуют об обратном: самая известная страница в истории русского библиофильства должна быть пересмотрена и дополнена вновь открывшимися данными.

Уже в самом начале описываемых событий Астапов допустил неточность. Поиски подходящих экземпляров для издания Суворина стартовали еще в ноябре 1885 года, а не летом 1886-го, как отмечал в своих воспоминаниях букинист. Сохранилось письмо Астапова от 4 ноября 1885 года, в котором он выражал симпатию Суворину, называя последнего «Новиковым вторым», и сообщал сведения об известных ему экземплярах «Путешествия» 1790 года²². Причем он не только составил список владельцев для Суворина, коих оказалось значительно больше, чем впоследствии насчитывал Астапов, но и указал, за сколько были приобретены их экземпляры. Первым он назвал А.Г. Голикова, «молодого человека», имевшего собственный дом у Красных Ворот. По всей видимости, речь шла об известном в будущем нумизмате, гласном Московской городской думы, уполномоченном московского отделения

¹⁹ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 65.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Там же. С. 67.

²² См.: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 3.

А.А. Астапов в кругу семьи издателя А.Д. Ступина у себя дома (на стене справа — портрет Н.И. Новикова, к которому Астапов относился с особым почтением). 1911

Общества электрического освещения²³. Примечательно, что до настоящего времени имя Голикова никогда не упоминалось среди владельцев первого издания «Путешествия»²⁴.

Вторым в списке Астапова стоял Мазурин, которому, по свидетельству букиниста, принадлежал «великолепный экземпляр». Библиофил приобрел его у Д.Ф. Кобеко за 200 рублей. Необходимо отметить, что до этого в литературе был описан лишь один экземпляр, принадлежавший Мазурину и купленный им по каталогу Шибанова за 250 рублей (1886. № 4. № 451)²⁵. Также Астапов отмечал: «Недавно был у Мазурина экземп[ляр], только плохой. Но полный. Не знаю, кому попал. А продан за 60 руб.»²⁶

Примечательно, что из текста письма Астапова мы узнаем чрезвычайно важную деталь: он ездил к обоим владельцам и уговаривал их предоставить свои экземпляры Суворину. Так, например, о попытках убедить Мазурина букинист написал: «Этого тоже можно сказать за душу тянул»²⁷. Однако несмотря на свои знаменитые «чудачества»²⁸ библиофил настаивал на том, чтобы Астапов «лично взял на свою ответственность»²⁹ сохранность экземпляра.

Кроме того, среди владельцев «первопечатного Радищева» упоминался и председатель Тульского окруж-

П.В. Шапов в Ниуцце. 1883. Фото W. Höffert

ного суда, знаток книжных редкостей И.М. Остроглазов. По сведениям Астапова, он купил свой экземпляр у букиниста и издателя В.Г. Готье за 10 рублей серебром³⁰. Известно, что до этого он находился в библиотеке члена Государственного совета, министра юстиции Д.П. Трошинского, покровителя юного Н.В. Гоголя³¹.

²³ См. Нумизматическая хроника // Вестник древней истории. 1949. № 1. С. 178.

²⁴ См.: Толстяков А.П. Веса золота // Книжное обозрение. 1975. № 9. 28 февр. С. 12; Западов В.А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992. (Литературные памятники). С. 555 и др.

²⁵ См.: Остроглазов И.М. Книжные редкости : Из «Русского Архива» 1892. М.: Унив. тип., 1892. С. 400.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 3.

²⁷ Там же.

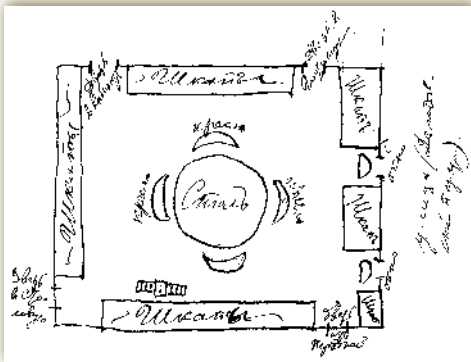
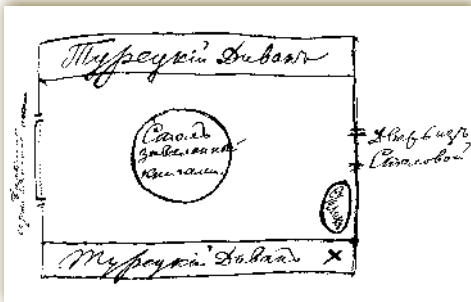
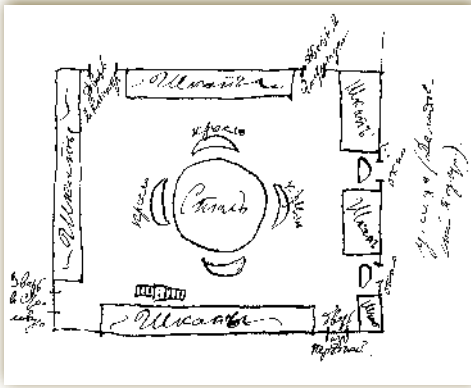
²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 77. Л. 27.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 4 об.

³¹ См.: Остроглазов И.М. Книжные редкости. С. 399.

Планы библиотеки П.В. Щапова. 1912.
Публикуется впервые

Когда же букинист обратился к Щапову? Может быть, в этом случае он не ошибся в хронологии событий? По всей

видимости, злополучный экземпляр был передан Суворину в ноябре 1885 года. Эта ориентировочная дата упоминается в письме Кочетова издателю от 8 февраля 1888 года. Накануне, будучи у Щапова, он услышал следующие слова из уст разъяренного библиофила: «Взял на два месяца, держал два года и 4 месяца, иметь пожелал и даже письма за все время не написал!»³² Таким образом мы и вычислили приблизительную дату.

Благодаря архивным документам подтвердилось и существование расписки, выданной Сувориным Астапову. В ней он обязался вернуть книгу по истечении двух месяцев. Упоминания об этом документе находим в нескольких письмах³³, а также в «Нотариальном заявлении дворянина Е.Л. Кочетова московскому купцу П.В. Щапову»³⁴ (1888), на котором более подробно остановимся ниже.

Что же в те годы представлял из себя Щапов-библиофил? Как о нем и его собрании отзывались современники? К примеру, московский антиквар-книжник, а по совместительству поэт-любитель А.М. Старицын рисовал его портрет следующим образом:

*Вот хоть Щапов, Ваш приятель,
Не торгуясь, покупал.
Все давай: стихотворенье,
Слово, оду, песню, речь,
Химию, Мыловаренье,
Производство сальных свеч³⁵.*

В приведенных строках дана исчерпывающая характеристика библиотеки Щапова: она состояла из русских книг с начала книгопечатания и до 1860-х

³² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 4.

³³ Там же. Л. 4, 14 об. и др.

³⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 1.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 507. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 4.

годов³⁶. Однако необходимо отметить ту исчерпывающую полноту, с какой были подобраны в ней редкие и иллюстрированные издания. Среди особо ценных: самая редкая из книг А.Н. Радищева «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» (СПб., 1790), уничтоженные первенцы Н.В. Гоголя и А.А. Фета «Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах» (СПб., 1829) и «Лирический Пантеон» (М., 1840), папка с литографиями «Русский крестьянский быт в картинах» (М., 1844) и другие. Не удивительно, что еще в 1886 году Шибанов, один из основных поставщиков Щапова, писал: «Его собрание далеко превышает Публичную Библиотеку, и ему нет равных по грандиозности замысла»³⁷. Спустя более двадцати лет ему вторил библиограф Н.А. Обольянинов, считавший, что у коллекционера было «едва ли не самое полное собрание иллюстрированных книг в России»³⁸.

По всей видимости, добиться подобной полноты Щапову удалось благодаря отношению к любимому занятию: не случайно современники называли его «фанатиком в деле собирания и хранения книжных редкостей <...> непременно в безукоризненных экземплярах»³⁹. К сожалению, страсть к «девственной» сохранности и предопределила печальную судьбу коллекционера.

Но вернемся к событиям вокруг «первопечатного Радищева». Согласно хронологии Астапова, спустя год, то есть летом 1887 года, до Щапова стали доходить слухи об утрате его экземпляра. Нам доподлинно известно, что к середине декабря 1887 года библиофил «потерял всякое терпение»⁴⁰ и требовал «безотлагательно»⁴¹ вернуть свою собственность. Из письма Астапова Суворину от 12 декабря 1887 года мы узнаем следующие детали: «Г-ну Щапову я многим обязан, то если, говоря простыми словами, он не раз меня выручал относительно моей нужды по Книжной коммерции, и я, говоря вашими словами, не раз обещал возратить ему книгу. <...> Я положительно стесняюсь писать эти строки, зная вашу деликатность, но, ей-Богу, мучаюсь из этой книги уже сколько время, не дождусь того часа, когда это кончится. Хотя бы глядеть мне свободно на Г-на Щапова. Это такая добрая душа. Вы извините мне за мою нескромность, я даже хотел купить у Шибанова и отдать Г-ну Щапову, но он этого от меня не пожелал, вполне уверен был возврата от вас его книги»⁴². В конце письма Астапов просил Суворина написать библиофилу, дабы он «был в стороне и более не беспокоил»⁴³.

Здесь следует более подробно остановиться на шибановском экземпляре «Путешествия». Его действительно можно

³⁶ См.: Симони П.К. Московский библиофил П.В. Щапов // Альманах библиофила. Л.: ЛОБ, 1929. С. 237–242; Ильинская А.В. Коллекция П.В. Щапова // В мире книг. 1983. № 10. С. 53; Воробьева Е.В. Новое о владельческих знаках П.В. Щапова : По фондам ГПИБ России // Книга в пространстве культуры. 2007. № 1 (3). С. 93–94 и др.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 342. К. 54. Ед. хр. 2. Л. 454.

³⁸ Хроника // Русский библиофил. 1912. № 3. С. 100.

³⁹ Станкевич А.И. Музей : Из воспоминаний первого библиотекаря // И за строкой воспоминаний большая жизнь... : Мемуары, дневники, письма : К 125-летию Гос. ист. музея. М.: ГИМ, 1997. С. 56.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 5.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 5–6.

⁴³ Там же. Л. 6.

*П.П. Шибанов. Москва, 1886.
Фото Т.А. Митрейтера. Публикуется впервые*

было приобрести у антиквара в конце 1887 года. В ноябрьском номере каталога фирмы Шибанова (№ 11. № 551) появилось описание «превосходно» сохранившегося экземпляра в «современном кожаном переплете» за 500 рублей⁴⁴. Им заинтересовался не только Астапов, но и... Суворин! Причем это был далеко не первый экземпляр книги Радищева, который издатель пытался купить, уже начав работу над своим переизданием.

Сохранившиеся письма Богданова и Кочетова к Суворину убедительно свидетельствуют о том, что поиски «перво-

печатного Радищева» начались задолго до разразившегося скандала с Щаповым. Первые упоминания об этом мы находим в письме Богданова от 9 сентября 1886 года: «У Шибанова, 1 [первый] здесь букинист, есть экземпл<яр> Радищева «Путешеств[ия] из СПб в Москву». Хорош[ий] экз[емпляр], в современ[ном] кожан[ом] переплете. Цену он объявил решительную 240 р. Сообщаю об этом на Ваше благоусмотрен[ие]. Несомненно, что цена довольно высокая, но принимая во внимание огромное редкостное значение этой книжки, то эта цена, по моему мнению, не является чем-то несообразным. <...> В случае согласия ответьте немедленно»⁴⁵. Об этом экземпляре мы уже писали ранее. Его приобрел Мазурин за 250 (sic!) рублей, о чем впоследствии Богданов сообщил Суворину⁴⁶.

В черновике письма издателя Щапову от 10 февраля 1888 года мы находим упоминание об этих событиях. Суворину пришлось оправдываться и, видимо, солгать. «Вы пишете Ключкову, что <...> Шибанов предлагал мне Радищева за 200 р., а я давал 150 р. Это неправда. Шибанов предлагал Радищева мне за 240 р. летом 1886 г., но тогда Ваша книга была цела у меня; а мне вовсе не хотелось иметь свой экз[емпляр]»⁴⁷. Он забыл не только точные дату и стоимость предлагавшейся ему книги, но и еще одну немаловажную деталь: 26 сентября 1886 года, то есть спустя несколько недель после письма Богданова, на стра-

⁴⁴ См.: Каталог большею частью редких и замечательных русских книг // Антикварная книжная торговля П. Шибанова. М., 1887. Вып. 11. С. 47.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 413. Л. 75.

⁴⁶ Там же. Л. 84.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 398. Л. 2.

⁴⁸ Новое время. 1887. № 4158. 26 сент. (8 окт.). С. 1.

⁴⁹ По крайней мере в фондах Суворина в РГАЛИ (Ф. 459) и ОР РНБ (Ф. 754) они отсутствуют.

⁵⁰ Ведь не случайно современники называли Шибанова «акулой». См.: ОР РГБ. Ф. 342. К. 60. Ед. хр. 11. Л. 158.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 413. Л. 76.

ницах его газеты «Новое время» появилось следующее объявление: «Желают приобрести хорошо сохранившийся экземпляр сочинения Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» первого издания 1790 года. Лиц, имеющих эту книгу и согласных продать ее, просят сообщить об этом в книжный магазин «Нового времени» (Невский, д. 38) на имя Н.В. Семенова»⁴⁸.

Обстоятельства, при которых экземпляр «Путешествия» за 250 рублей приобрел Мазурин, а не Суворин, нам неизвестны. Письма издателя, адресованные участникам описываемых событий, не сохранились⁴⁹. Однако предположим, что во время переговоров между Сувориным и Шибановым могло возникнуть недопонимание⁵⁰. Возможно, именно этим и объясняется желание Богданова искать новый экземпляр, «минуя Шибанова»⁵¹.

После неудачной попытки приобрести книгу осенью 1886 года, ее поиски были возобновлены лишь год спустя, в ноябре 1887-го. Из письма Богданова Суворину от 12 ноября: «Относительно Радищева мною приняты некоторые меры, м[ожет] б[ыть], мы достанем, минуя Шибанова, и вероятно выгоднее — на днях отвечу Вам положительно»⁵². По всей видимости, их интерес был подо-

грет появлением на рынке нового экземпляра за 500 рублей⁵³, о котором мы писали ранее⁵⁴.

Так что же Богданов предпринял для поиска книги? Он попытался договориться о ее продаже с Остроглазовым и Мазуриным, но потерпел фиаско. Причем именно в этой последовательности он обращался к собирателям. Сохранилось письмо Остроглазова от 9 декабря 1887 года с отказом, где в том числе говорилось: «С удовольствием уступил бы Вам Радищева, если в моей библиотеке был дублет, но единственный экземпляр как любитель редких книг не могу уступить»⁵⁵. Примечательно, что спустя полгода другой представитель Суворина, Кочетов, утверждал: знатоку редкостей из Тулы тогда предложили 150 рублей⁵⁶, но он якобы ответил, что «не продаст и за 1 000 рб.»⁵⁷.

Параллельно с этим Богданов обратился и к Шибанову, которого прежде хотел «миновать». Причем для переговоров он привлек третье лицо, по всей видимости, желая сохранить инкогнито. Однако «решительная» цена антиквара незначительно отличалась от указанной им в каталоге: 450 рублей⁵⁸. Пока Суворин сомневался, экземпляр был продан «в Сибирь»⁵⁹, Юдину⁶⁰.

⁵² Тот самый экземпляр, который хотел приобрести Астапов для Шапова. См. там же.

⁵³ Смирнов-Сокольский утверждал, что это был экземпляр Мазурина. См.: Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1959. С. 100.

⁵⁴ См.: Каталог большею частью редких и замечательных русских книг. С. 47.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 413. Л. 82.

⁵⁶ Удивляет сумма, предложенная Остроглазову за книгу. Предыдущий экземпляр, о котором мы знаем и писали выше, стоил 250 руб. Возможно, Суворин помнил и другой пример, также зафиксированный в каталоге Шибанова: летом 1885 г. он продавал экземпляр в «современном кожаном переплете» за 100 руб. См.: Каталог редких и замечательных русских книг // Антикварная книжная торговля П.В. Шибанова. М., 1885. Вып. 1. С. 15. № 175.

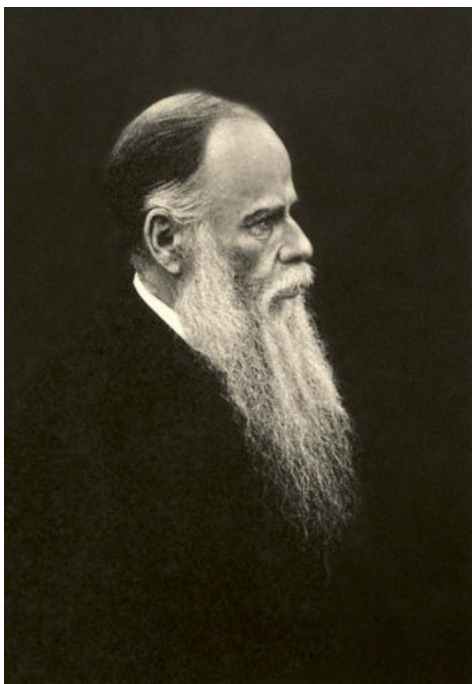
⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 5 об.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 413. Л. 80.

⁵⁹ Там же. Ед. хр. 2034. Л. 4.

⁶⁰ О продаже этого экземпляра Г.В. Юдину упоминал и Астапов. Однако вне контекста поисков Суворина и как событие, предшествовавшее «радищевской каше», а не как одно из множества других.

Г.В. Юдин. 1900-е годы

Подведем промежуточные итоги. По всей видимости, в сентябре 1886 года с экземпляром Щапова что-то произошло (ниже мы обязательно разберем это). Поисками книги в Москве и окрестностях занимался управляющий местным отделением магазина «Нового времени» Ф.А. Богданов. Однако его усилия не увенчались успехом. К декабрю 1887 года Щапов «потерял всякое терпение», а Астапову пришлось просить Суворина написать его клиенту и вернуть взятый для набора экземпляр. Однако издатель проигнорировал эти призывы.

Как мы уже отмечали, согласно опубликованным воспоминаниям Астапова, в начале февраля 1888 года Щапов полу-

чил анонимную телеграмму, в которой сообщалось о пропаже его книги. До этого неизвестные распространили слух, будто бы она давно Астаповым продана. Дабы выйти из щекотливого положения, букинист вместе со своим адвокатом отправил телеграмму в Петербург, и уже на следующий день Суворин связался с Щаповым и пообещал вскоре вернуть «Путешествие». Однако по сохранившимся документам описываемые события выглядят иначе.

Нам не удалось найти подтверждение факта отправки и получения телеграмм в других источниках. Напротив, письмо Щапова Суворину от 18 января 1888 года (то есть месяцем ранее, чем у Астапова) свидетельствует в пользу той версии, что библиофил действовал самостоятельно, независимо от действий безымянных «доброжелателей». В нем он обвинил Астапова в продаже своего экземпляра: «Не получа (sic!) обратно столько времени ценной книги, я пришел к такому заключению (курсив мой. — Л. Л.), что Вы книги не брали, а Господ[ин] Астапов, воспользовавшись моим доверием, книгу продал в другие руки»⁶¹. Далее следовала угроза: если Суворин не прояснит ситуацию до 27 января, то он предъявит иск к Астапову «по обвинению его в мошенничестве»⁶².

Между тем в письме Шибанова к отцу от 26 января мы впервые находим упоминание о психическом состоянии Щапова: «Я не говорил Найденову о сумасшествии Щапова — об этом знают уже все и без того»⁶³. Астапов также свидетельствовал, что ранее у библиофила обострились его «нерв-

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4837. Л. 1.

⁶² Там же.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 342. К. 5. Ед. хр. 9. Л. 10.

Московские букинисты. Ноябрь 1898 года. Фото М.П. Волкова. Публикуется впервые

ные припадки и тяжелые проявления болезни спинного мозга»⁶⁴. Более убедительным представляется биограф Щапова П.К. Симони, в 1912 году писавший: «В последние годы П.В. начал прихварывать, сделался нервным, вспыльчивым и нетерпеливым. Лечился и за границую, и в Москве. Болезнь прямой кишки (опухоль) потребовала операции, лечил д[октор] В.И. Кузьмин»⁶⁵. Больной поправлялся и опять заболел. Лечивший его помощн[ик] Гл[авного] врача в Военном Госпитале Серг. Ив. Собо-

ров⁶⁶ не понял его болезни и укоротил ему жизнь, допустив потерю в короткое время 2 пудов 25 фунт[ов] весу. <...> Ко всему этому Павлу Васильевичу пришлось пережить еще большое волнение, подорвавшее в конец его силы»⁶⁷.

Вернемся к событиям, последовавшим после письма Щапова от 18 января 1888 года. По всей видимости, Суворин ответил на него. Это косвенно подтверждается упоминанием «весьма резкого по форме и полного угроз и брани»⁶⁸ письма библиофила от 4 февраля. Скорее

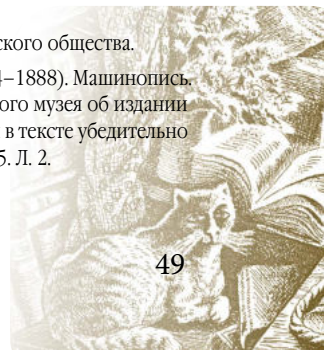
⁶⁴ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 59.

⁶⁵ Василий Иванович Кузьмин (1851 — после 1904) — хирург, профессор Московского университета, автор труда о лечении огнестрельных ран.

⁶⁶ Сергей Иванович Собоков (1838–1897) — хирург, соучредитель Московского хирургического общества.

⁶⁷ [Симони П.К.]. П.В. Щапов и собранная им библиотека книг с начала печати на Руси (1854–1888). Машинопись. [М., 1912]. Л. 10. Авторство Симони установлено нами по письму Управления Исторического музея об издании его статьи о Щапове от 14 июня 1912 г. Кроме того, многочисленные рукописные вставки в тексте убедительно свидетельствуют в пользу версии об имени их автора. См.: РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 2. Ед. хр. 275. Л. 2.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 1 об.

П.В. Щапов. Москва, 1877. Фото «Русская светотпись» В.В. Левицкого. Публикуется впервые

всего, Щапова возмутило сообщение Суворина о неких проблемах с экземпляром, данным для набора. Ситуация накалялась, требовались решительные действия. С сентября 1886 года, когда мы зафиксировали первые попытки найти замену злополучному экземпляру, прошло около полутора лет. Под впечатлением от тона и угроз Щапова, о коих мы еще расскажем ниже, Суворин решил довериться другому своему сотруднику, корреспонденту «Нового времени» Е.Л. Кочетову. 6 февраля он

переслал ему гневное письмо Щапова и поручил приобрести книгу, «хотя бы и за 1000 рб.»⁶⁹. Если же новый экземпляр найти не удастся, то журналист должен был «войти с [Щаповым] в полюбовную сделку на всяких маломальских разумных условиях»⁷⁰.

На следующий день, как следует из сохранившегося письма Кочетова от 8 февраля⁷¹, он отправился на Сухаревку, где пообщался с местными букинистами о возможности в короткие сроки приобрести первое издание «Путешествия». В результате он «пришел к убеждению», что это «почти невозможно»⁷². Там же Кочетов узнал, что требуемая книга была у «букиниста Шибаева», к коему он незамедлительно поехал. Торговец оказался тем самым Шибановым, у которого Суворин уже пытался безуспешно приобрести «первопечатного Радищева». Антиквар объяснил, что бывший у него недавно экземпляр был продан «в Сибирь»⁷³ и теперь он сам в поисках книги. Это свидетельство Кочетова подтверждается объявлением, данным Шибановым на страницах его каталога № 13 (М., 1887)⁷⁴: за «чистый и хорошо сбереженный экземпляр» предлагалось 300 рублей⁷⁵.

Вечером того же дня, в 19 часов, Кочетов поехал к Щапову. Напомним, что к этому моменту библиофил уже знал о неких сложностях с возвратом его экземпляра. Поэтому воспоминания Астапова вновь не точны: поверенный

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 4–6.

⁷² Там же. Л. 4.

⁷³ Об этом экземпляре, продавшемся за 500 рублей, мы писали выше.

⁷⁴ Эти сведения опровергают устоявшийся миф о том, что Шибанов дал объявление о покупке нового экземпляра за 300 рублей по просьбе людей Суворина. См.: Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры. С. 305 и др.

⁷⁵ См.: Каталог русских и славянских книг, напечатанных вне Москвы и Петербурга с основания типографий до новейшего времени: (№ 1) // Антикварная книжная торговля П. Шибанова. М., 1887. Вып. 13. С. [128].

Суворина лично не сообщал об утрате книги и не предлагал в залог 500 рублей. По всей видимости, все это в той или иной степени фигурировало в утраченном письме издателя.

Рассматриваемая депеша Кочетова от 8 февраля изобилует чрезвычайно важными подробностями первой встречи двух заинтересованных сторон, поэтому позволим себе процитировать довольно пространный фрагмент: «Вечером я был у Щапова. Лакей отнес карточку, предварительно доложив, что барин не совсем здоров, но вернулся со словами «пожалуйста». В большой зале застал я господина в теплой обуви и более чем странного: жилет расстегнут, сзади до самых колен висят подтяжки, борода и жидкие волосы включены, очки на боку, зубы стиснуты: одним словом, на вид это бешеный, сорвавшийся с цепи. Встретил он меня в виде провинциального трагика, готового броситься на свою жертву. «Ну что же Вы, — воскликнул он, когда я подошел к нему. — А Вы что? — Книгу привезли? — Нет, но приготавлиюсь покончить с Вами». Тогда Щапов начал орать, прыгать, визжать: «Не хочу ли я взять денег, никаких залогов не возьму. Книгу, подавай же книгу. Взял на два месяца, держал два года и 4 месяца, иметь пожелал и даже письма за все время не написал! Как посмел — 200 рубл. пожалеть⁷⁶, когда такой экземпляр продавали! Теперь, если чрез неделю не получу, подам в суд за растрату. У меня расписка есть, что книга взята на 2 месяца с обязательством вернуть два года назад»,

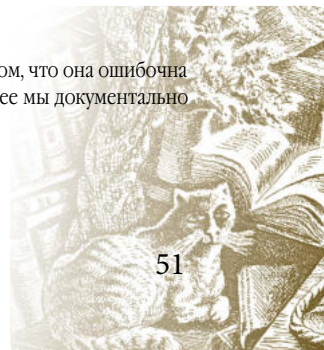
и т.д. и т.д. Когда же я глубоко возмущенный всей бранью и угрозами, сыпавшимися не только на Вас, но и на меня, тем не менее, видя, что имею дело с существом ненормальным, спросил по возможности спокойно, доказать, что скандалами ничуть не поможешь, он просто покраснел и заорал: «Отдайте книгу сейчас! Зачем без книги пожаловали, уходите, а не то пошлю за полицией! Иван, ступай за полицией!» Жена, выйдя за мною во двор, благодарила, что я был так сдержан, и намекнула, что муж страдал недавно еще психическим расстройством, поправляется, но что и теперь, пожалуй, опять что-нибудь случится, если его не успокоят возвратом книги, которой он почему-то придает ужасное значение. В это время Щапов бросился за дверь и с визгом вцепился в жену и потащил ее в залу»⁷⁷.

Но события этого дня не ограничились происшествиями, описанными Кочетовым. Сохранилось письмо Шибанова от 7 февраля, адресованное его отцу в Петербург. В нем он сообщал о поступившем в ответ на его объявление предложении из Полтавы и возможной связи с этим петербургского антиквара-книжника В.И. Клочкова: «Спросите политически у Клочкова, действительно ли он давал за Радищева 400 руб. кому-нибудь из провинции. Дело в том, что некий Шереметевский из Полтавы предлагает нам эту книгу и просит 500, причем сообщает, что Клочков давал ему 400. Фамилию Клочкову не говорите»⁷⁸. В 2004 году это письмо было опубликовано в статье аспиранта Московского

⁷⁶ Об этой претензии московского библиофила мы уже писали выше. Суворин настаивал на том, что она ошибочна и в тот момент книга ему не была нужна: ни для себя, ни вместо экземпляра Щапова. Ранее мы документально установили, что он обманывал своего оппонента.

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 4–4 об.

⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 342. К. 5. Ед. хр. 9. Л. 20.

В.И. Ключков. 1895

государственного университета печати (МГУП) В.Ю. Большакова «Петр и Лев в Петербурге: (январь–апрель 1888 г.). По материалам семейной переписки»⁷⁹. Однако приведенная в статье информация, относящаяся к истории переиздания Сувориным «Путешествия из Петербурга в Москву», осталась незамеченной. Так в чем же ее ценность?

Личность безымянного «полковника из Полтавы» неоднократно упоминалась в связи с историей щаповского экземпляра. Однако на протяжении многих лет она оставалась анонимной. В письме Шибанова, опубликованном

Большаковым, завеса тайны над его именем впервые приоткрылась. Эта же фамилия встречается в найденных нами письмах Кочетова Суворину, где среди прочего сообщаются интересные детали его аферы⁸⁰. Примечательно, что свидетельства Астапова вновь, как выяснилось, недостоверны. «Полковник» оказался «ротным командиром Полтавского корпуса»⁸¹. Однако разоблачение Шереметевского произойдет лишь 21 февраля, не будем нарушать хронологию описываемых событий.

На следующий день, 8 февраля, Кочетов продолжил поиски. Впрочем, как и Богданов. Но оба ничего не добились. Известно о поездке первого из них к «одному господину», которому было предложено 500 рублей за его экземпляр. Но аноним отказался⁸². После этой неудачи Кочетов поехал к Астапову и нашел почтенного букиниста «в самом жалком положении»: «Щапов востребовал его сегодня в 12 часов ночи и чуть не задушил. Он отказывается от всего посредничества, тем более что Щапов отобрал у него обе Ваши [Суворина] записки; говорит, что боится к нему идти, и хнычет о том, что невинно потерял клиента с беспредельным кредитом»⁸³.

По всей видимости, эту же встречу описывал Астапов, но с точностью наоборот. Не Кочетов пришел просить помощь, а букинист поделился с ним своими проблемами. Состоялся ли тогда между ними разговор о судьбе щаповского экземпляра, о чем впоследствии писал Астапов, нам доподлинно не

⁷⁹ Большаков В.Ю. Петр и Лев в Петербурге: (январь — апрель 1888 г.). По материалам семейной переписки // Библиофил. Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия: сб. М.: Либерея, 2004. № 1 (8). С. 60–75.

⁸⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 9 об., 11–16.

⁸¹ Там же. Л. 12.

⁸² Там же. Л. 5.

⁸³ Там же. Л. 5–5 об.

А.А. Астапов среди московских бужинистов на фоне собственной лавки. 1908

известно. Однако поведение Щапова, виденное воочию и описанное торговцем, привело Кочетова к мысли, что необходимо обезопасить Суворина от скандала в этом «чистом и ясном деле, основанном на простой случайности»⁸⁴. Он справедливо замечал, что «наша прокуратура и суд при любви к Нов[ому] Вр[емени] могут начать пакостить <...> и обязать подпиской невыезда, это очень возможно, а с другой стороны, в том, что

печать известного лагеря подпакостит. <...> Чтобы избежать всего этого или, по крайней мере, ослабить это, на случай ненахождения книги, по-моему, необходимо сделать следующий шаг. Прилагаю проект заявления, которое, если Вы мне разрешите, я пошлю Щапову через нотариуса [А.П. Коломнина⁸⁵], получив от него официальную копию»⁸⁶.

Текст документа, о котором писал Кочетов, сохранился⁸⁷, и он чрезвычайно

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Алексей Петрович Коломнин (1848–1900) — присяжный поверенный, юриконсульт Государственного дворянского банка, заведующий финансовой частью издательского и книжного дела А.С. Суворина. Был женат на его старшей дочери.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 6.

⁸⁷ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 2.

любопытен для нашего исследования. Щапова призывали выбрать один из трех вариантов решения конфликтной ситуации.

1. Библиофилу предложили деньги за «утерянный лист»⁸⁸ (курсив мой. — Л. Л.). Он мог получить сумму, которую потратил при покупке экземпляра; либо озвученную приглашенным экспертом, либо рыночную. Кроме того, при таком варианте Щапов получал обратно и свою книгу «за исключением печатного листа»⁸⁹ (курсив мой — Л. Л.).

2. По другому сценарию Суворину выделялось несколько месяцев на поиски другого экземпляра. Между тем Щапову должны были выдать 1 000 рублей, которые он мог оставить за собой «в случае невозможности найти книгу к сроку»⁹⁰.

3. Если вышеперечисленные варианты не устраивали библиофила, он мог назначить свои условия.

Примечательна приписка Кочетова: «К сведению Алексея Сергеевича. Предложил всякие условия — опасности нет, ибо Щапов пакостник, но в то же время миллионер и человек гонорный, а потому ожидать, что он заломит цену, нет никаких оснований»⁹¹.

По мнению корреспондента издателя, этот документ должен был озадачить или вразумить библиофила. Но главное другое — после вступления в силу нотариального заявления

Щапов лишился возможности публиковать обвинения в адрес Суворина. Документ доказывал, что издатель не «уклонялся покончить» дело «полюбовно»⁹². «Вы заблаговременно предлагали все от Вас зависевшее плюс его разрозненную книгу <...> и тем докажете, что Щапов искал гласностью и судом не возврата того, что в силу этих обстоятельств никакой суд ему вернуть не в силах, а только одного скандала», — справедливо отмечал Кочетов⁹³. Однако доподлинно не известно, вступил ли в силу настоящий документ.

Спустя два дня, 10 февраля, Суворин начал письмо Щапову: сохранился его черновик, но без окончания⁹⁴. По всей видимости, это был ответ на неизвестную нам телеграмму библиофила. Издатель не понимал, почему библиофил «так жутко»⁹⁵ беспокоился. Он верно замечал, что «если б Ваша книга составляла единственный экз[емпляр] в мире, то тогда Ваш гнев еще понятен»⁹⁶. Суворин обещал вернуть экземпляр Щапова или заменить его другим. О самой утрате он писал следующее: «Это просто несчастный случай и недосмотр»⁹⁷. По словам Суворина, в типографии потеряли 16 (!) страниц. На этом чрезвычайно важном уточнении остановимся более подробно.

Итак, согласно версии Астапова, экземпляр Щапова расшили при наборе

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Л. 2 об.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 6 об.

⁹⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 398. Л. 4.

⁹⁵ Там же. Л. 1.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Л. 2.

в типографии, в результате чего много листов было утрачено, попав в макулатуру. Примечательно, что там же, на страницах книги Ульянинского, приводился текст записки библиофила, в которой он говорил об утрате «нескольких листов»⁹⁸. Однако это уточнение, пусть и не до конца верное, осталось незамеченным. До настоящего времени исследователи полагали, что экземпляр Щапова был полностью утрачен⁹⁹. Даже Е.А. Динерштейн, работавший с письмами Богданова¹⁰⁰ прежде нас, не разобрался в этой запутанной истории. По всей видимости, когда участники описываемых событий говорили об утраченном листе (ранее мы выделяли курсивом эти свидетельства), они имели в виду, *печатный лист*, равный 16 страницам. Примечательно, что лишь в черновике письма Суворина от 10 февраля 1888 года дано это важное уточнение, полностью переворачивающее устоявшееся представление о судьбе щаповского экземпляра¹⁰¹.

Также в цитируемом документе издатель опровергал обвинения библиофила в подлоге («будто бы велел подделывать экземпляр»¹⁰²), которыми тот поделился с Ключковым. В действительности же, как убедительно свидетельствуют сохранившиеся письма, он планировал

приобрести экземпляр «первопечатного Радищева», чтобы изъять из него нужные страницы и вставить в «разрозненную книгу»¹⁰³ Щапова. Именно с этой целью планировалось приобрести уже упоминавшиеся нами экземпляры: первый продавался Шибановым за 250 рублей в августе–сентябре 1886 года, второй проходил у него же за 500 рублей в конце 1887-го, третий — Шереметевского из Полтавы, на котором подробно остановимся ниже.

Итак, Кочетов и Богданов продолжали поиски. Они «перерыли чуть ли не всю книжную Москву»¹⁰⁴, но издание 1790 года не нашли. Однако неожиданно появилась возможность решить проблему со Щаповым: к Кочетову приехал Шибанов с письмом от человека, «живущего в 36 часах от Москвы», который предлагал «цельный и свежий экземпляр Радищева за 500 рб.»¹⁰⁵ С учетом комиссии антиквара покупка книги обошлась бы Суворину в 600 рублей. Однако данное предложение возмутило Кочетова, и он попытался уменьшить цену.

Разворачивавшиеся события вынуждали издателя действовать. Получив письмо Богданова от 12 февраля¹⁰⁶, он вновь убедился, что все потенциальные владельцы «первопечатного Радищева» опрошены и оставался лишь

⁹⁸ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 62.

⁹⁹ См.: Викторов А. [псевд. А.П. Толстякова]. Несколько слов о рассказе Б. Садовского. С. 80; Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. С. 158–159; Розанов И.Н. Как создавалась Государственная библиотека при Историческом музее: Ист. очерк // Историческая библиотека в 1920-е — 1930-е гг.: Сб. док. и материалов / сост., подгот. текстов к публ., вступ. ст. и комментарий. К.А. Шапошникова. М.: ПИИБ, 2019. С. 57; Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. С. 102 и др.

¹⁰⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 413. Л. 159.

¹⁰¹ Насколько мы можем судить, до настоящего времени никто из исследователей не работал с этим документом.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 398. Л. 2 об.

¹⁰³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 6 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 7.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Ед. хр. 413. Л. 84–8 об.

один вариант — экземпляр из Полтавы. По всей видимости, тогда Суворин и решил воспользоваться предложением Шибанова. Причем 15 февраля стало известно, что книга «куплена и на днях будет доставлена» почтой¹⁰⁷ в Петербург. У Суворина появилась надежда, что «экземпляр совершенно полный, чистый и в старинном кожаном переплете»¹⁰⁸ сможет удовлетворить Щапова.

Примечательно, что тогда же наконец пришли известия из Петербурга: в ответ на просьбу сына Шибанов-старший сообщал: «Клочкову не предлагал никто. Это не более, как одна утка. Он и не даст этой цены, оставь этого жулика без внимания, который тебя ловит, да и продать некому, кроме Мазурина, да братъ с него грошами»¹⁰⁹. Напомним, что, по сведениям московского антиквара, Клочков предлагал Шереметевскому 400 рублей¹¹⁰ за его экземпляр. Ответ отца не удовлетворил Шибанова-младшего, и на следующий день, 16 февраля, он писал ему: «Клочков врет, что не давал за Радищева 450 руб. Он предлагал эту сумму в Полтаву, для Суворина, но тот не продал ему. Прошу об этом до времени не говорить никому»¹¹¹.

Впоследствии Кочетов следующим образом объяснял Суворину участие в этом деле Клочкова: он хотел «приобрести книгу, чтобы продать Вам же или только напакостить Шибанову из-за конкуренции»¹¹².

Как видим, Суворин и Кочетов полагали, что вопрос с приобретением книги решен. Одно огорчало их: доставка из Полтавы запаздывала. Благодаря сохранившимся письмам нам известны отдельные детали планировавшейся сделки. Из письма Кочетова от 16 февраля: «Получив от меня слово, что я покупаю книгу за 600 рб., Шибанов послал телеграмму и вчера привез мне ответ, гласящий, что книга высылается. Я обязался до 20го не покупать никакого иного экземп[ляра], хотя бы его продавали даже за 100 рб., и дал телеграмму Щапову, копию с коей прилагаю. <...> Назначил 20го, так как это срок, назначенный Вами, и потому что для пересылки книги 6 дней. Сроки чересчур достаточно. Шибанов согласился принять на себя 10 рб. из 12ти потраченных мною на разъезды по предварительным розыскам, сам он потратил до 10 рб. на телеграммы в Полтаву, следовательно, у него остается 80 рб. чистого, за то только, что к нему, а не к Вам, написал Шереметевский»¹¹³.

Но как же Щапов? Известно ли, чем он занимался в эти решающие для радищевской истории дни? Из писем Кочетова, который не испытывал добрых чувств к «человеку, наглядно доказавшему, что можно быть и библиомагом и остаться необразованным купцом-самодуром в то же время»¹¹⁴, нам известно следующее. «Он теперь разошелся во всю и, как говорят, осатанел

¹⁰⁷ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 897. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 561. Оп. 2. Ед. 43. Л. 35 об.

¹¹⁰ Именно эта цена указывалась в ранее приводившемся письме П.П. Шибанова от 7 февраля. См.: ОР РГБ. Ф. 342. К. 5. Ед. хр. 9. Л. 20.

¹¹¹ ОР РГБ. Ф. 342. К. 5. Ед. 9. Л. 28.

¹¹² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 13.

¹¹³ Там же. Л. 9 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 9.

окончательно: бьет жену, ругает сестру, выгнал тещу и очень может быть, что, получив Радищева, он его изорвет в клочья», — сообщал Кочетов 16 февраля¹¹⁵.

Здесь чрезвычайно важно отметить, что публикуемые нами фрагменты писем меняют сложившееся представление о библиофиле-мученике, «бескорыстном друге русской старинной книги»¹¹⁶. Мы не склонны идеализировать Щапова и оправдывать его поведение утратой редкой книги. Поэтому и решили обратиться к специалистам за консультацией. Так, младший научный сотрудник лаборатории психологии профессий и конфликтов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Ю. Никонова прокомментировала данные о болезни библиофила, найденные нами, в том числе и в ЦГА Москвы¹¹⁷. Как оказалось, Щапов страдал «припадочно-падучей болезнью»¹¹⁸. Так в конце XIX века называли эпилепсию. Известно, что это заболевание, если оно проявилось в детском или подростковом возрасте, оказывает специфическое влияние на формирование характера и личности человека. В дифференциальной психологии и психиатрии описывается так называемый эпилептоидный тип личности, имеющий характерные черты¹¹⁹. Подобные люди склонны заострять внимание на своих сильных эмоциях, особенно отрицательных, а также демонстрировать вспышки гнева. Вместе с тем они

ранимы, злопамятны, очень педантичны в отношении к вещам и скрупулезны. Все эти черты характерны для Щапова, поведение которого с исчерпывающей полнотой, вплоть до мельчайших деталей его костюма, описано в письмах Кочетова.

Как не напомнить здесь слова супруги библиофила Л.П. Щаповой (урожденной Хавской) и Суворина. Первая поделилась своими горькими мыслями с посланником издателя во время его первого визита 7 февраля: «И теперь, пожалуй, опять что-нибудь случится, если его не успокоят возвратом книги, которой *он почему-то придает ужасное значение* (курсив мой. — Л. Л.)»¹²⁰ А Суворин, первым подметил нездоровую одержимость Щапова утраченной книгой, будто она «составляла единственный экз[емпляр] в мире»¹²¹. Закончим этот небольшой экскурс в дифференциальную психологию следующим мнением экспертов: они полагают, что во время истории с утратой «первопечатного Радищева» библиофил находился в остром аффективном психозе, развившимся на фоне эпилепсии¹²².

Однако вернемся к событиям, разворачивавшимся вокруг приобретения Сувориным экземпляра Шереметевского. Вплоть до 19 февраля о нем ничего не было известно. Утром этого дня ситуация резко изменилась: «Сегодня утром прибыл Богданов с заявлением, что сам Шереметевский, телеграфировавший

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Ульяновский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 67.

¹¹⁷ См.: ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 96. Л. 169 об–170.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ См.: Тиганов А.С. Эндогенно-органические психические заболевания / ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» // URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/30/chapter/9>.

¹²⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 4 об.

¹²¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 398. Л. 1.

¹²² См.: Абрамович Г.Б., Харитонов Р.А. Эпилептические психозы у детей и подростков. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1979. 143 с. : схем.

Шибанову, что «согласен на условия, и книгу выслал», прибыл утром в Ваш магазин и продавал ему книгу за 600 рб. <...> Остановился он в Лоскутной и ждет нас. Видя, что это жулик, я вместе с Богдановым съездили за Шибановым, [кото] рому обязались раньше 21 ф[евраля] другой книги не покупать, и накрыли него дья и уличили. Но, к несчастью, книга очень подозрительна. Заглавный лист бросается в глаза, хотя он-то и может быть настоящим, а остальные поддельными, но и кроме того стр. 161–168 очевидно вставные, хотя и древнего, но не того шрифта. Г[осподи]н Шереметевский оказался ротным командиром Полтавск[ого] корпуса! Я принудил его дать экземпляр под расписку Шибанова на 4 дня, с тем, что если Вы не вернете его к сроку, то придется уплатить за него 600 рб. Если лист можно вставить отсюда в Щаповский экземпляр (для чего и посылаю), то, конечно, его можно купить гораздо дешевле, я, по крайней мере, приму все меры», — сообщал Кочетов Суворину.

Приведенный фрагмент противоречит версии Астапова. Шереметевский прибыл в Москву один, без семьи. Он был прекрасно осведомлен о радищевской истории и сразу по прибытии, а не после беседы с Шибановым, как описывал Астапов, отправился в магазин «Нового времени». Цены, озвученные предприимчивым военным, также отличались от тех,

что зафиксировал в своих воспоминаниях московский букинист.

Пока наши герои ждали решения Суворина относительно экземпляра Шереметевского, Кочетов решил подстраховаться и отправил Щапову следующую записку: «Признавая невозможность иметь дело с Вами лично, предлагаю сего 20 февраля между 3 и 8 часами вечера прислать ко мне, Малая Бронная дом Ермолаева, доверенного с распиской г. Суворина для получения «Радищева», [в] противном случае 21-го книгу Вашу отошлю [в] Петербург»¹²³. Скорее всего речь шла об экземпляре Щапова. Потому что в тот же день, 20 февраля, к Кочетову приехал Астапов «с расписками»¹²⁴. Он убедился, что в книге действительно отсутствовал лишь один лист, и «значительно успокоился»¹²⁵.

Еще раз отметим, что план Кочетова и Суворина состоял в том, чтобы купить экземпляр Шереметевского как можно дешевле и «вставить из него лист»¹²⁶ в книгу Щапова¹²⁷. Но для его осуществления необходимо было уговорить «плутягу»¹²⁸ из Полтавы. А как этого можно было добиться? Наши герои полагали, что главное — доказать дефектность экземпляра. Для осуществления этого плана был привлечен библиограф и собиратель В.Н. Рогожин: по просьбе Кочетова он сравнил экземпляр, хранившийся в его семье¹²⁹, с книгой Шереметевского и выявил ряд «дефектов»¹³⁰.

¹²³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1194. Л. 7.

¹²⁴ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 14 об.

¹²⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 14 об.

¹²⁶ В этом им обещал помочь Шибанов, фирма которого оказывала переплетные услуги.

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 13 об.

¹²⁸ Там же. Л. 14.

¹²⁹ «У нас в библиотеке хранятся два экземпляра «Путешествия из Петербурга в Москву» соч[инения] Радищева, один из них куплен от Ф.Ф. Мазурина, а другой куплен вместе с библиотекой Остроглазова», — писал В.Н. Рогожин в феврале 1899 г. См.: Библиотека, русская старина и художественные собрания Алексея Петровича Бахрушина в Москве. Воронцово поле. Собст. дом. Автографы посетителей. Кн. 2-я. Рукопись. М., 1898–1903. Л. 8.

¹³⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 13.

Объяснение произошло 21 февраля. Ротному командиру предъявили телеграмму Суворина с просьбой сделать скидку и заключение Рогожина. Однако призвать Шереметевского к справедливой оценке его «подозрительной»¹³¹ книги не удалось. Он отказался продать свой экземпляр со скидкой, заявив, что «петербургский Клочков дает ему 600 рб.»¹³² Примечательно, что в процитированных ранее письмах Шибанова фигурировали другие суммы: 400 и 450 рублей.

Дабы разобраться в хитросплетениях интриги Шереметевского, приведем несколько фрагментов из переписки Кочетова и Суворина. Так, первый писал: «Полтавский воспитатель будущих воинов — несомненный проходимец и плут большой руки, отлично знающий, в чем дело, и имеющий расчеты и надежду сейчас воспользоваться положением, сорвав, если можно 500, 600 рб. за недостающий лист, тем более, что он отлично посвящен в подробности дела, как я думаю, именно Клочковым, желавшим или приобрести книгу, чтобы продать Вам же, или только напакостить Шибанову из-за конкуренции. <...> Несмотря на важный тон Шереметевского и его непоколебимость, я, привыкший изучать людей, заключаю с уверенностью, что этот плутяга прибыл «не по делам и кстати и по поводу книги», а исключительно дабы продать эту книгу <...>. Мало того, думаю, что если у него не купят книги, то ему вряд ли хватит денег вернуться, и если он хорохорится, то в надежде на то, что или мы или Клочков заплатят ему все про-

симое, но если этого не случится, то он или сейчас или вернувшись с усилиями с радостью отдаст за 200 рб., ибо, как Вы справедливо заметили, это деньги не за книгу, тем более не за развалины книги, худшие части к[ото]рые у Вас. Значит, все дело в одной или двух неделях времени. С другой стороны, ему смешно предлагать эти 200 рб. за лист и отдать его книгу или Шаповскую (что последний выберет), и он по жуликоватости своей вставит еще один поддельный лист или продаст тому же Шибанову, к[ото]рый дает ему за его книгу 50 рб.»¹³³

Прислушавшись к мнению своего поверенного, Суворин решил рискнуть. Он отослал книгу Шереметевского в Москву и предложил за нее 300 рублей, то есть лишь половину суммы, на которую рассчитывал «жулик»¹³⁴ из Полтавы. Кроме того, надо было решить вопрос с Шаповым. Поэтому 22 февраля Кочетов и Астапов отправились к библиофилу. Из воспоминаний букиниста нам известно, что из этой поездки ничего не вышло. По всей видимости, так и произошло. «Астапов вышел через 10 минут. Оказалось, что он вынес всклепку, и Шапов опять взбеленился, так как <...> ожидал обоих экземпляров, чтобы убедиться воочию и посмотреть, что можно сделать, а тут он закричал, что книжонка никуда не годится, и стал требовать отдать свой экземпляр, грозя судом и не желая давать отсрочки. Вследствие этого я отвез экземпляр Шибанову и сдал его ему», — писал Кочетов¹³⁵.

В тот же визит журналист передал антиквару «конечные условия» Суворина.

¹³¹ Там же. Л. 11 об.

¹³² Там же. Л. 13.

¹³³ Там же. Л. 13 об. — 14 об.

¹³⁴ Там же. Л. 11 об.

¹³⁵ Там же. Л. 15.

В.Ф. Фрейман. Конец XIX — начало XX века

Он полагал, что Шереметевский «сейчас не согласится, но, толкнувшись туда и сюда, повидавшись с Ключковым, конечно, пойдет [на них] с радостью»¹³⁶. К сожалению, нам неизвестна дальнейшая судьба экземпляра ротного командира из Полтавы. Н.П. Смирнов-Сокольский писал: «Он, в юности (как мне потом уже рассказывал сам Шибанов) порвав не оправдавшую его надежд книгу, отбыл

в Полтаву»¹³⁷. Однако вряд ли стоит доверять свидетельствам маститого библиофила: в его изложении описываемой нами истории множество ошибок. Литературовед В.А. Западов, напротив, полагал, что экземпляр «полковника из Полтавы»¹³⁸ сохранился и находится ныне в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского¹³⁹.

Но что же наши герои? Как они смогли выйти из сложного положения? Пока Суворин безуспешно пытался купить экземпляр из Сибири (предположительно из Перми, оказавшийся перепечаткой А.И. Герцена 1858 года¹⁴⁰), книжная Москва была охвачена суетой. Причиной тому послужило объявление некоего «В.Ф. Ф.» о желании приобрести «безукоризненный во всех отношениях»¹⁴¹ экземпляр «Путешествия» 1790 года. Как мы уже отмечали, в воспоминаниях Астапова этот эпизод был упомянут. Однако по традиции неполно и с многочисленными неточностями. Нам удалось установить имя этого загадочного знакомого Богданова: помог авторский экземпляр книги Ульянинского «Среди книг и их друзей» с его дополнениями и правками¹⁴². За инициалами «В. Ф. Ф.» скрылся служащий магазина В.Г. Гюте В.Ф. Фрейман, впоследствии прогрессивный антиквар и учредитель Московского библи-

¹³⁶ Там же. Л. 16.

¹³⁷ Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. С. 102.

¹³⁸ Западов В.А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности». С. 552.

¹³⁹ Это утверждение требует дальнейших разысканий. На данный момент мы не можем утверждать, что описываемый экземпляр действительно принадлежал Шереметевскому.

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 16 об.

¹⁴¹ Русские ведомости. 1888. № 56. 26 февр.

¹⁴² См.: ОР РГБ. Ф. 507. К. 5. Ед. хр. 7. Л. 65. Также отметим, что подобный экземпляр хранится в собрании председателя Национального союза библиофилов М.В. Сеславинского, о котором он рассказал на заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Д.В. Ульянинского. Правда, в данном случае рукописные вставки сделаны не самим автором, а его добрым знакомым, издателем и коллекционером Л.Э. Бухгеймом с авторского экземпляра Ульянинского. См.: К 150-летию Д.В. Ульянинского (1861–1918) : Заседание клуба «Библиофильский улей». 18 июня 2011 г. / сост. Л.Г. Якунина (Ларионова). М.: НСБ, 2011. С. 15–17.

УЧРЕДИТЕЛИ РУССКОГО Библиографического Общества

Фотография членов-учредителей Московского библиографического кружка, среди них Н.И. Носов, В.Ф. Фрейман и А.А. Астапов. 1889

ографического кружка, с которым у Шибанова были весьма непростые отношения¹⁴³. По всей видимости, он действительно хотел выяснить, сколько продажных экземпляров «первопечатного Радищева» представлено на рынке. Но подтверждений сведений Астапова об отсрочке Шапова, будто бы данной в связи с разворачивавшейся интригой Фреймана, мы не нашли.

В этой связи представляют интерес свидетельства непосредственных участников событий. В письме Суворину от 29 февраля Кочетов сообщал: «Астапов уверяет, что это ищет какой-то аферист Фрейман, но другие думают, что это подставное лицо, за которым скрывается Шапов, и это, конечно,

немудрено, особенно если принять во внимание, что такая публикация уже сама по себе могла Вам сильно помешать купить Радищева»¹⁴⁴. Иные подробности находим в письме Шапова Ключкову: «Здесь по случаю пропажи Радищева у Суворина поднялась такая грязь, что противно смотреть. Шибанов требует свои комиссион[ные] 100 р., а офицер, привезший лично Радищева с литографир[ованным] заглавным листом, весь прожился и ему не с чем ехать обратно, и он так же, как и первый, хочет идти к мировому. Кроме того, чтобы затруднить покупку Радищева Суворину, два московск[их] богатых купца хотят публиковать в газетах, что они дают за него 1 500 руб. Все это

¹⁴³ См.: ОР РГБ. Ф. 342. К. 53. Ед. хр. 6. Л. 29.

¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 22.

падет на меня, но смею Вас уверить, что тут [я] ни при чем и даже не знаком с Носовым¹⁴⁵. <...> P.S. Жиды ходят по лавкам и спрашивают Путешествие»¹⁴⁶. Об участии Носова и другого безымянного купца в интриге Фреймана более ничего неизвестно.

Спустя неделю после неудачи с экземпляром Шереметевского Суворин смог договориться со Щаповым. К сожалению, нами не выявлены документы, в которых были бы отражены детали покупки экземпляра, удовлетворившего библиофила. До настоящего времени об этой сделке известно не много: «известный любитель Юзефович»¹⁴⁷ выручил Суворина, продав ему «первопечатного Радищева» за 180 рублей. Также мало сведений и о самом коллекционере, имя которого известно лишь специалистам-пушкинистам. Дело в том, что его отец, М.В. Юзефович (1802–1889), штаб-ротмистр Чугуевского уланского полка, 27 июня 1829 года вместе с Пушкиным принимал участие в штурме Арзрума. Об этом поэт написал в 4-й главе «Путешествия в Арзрум»: «Я приехал туда вместе с поэтом Юзефовичем». Спустя годы Юзефович, на тот момент поэт, известный археолог и археограф, напишет воспоминания о встречах и беседах с Пушкиным во время их полуторамесячного знакомства в 1829 году в действующей армии. Интересно, что ему Пушкин рассказал о первоначальном замысле «Оне-

гина», по которому герой должен был или стать декабристом, или погибнуть на Кавказе¹⁴⁸.

Но чем же запомнился Юзефович-сын, помимо щаповской истории? Признаться, мы долго искали ответ на этот вопрос. Оказалось, что его имя было хорошо известно в политических кругах Петербурга. Ниже приведем наиболее интересные факты биографии этого царедворца.

В.М. Юзефович¹⁴⁹ (1841–1893) окончил кандидатом Университет св. Владимира в Киеве (1862). Затем он служил в канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края, в 1864–1869 годах состоял мировым посредником сначала в Волынской, а затем в Киевской губернии. В 1869–1873 годах Юзефович — старший производитель работ в Киевской люстрационной комиссии, отвечавшей за поземельное устройство крестьян в казенных имениях Правобережной Украины. После упразднения комиссии он остался в штате Министерства государственных имуществ и был переведен в Петербург. В те годы Юзефович — активный участник кружка К.Ф. Головина, объединявшего литераторов, музыкантов и чиновников из высшего общества.

Упрочив свое положение в великосветском кругу, он весной 1877 года перешел в Министерство внутренних дел и получил направление в Главное

¹⁴⁵ Речь идет о суконном фабриканте Н.И. Носове (1847–1898), известном библиофиле и учредителе Московского библиографического кружка.

¹⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4837. Л. 2. Отметим, что это письмо мы атрибутировали, установив адресата — петербургского антиквара В.И. Ключкова.

¹⁴⁷ Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 66.

¹⁴⁸ См.: Сигрист А.С. Библиотека П.В. Губара // Альманах библиофила. Вып. 6. М.: Книга, 1979. С. 28–29.

¹⁴⁹ См.: Мамонов А.В. «Но почему 29 апреля?» : Письма Владимира Юзефовича об отставке Лорис-Меликова // Родина. 2015. № 2. Февр. С. 27–30; Юзефович В.М.: [некролог] // Новое время. 1893. № 6164. 28 апр. (10 мая). С. 3; Юзефович В.М. // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Т. 24. СПб.: Импер. рус. ист. о-во, 1912. С. 313–314.

управление Общества попечения о раненых и больных воинах. За свою работу в качестве уполномоченного Красного Креста в период Русско-турецкой войны Юзефович получил в декабре 1878 года высочайшую благодарность, а 8 января 1879 года звание камергера. В феврале того же года он вернулся в Министерство государственных имуществ.

В это же время Юзефович в свите всесильного М.Т. Лорис-Меликова отправился на борьбу с ветлянской чумой. Тогда в его карьере и произошел взлет. В апреле 1879 года он получил чин статского советника, а уже в июле был произведен в действительные статские советники (конечно, сказалась протекция Лорис-Меликова). Затем новая карьерная вершина — должность вице-директора только что образованного Департамента государственной полиции. В это время он ближайший соратник Лорис-Меликова.

После отставки в мае 1881 года своего покровителя Юзефович покинул Департамент полиции и получил назначение членом Совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. На этой, как считалось, скромной и спокойной должности он и закончил свою карьеру. В 1880 — начале 1890-х годов Юзефович активно работал над мемуарами, охватывавшими его деятельность начиная со студенческих лет. Впоследствии его брат

Б.М. Юзефович опубликовал небольшой их фрагмент¹⁵⁰. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна.

О собрании Юзефовича практически не сохранилось сведений. После смерти коллекционера оно было пожертвовано его братом родному Киеву. Известно, что библиотека была доставлена в город «в 40 больших ящиках»¹⁵¹ и некоторое время находилась в здании городского управления на Крещатике. Планировалось издать ее каталог, куда бы вошли описания ряда ценных книг, а также «сочинений, которые не разрешается держать в библиотеках для общего пользования»¹⁵². Однако часть коллекции или отдельные экземпляры попали в свободную продажу¹⁵³.

Юзефович называл себя «человеком совершенно независимым по характеру и положению»¹⁵⁴, а современники отмечали его «готовность помочь всякому доброму делу»¹⁵⁵. По всей видимости, так произошло и в истории с переизданием «Путешествия». Из письма Шибанова-старшего сыну от 7 марта: «Вероятно, тебе известно, что Юзефович, узнав о бедственном положении Суворина относительно Радищева, «любезно» предложил ему [Суворину] свой экземпляр чрез Ключкова за ... 140 р. Суворин, разумеется, с неимоверной радостью взял»¹⁵⁶. Примечательно, что в различных источниках сумма сделки разнится: Астапов называл 180 рублей, Шибанов-отец,

¹⁵⁰ См.: Юзефович В.М. Тридцать лет тому назад : Очерк из студенческой жизни // Русская старина. Т. 84. 1895. Окт. С. 167–200; Ноябрь. С. 95–130.

¹⁵¹ Библиотека В.М. Юзефовича // [Альбомы А.П. Бахрушина с газетными вырезками]. Т. 105 : Библиография. [М., 1890-е]. С. 20.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Самвелин Н.Г. Экземпляр № 13 // В мире книг. 1977. № 1. Янв. С. 86–88.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1130. Л. 2–2 об.

¹⁵⁵ Юзефович В. М.: [некролог]. С. 3.

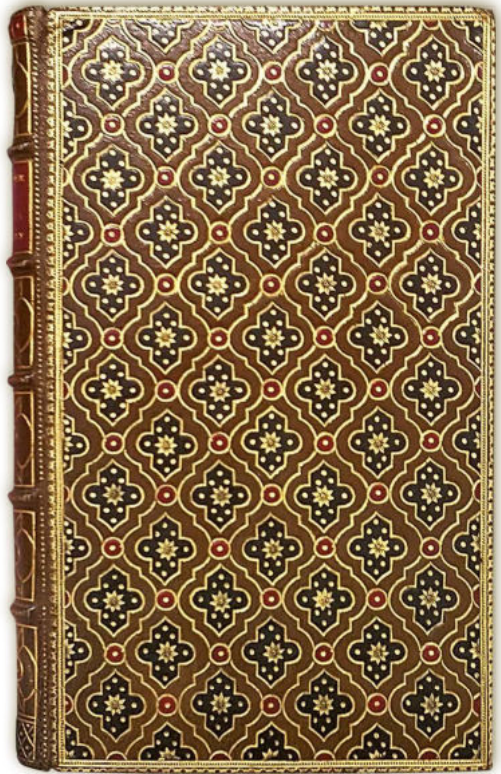
¹⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 342. К. 5. Ед. хр. 4. Л. 22 об.

находивший в тот момент в Петербурге, писал о 140 рублях. В более поздних материалах указывалась другая цена — 960 рублей¹⁵⁷.

Отсутствие подробностей этой сделки компенсируется ценными сведениями об окончании нашей истории. Итак, 29 февраля Кочетов и Астапов отправились к Щапову, дабы вручить последнему новый экземпляр «Путешествия». Памятуя прошлое, журналист остался «в сених», а перед библиофилом с экземпляром Юзефовича в руках предстал букинист. Описание дальнейших событий находим в письме Кочетова Суворину: «Пришлось промерзнуть полтора часа, пока вернулся Астапов. По возвращении его оказалось, что, несмотря на всю прелесть экземпляра, Щапов при приеме выделял всякие затруднения. То книга не «помята», и было бы лучше, если бы вместо данного образца книга была бы не разрезана (!), что на одной странице оказалась опечатка в нумерации: (кажется) на одной странице — 191, а на другой странице — 194¹⁵⁸. В заключение от выдачи расписки в приеме и удовлетворении претензий Щапов отказался, говоря, что он лично не имел никакого дела, несмотря на то что он грозил кляузами не от Астапова, а лично от себя. Вообще роль Щапова, на мой взгляд, здесь была недостойная и при этом предвзятая»¹⁵⁹.

В чем же заключалась «прелесть»¹⁶⁰ экземпляра Юзефовича? В своих воспоминаниях Астапов писал, что Щапову

*Переплет экземпляра книги А.Н. Радищева
«Путешествие из Петербурга в Москву»
(СПб., 1790), принадлежавшего В.М. Юзефовичу.
Из собрания ГПИБ*

не понравились современный переплет книги и ее размеры после обрезки. В приведенном нами письме Кочетова эти претензии библиофила не упоминались. Но, действительно, экземпляр был заключен в новый переплет. Д.Н. Анучин, занимавшийся судьбой первого издания «Путешествия» Радищева, описал его весьма подробно: «Роскошный переплет

¹⁵⁷ См.: Остроглазов И.М. Книжные редкости. С. 400; Битовт Ю.Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII века: С библиогр. примеч., указанием степени редкости и цены антикваров на них, с прил. списка календарям 18 в. и списка кн. 18 в., слышущим за редкие у некоторых антикваров, но имеющимся до сих пор в продаже / сост. Ю. Битовт. М.: М.Я. Параделов, 1905. С. 458.

¹⁵⁸ Интересно, что при исследовании экземпляра de visu описываемые опечатки не выявлены.

¹⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 21–22.

¹⁶⁰ Там же. Л. 21 об.

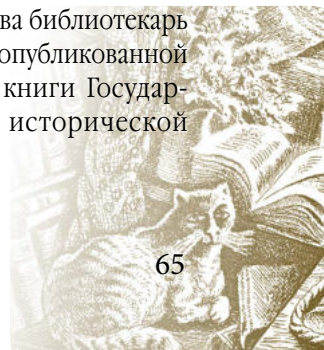
Корешок и составной форзац экземпляра книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб., 1790), принадлежавшего В.М. Юзефовичу. Из собрания ГПИБ

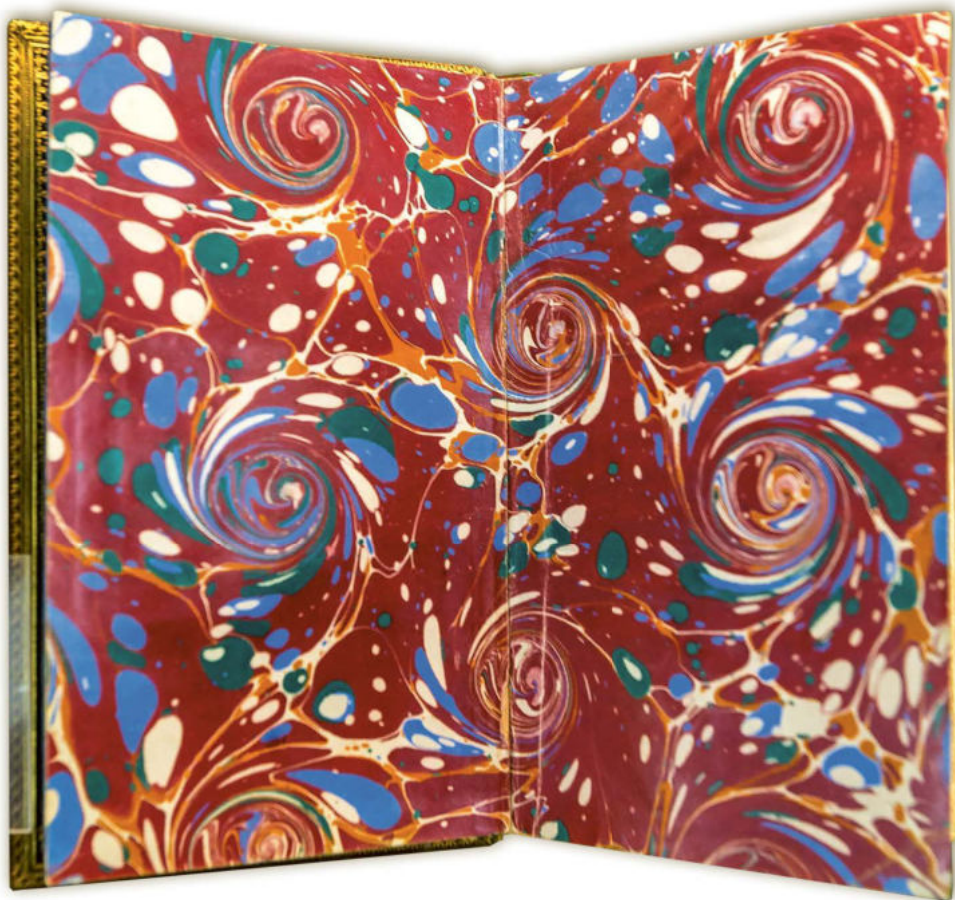
из коричневого сафьяна, с золотым тиснением на передней и задней досках и с золотым обрезом листов. Тиснение состоит из четырехконечных крестиков с округленными концами и маленьких кружков. На внутренней стороне переплетных досок имеется также бордюры с золотым тиснением из мелких разводов. Корешок разбит на 6 квадратов, в каждом из которых вытиснен красный или черный крестик той же формы, что и на переплетной доске; кроме того, имеется по золотой полоске у верхнего и нижнего краев. Во втором квадрате сверху вытиснено: Путешествие из Петербурга в Москву. Под сафьяно-

вым переплетом подложен листок из голубого муара, а затем из глянцеви-той толстой бумаги, с синими, зелеными, белыми разводами и спиралями по красному; два листка такой же бумаги наклеено на белую; экземпляр снабжен лентой зеленого, красного и желтого цветов (продольными полосками). Переплет вложен в обложку из черной песочной (шершавой) бумаги, и, наконец, все вложено в футляр из той же черной бумаги»¹⁶¹.

Ученица И.Н. Розанова библиотекарь Е.В. Благовещенская в неопубликованной работе «Отдел редкой книги Государственной публичной исторической

¹⁶¹ Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры. С. 306.

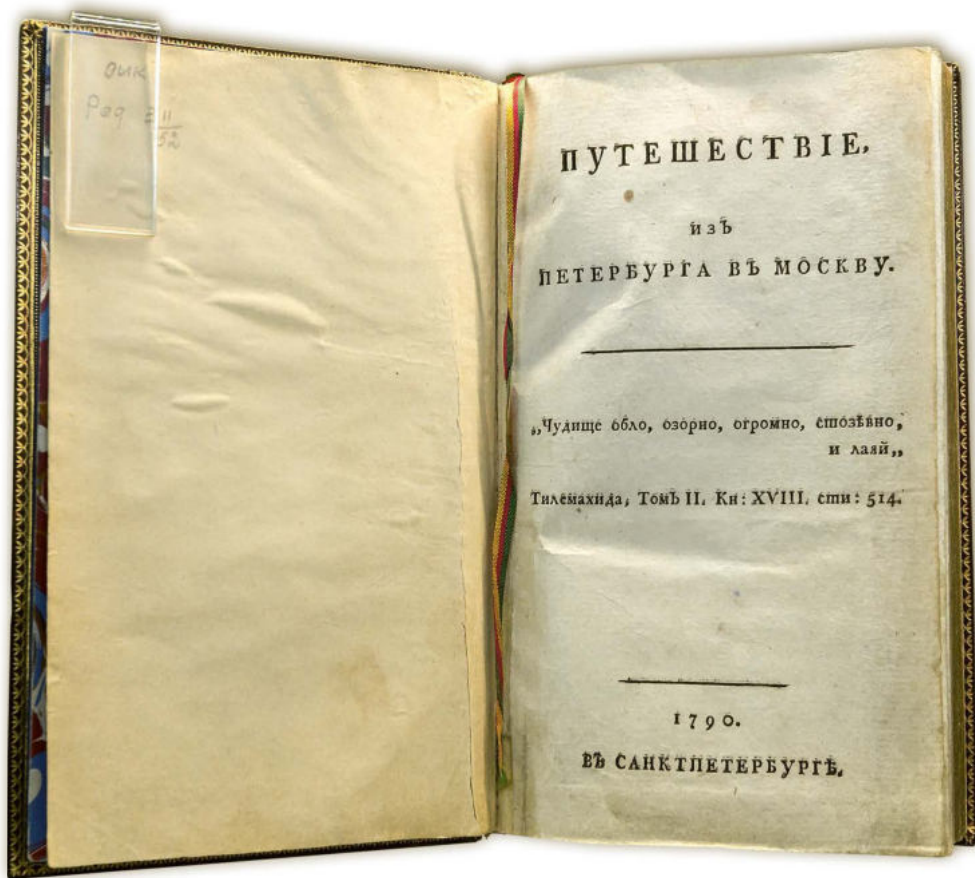
Форзац экземпляра книги А.Н. Радицева «Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб., 1790), принадлежавшего В.М. Юзефовичу. Из собрания ГПИБ

библиотеки (1922–1948)» писала: «Наконец покупка состоялась (у петербургского библиофила Юзефовича), Суворин дал книге роскошный переплет и через того же Астапова переслал ее Щапову»¹⁶². Скорее всего это еще один миф, связанный с нашей историей. Дело в том, что в сохранившейся переписке отсутствуют какие-либо упоминания о новом переплете 1888 года и желании Суворина с его помощью оказать любезность пострадавшей стороне. Кроме того,

Подпись Э. Ро на подвертке переплета экземпляра книги А.Н. Радицева «Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб., 1790), принадлежавшего В.М. Юзефовичу. Из собрания ГПИБ

¹⁶² Благовещенская Е.В. Отдел редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки (1922–1948). Машинопись. М., 1948. Л. 39.

Титульный разворот экземпляра книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб., 1790), принадлежавшего В.М. Юзефовичу. Из собрания ГПИБ

и другие события, связанные с переизданием «первопечатного Радищева», в изложении Благовещенской изобилуют ошибками и неточностями. Приходится констатировать это при несомненном уважении к многолетней подвижнической работе ученицы Розанова.

Отметим также, что все исследователи, работавшие с описываемым экземпляром, не заметили чрезвы-

чайно важную деталь: книга была заключена в подписной переплет работы Э. Ро (Л.-Ш.-Э. Ро, ум. 1900)¹⁶³. В конце XIX века этот известный французский мастер, работавший в Петербурге с 1880-х годов, считался одним из лучших и дорогих. Среди его постоянных клиентов были крупнейшие коллекционеры того времени, в том числе Г.В. Юдин и М.Е. Сеницын.

¹⁶³ См.: Дружинин П.А., Соболев А.Л. Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева : Аннотир. научн. каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века : В 3 т. Т. 3. М.: СЛОВО, 2021. С. 317–336; Сеславинский М.В. Аромат книжного переплета : Отечеств. индивидуальный переплет XIX–XX вв. : Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Астрель, 2011. С. 49–50; Тараканова О.Л. Материалы к словарю русских переплетчиков // Букнистическая торговля и история книги : Межвед. сб. науч. тр. Вып. 6. М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1997. С. 105 и др.

Экслибрис библиотеки П.В. Щапова

В обмен на экземпляр Юзефовича Суворин получил свою расписку 1885 года¹⁶⁴. В этой связи встает вопрос: где сейчас находится книга Щапова? В.А. Западов полагал, что она поступила в Российскую национальную библиотеку (РНБ) в составе коллекции издателя. Литературовед ошибочно трактовал нотариальное заявление Кочетова, о котором мы подробно писали ранее. Еще одного исследователя смутила фраза об «утерянном листе»¹⁶⁵. И как бы в подтверждение его теории в экземпляре РНБ отсутствуют страницы 443–444, вместо которых шит чистый лист. Напомним, что на самом деле в типографии утратили 16 страниц. Изучение же самого экземпляра не выявило владельческих признаков, характерных для изданий из собрания Щапова¹⁶⁶. Поэтому вопрос

о местонахождении книги остается открытым.

И финальным аккордом в нашей истории стал выход злополучного переиздания Суворина, продажи которого стартовали 16 апреля 1888 года. В газете «Новое время» было опубликовано следующее объявление:

«Книжный магазин «Нового Времени».

Сегодня поступила в продажу новая книга издания А.С. Суворина:

Путешествие из Петербурга в Москву.
Сочинение
А.И. Радищева¹⁶⁷.

Воспроизведение издания 1790 года, строка в строку, буква в букву, с сохранением всех опечаток и особенностей правописания оригинального издания.

Напечатано всего 100 экземпляров, из них:

25 экз. на японской бумаге больш[его] формата. Ц. 60 р.

30 экз. на японской бумаге меньш[его] формата. Ц. 50 р.

45 экз. на слоновой бумаге. Ц. 25 р.

За пересылку (в ящик) прилагается 2 р.

Исключая издержек печатания, вся выручка от продажи книги будет отправлена в Радищевский Музей»¹⁶⁸.

Однако, по всей видимости, тираж был отпечатан раньше: в марте началась рассылка экземпляров, которые Суворин определил в качестве подарков для участников нашей истории. Примечательно, что Щапов от своего отказался, так и не выйдя к представите-

¹⁶⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2034. Л. 22.

¹⁶⁵ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 2.

¹⁶⁶ См.: Воробьева Е.В. Новое о владельческих знаках П.В. Щапова. С. 93–94; Ильинская А.В. Библиотека П.В. Щапова. С. 49.

¹⁶⁷ Знаменитая опечатка в имени автора: вместо А.Н. Радищев на титульных листах напечатано А.И. Радищев.

¹⁶⁸ [Объявление] // Новое время. 1888. № 4358. 16 (28) апр. С. 4.

РЕДАКЦИЯ ЕЖЕДНЕВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ „НОВОЕ ВРЕМЯ“ помещается въ С.-Петербургѣ, на Малой Итальянской улицѣ, д. № 18, кв. № 18 (телефонъ № 566).—Личныя объясненія ежедневно, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ по полудни, исключая праздниковъ.—Статьи и корреспонденціи, присылаемыя для помѣщенія въ газетѣ, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.—Мелкія статьи и корреспонденціи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, не возвращаются.—КОНТОРА, С.-Петербургѣ, Невскій № 38—4, принимаетъ подписку и объявленія. КОНТОРА (телефонъ № 1052) открыта отъ 10 часовъ утра до 5-ти час. вечера, по воскресеньямъ и табельнымъ днямъ отъ 1 часу до 3 час. по полудни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССИИ:

На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Безъ доставки	14	13	12	10 50	9 80	9	8 60	8 50	4	2 80	1 80
Съ дост. по гор. почтѣ	16	15	13 50	12	11	10	9 750	8 80	4 50	3 30	1 80
Съ перес. иногородн.	17	15 50	14 50	13 50	12 50	11 30	10 8 50	7	5 50	4	2

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Для служащихъ—по тротаянъ, чрезъ ихъ записавцевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 5 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и въ 1-му августа 4 р. для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и въ 1-му августа 3 р. для иногороднихъ подписчиковъ.

На годъ. 9 м. 6 м. 3 м. 2 м. 1 м.
Въ Барсу, Сиверн.
Америку и Египт. . . . . 26 р. 21 р. 14 р. 8 р. 6 р.
Въ Китай, Индію и Японію . . . . . 26 . . . 21 . . . 14 . . . 8 . . . 6 . . .

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не даѣе, какъ до конца года.

ВЪ ЭТОМЪ № 6 СТРАНИЦЪ.

ССУДЫ подл 1 выигрыш. заемъ до 235 рублей, подл 11 выигрыш. заемъ до 215 рублей, подл остальные бумаги отъ 10% до 20% ниже биржевой цѣны, выдаетъ А. 43002 X—12

КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
Невскій, 21.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

Сегодня по туила въ продажу **НОВАЯ КНИГА** изданія А. С. СУВОРИНА:

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

СОЧИНЕНІЕ

А. И. РАДИЦЕВА.

Воспроизведеніе изданія 1790 года, строка въ строку, буква въ букву, съ сохраненіемъ всѣхъ опечатокъ и особенностей правописанія оригинальнаго изданія.

Напечатано всего 100 экземпляровъ, изъ нихъ:

- 25 экз. на японской бумагѣ больш. формата. Ц. 60 р.
- 30 экз. на японской бумагѣ меньш. формата. Ц. 50 р.
- 45 экз. на слошовой бумагѣ. Ц. 25 р.

За пересылку (въ ящикѣ) прилагается 2 р.
Исключая издержекъ печатанія, вся выручка отъ продажи книги будетъ отправлена въ Радищевскій Музей.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПРОДАЮТСЯ:

- АПУХТИНЪ, А.** Стихотворенія. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 35 к.
- АНДРЕЕВСКІЙ, С.** Стихотворенія 1878—1885. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
- АРСАКОВЪ, И. С.** Соорникъ стихотвореній. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- БАРАТЫНСКІЙ, Е.** Стихотворенія. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

- НА ПАМЯТЬ** о нашихъ обшихъ друзьяхъ. 2 альбома читать и стихотвореній. Ц. кажд. въ перепл. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ПАЛЬМИНЪ, М.** Цѣты и змѣи. Са-тиры, юморъ и фантазія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- ПАНОВЪ, П.** Думы и пѣсни. Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- ПОНОМАРЕВЪ, С.** Москва въ родной поэзіи.

Въ воскр- лудни, об

ШЕСТОІ въ Татар писка та

подъ в до 230 нѣв 6

Ген 57, Неве вято по

НУ

опытная д терій. Обр Московска

Паг

винтовый, исправност д. 20, кв. 1

Сибирска

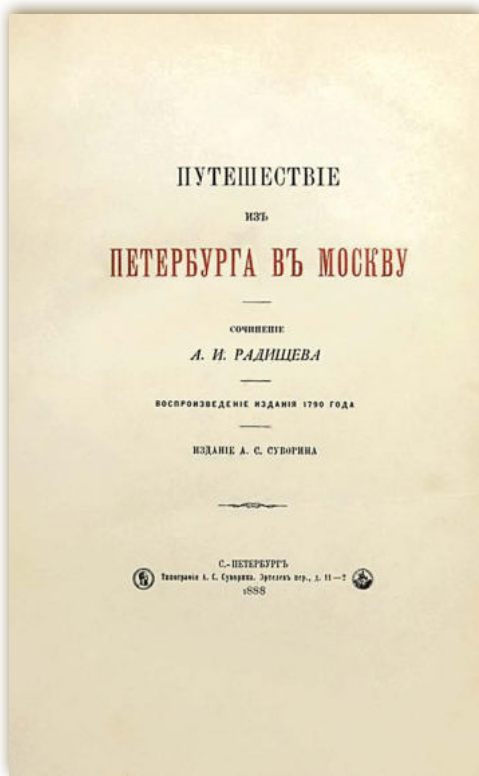
Виблюграф БЕЗГІИНЪ эдан. гимн. въ кн. маг. кова и дру (В. Салова Камешкоос гвну, и мо момъ, безъ желающ. и стами.

Ж

НОВИ

Объявленіе о выходе переизданія «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» А.Н. Радищева в газетѣ «Новое время» (1888. № 4358)

Обложка переиздания «Путешествия из Петербурга в Москву» А.И. Радищева (СПб., 1888)

лям издателя. «Жена г. Щапова принять книги отказалась. Сам г. Щапов будто бы нездоров. Ранее всего человек г. Щапова решительно тоже отказался принять что-либо на имя г. Щапов — вероятно, на это есть непосредственное распоряжение г. Щапова»¹⁶⁹.

Иначе отнеслись к подарку Суворина Астапов и Юзефович. Первый¹⁷⁰ принорочил «чувствительную благодарность»¹⁷¹ издателю и признавался в своем особом отношении к его фирме: «Вы стоите в полку любителей этого дела, перещеголяли столетние фирмы. <...> Вы вполне со вкусом издаете книги, я прежде был таких убеждений, что невольно заставило послужить вам, хотя не могу сказать, к прискорбию моему, немного было неприятности, но забудем все, мы *исполнили свое дело честно* (курсив мой. — Л. Л.), я хоть этим утешаюсь за вас и себя»¹⁷².

Юзефовичу достался экземпляр под номером 13¹⁷³. «Не могу, многоуважаемый Алексей Сергеевич, наглядеться на Вашего Радищева. Это в полном смысле слова торжество русского типографского искусства. Честь Вам и слава. Буду теперь заботиться об том, чтобы сделать переплет, достойный»¹⁷⁴.

Астапов в воспоминаниях утверждал, что тираж книги разошелся за несколько дней¹⁷⁵. Скорее всего так и произошло. Из письма Шибанова-старшего сыну от 19 апреля, то есть спустя три дня с официального начала продаж: «Хотя Лев [Шибанов] и ходил к Суворину самому, но он ему отказал в 25 р. экземпляр[е]. Кроме 50 р. нет, поэтому это дело останется вотще. Я 50 р. не дам, да за что же и дать. <...> Это и страшная обида, про-

¹⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 413. Л. 87–87 об.

¹⁷⁰ Астапов писал, что ему подарили экземпляр № 11 на японской бумаге большого формата. См.: Ульяновский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 67.

¹⁷¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 7.

¹⁷² Там же. Л. 7–7 об.

¹⁷³ Известно, что в книгу вшили лист со следующим напечатанным текстом: «Экземпляр В.М. Юзефовича, полученный от А.С. Суворина 15 апреля 1888 г.», а ниже чернилами проставили номер. См.: Самвелян Н.Г. Экземпляр № 13. С. 86.

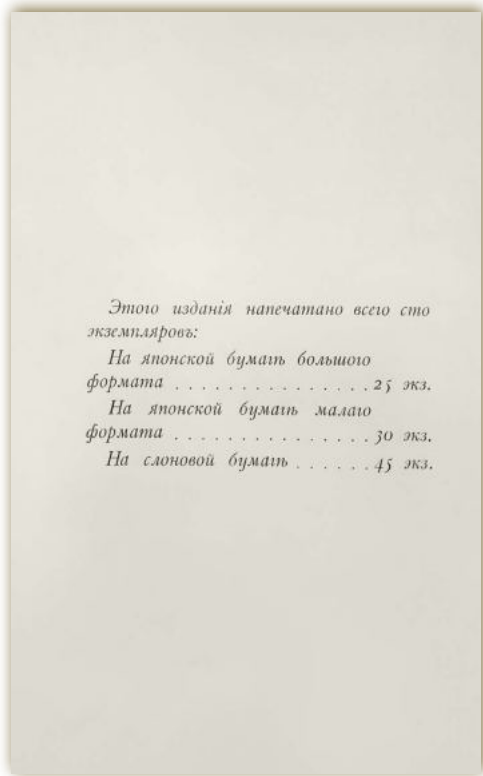
¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4901. Л. 5.

¹⁷⁵ См.: Ульяновский Д.В. Среди книг и их друзей. С. 67.

давали людям 25, а ты, изволь, взять 50»¹⁷⁶. Примечательно, что московский антиквар, активно помогавший Суворину в поисках, не получил от него в подарок экземпляра переиздания.

Итак, можно было бы сказать, что наша история имела счастливый финал. Однако это не так. 6 июня 1888 года в возрасте 39 лет от «припадко-паду-чей болезни, без исповеди»¹⁷⁷ умер Щапов. Его богатейшее собрание, по некоторым оценкам¹⁷⁸ превосходившее на тот момент коллекцию Императорской Публичной библиотеки, поступило в Исторический музей¹⁷⁹. Сегодня часть книг Щапова украшает фонды Государственной публичной исторической библиотеки, в том числе и экземпляр «первопечатного Радищева» в подлинном переплете Э. Ро.

В 1903 году, посылая своему постоянному клиенту В.Г. Дружинину оттиск «Эпизода из истории перепечатки А.С. Сувориным «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева», Астапов с горечью констатировал: «Не жду справедливости, не будет-то мне добра. Кто больше виновней в радищевской копии — думай. Заварил я, второй помещивал, а третий со своей посудой услугу

Лист со сведениями о тираже переиздания «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (СПб., 1888)

оказал, а в общем: «В любви нет злости». Со стороны смеяться легко, в то время у нас искры из глаз сыпались»¹⁸⁰. [ПК]

¹⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 342. К. 5. Ед. 5. Л. 5–6 об.

¹⁷⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 96. Л. 169 об–170.

¹⁷⁸ О судьбе Щаповской библиотеки // Московские ведомости. 1888. № 158. 9 июня. С. 2.

¹⁷⁹ По некоторым сведениям, Шибанов планировал купить библиотеку Щапова за 45 тыс. руб. См.: [Симони П.К.]. П.В. Щапов и собранная им библиотека книг с начала печати на Руси (1854–1888). Л. 11.

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1.

Феномен Бурмагиных*

А.Д. Рыхин

Светлой памяти В.В. Воропанова, искусствоведа и многолетнего директора ВОКГ, внесшего огромный вклад в исследование творчества Г. и Н. Бурмагиных.

Генриетта и Николай Бурмагины в представлении не нуждаются. Крупные художники, представители вологодской школы графики и гордость советской ксилографии последней трети XX века. Их жизненный и творческий путь исследован достаточно подробно. Работы художников в области книжной и станковой графики, в экслибрисе описаны в многочисленных статьях, предвещающих альбомы и каталоги их выставок. Издан и генеральный каталог¹ всех произведений Бурмагиных. Они одни из самых любимых моих графиков. По моему мнению, об их творчестве сказано недостаточно. Имеются лакуны, без заполнения которых невозможно понять в полной мере истоки искусства этих художников. В этих заметках мне хотелось коснуться некоторых деталей. Деталей, мимо которых прошли искусствоведы.

Вглядимся вначале в явления вековой (уже!) давности, бегло просмотрев пути советской ксилографии и упомянув основных ее героев. В 1918 году 32-летний Владимир Андреевич Фаворский исполняет буквицы к «Суждениям аббата Жерома Куаньяра» А. Франса. Заканчивается многовековая эпоха репродукционной ксилографии и таких ее представителей, как И. Павлов, автор столь популярных у библиофилов пейзажных альбомов.

Раньше художники делали серии рисунков на темы архитектурных памятников или художественных произведений; для Фаворского же книга стала строгой и стройной вещью, разумно организованной для определенной цели, а не просто вместилищем гравюр. Через несколько лет Мастер становится преподавателем, а затем и ректором ВХУТЕМАСа, лучшего художественного вуза той поры, получает возможность передавать свои мысли и знания учащимся. Среди первых выпускников ВХУТЕМАСа были С. Бигос, А. Гончаров, П. Павлинов, Н. Падалицын, М. Фрам, М. Пиков, М. Поляков, А. Тышлер. Эти, а позднее и десятки других мастеров «школы Фаворского» создали отечественную школу книжной иллюстрации, определив вектор ее развития на долгие годы вперед. В числе московских мастеров ксилографии упомянем и таких выдающихся художников, как А. Кравченко и П. Староносков. В те же годы формируется ленинградская школа книжной графики, ярчайшими представителями которой стали мастера, сформировавшиеся под влиянием объединения «Мир искусства». Вспомним такие имена, как Н. Алексеев, Н. Бриммер, Э. Будогосский, В. Кошаревич, С. Мочалов, Л. Хижинский, С. Юдовин. Тогда же, в 20-е годы, на Украине начинается творческий путь мастеров школы М. Бойчука, таких, как И. Падалка,

* Форматы воспроизведения иллюстраций не отвечают в точности форматам оттисков в книгах.

¹ Генриетта Николаевна, Николай Васильевич Бурмагины: Каталоги / вступ. статья и сост. В. Воропанова. Вологда, 1988. 2 брошюры в обертке.

М. Фрадкин, Б. Бланк, Е. Сахновская. В 30-е и 40-е годы эти художники проиллюстрировали множество книг, ставших впоследствии предметом собирательства библиофилов.

Прошло время. К концу 60-х годов многих из мастеров, составивших славу советской книжной графики, уже не было в живых. Пришло новое поколение ксилографов. Назовем выборочно имена художников, получивших всесоюзное признание на поприще книжной иллюстрации в последней трети XX века: Николай Калита (1926–2016), Анатолий Калашников (1930–2007), Юрий Космынин (1937), Михаил Верхоланцев (1937), Иван Кириакиди (1940). В одном ряду с ними стоят и имена Бурмагиных — Николая (1932–1974) и его супруги Генриетты Трапезниковой (1939–1984).

* * *

В 1954 году молодого выпускника Ленинградского института им. Репина Семена Георгиевича Ивенского назначают директором только что образованной Вологодской областной картинной галереи (ВОКГ). Спустя несколько лет он организует выставки экслибрисов: рижанина А. Юпатова, киевского гравера К. Козловского, вологодского графика Н. Дмитриевского, москвичей А. Калашникова, Г. Кравцова, М. Чураковой. К выставкам выходят малотиражные каталоги отменного качества. Сегодня эти издания сами стали предметами собирательства (в моем собрании, например, порядка 40 каталогов и сборников ВОКГ, иллюстрированных гравюрами, отпечатанными с авторских досок). Благодаря С. Ивенскому в Вологде начинается бурное развитие

графики, в особенности экслибриса. «Птенцы» Ивенского В. Сергеев, Л. Щетнев, Э. Фролов, А. Наговицын, В. Едемский получают всесоюзное и международное признание, а само явление получает определение «вологодская графика».

Перейдем к героям этих заметок — супругам Бурмагиным. Жизнь соединила их во время учебы в Ярославском художественном училище. Приехав затем в Вологду и имея дипломы преподавателей рисования в школе, художники вели там уроки. Однако они чувствовали, что созданы для чего-то большего, чем просто обучение «хулиганистых» (как говорил сам Н. Бурмагин) учеников основам изобразительного искусства. Они делали все возможное, чтобы изменить свою жизнь. Генриетта и Николай чувствовали, что прозябают в ежедневной рутине.

Спустя несколько месяцев фортуна все-таки улыбнулась им. Это случилось зимой 1965 года. Вот как описывает С. Ивенский в своей книге «Записки созерцателя» (Ярославль, 2004) первую встречу с не известными тогда никому художниками. «Они пришли, чтобы купить открыток» (с репродукциями картин русских живописцев конца XIX века. — *Прим. А.Р.*). Супруги взяли целую стопку изображений и заплатили за них. «Чета уже собиралась уходить, как вдруг взгляд Николая упал на экслибрис Марангони², который случайно оказался на моем рабочем столе: «Это что?» — его глаз, по-цыгански быстрый, цепкий, черный, впился в ксилографию: «Ведь, гляди-ка, Гета, и я, пожалуй, так смогу! Нет ли у вас инструмента, не покажете ли? <...> С тех пор оба стали заходить ко мне, время от времени принося первые пробы в гравюре на дереве».

² Транквило Марангони (1912–1992) — крупнейший итальянский художник XX века. Автор многочисленных фресок, мозаик, витражей, архитектурных украшений, линогравюр, ксилографий; экспериментировал также со стеклом и пластмассой.

*Шмуцтитул к поэме «Окнами на зарю»
из книги С.В. Викулова «Избранное»
(Вологда, 1967)*

С этого визита началось стремительное вхождение Бурмагиных в мир ксилографии. Постигать технологию резьбы Николаю помогал на первых порах Гершон Кравцов, приехавший в Вологду на открытие своей персональной выставки. Он проводил много времени с творческой четой, давал необходимые советы, рассказывал об особенностях гравюрного дела. Спустя всего два года издается первый альбом гравюр на дереве Бурмагиных³.

Перед нами — случай беспрецедентно быстрого успеха. Пользуясь спортивной терминологией, это был рекордный прыжок с места без разбега. Объяснение такому феномену может быть только одно: выдающиеся способности молодых

художников. Дремавшее до времени в их душах страстное влечение к древнерусскому и народному прикладному искусству вкупе с огромным природным талантом нашли выход в новой, не знакомой им технике. Технике, ставшей для них любовью с первого взгляда.

Становится понятно, что в училище (там прошли пять лет их жизни), где, конечно, преподавали историю искусств (всеобщую и русскую), живопись и рисунок, ничего не рассказывали о гравюре. Нам не известны имена преподавателей, не сохранились воспоминания сокурсников, а также ученические рисунки, курсовые и дипломные работы супругов. Допускаю и надеюсь, что в архиве училища можно разыскать материалы, связанные со ставшими впоследствии знаменитыми выпускниками. Без них невозможно представить в полной мере творческий путь художников. Вполне вероятно, здесь одна из причин того, что мы до сих пор не имеем монографии о жизни и творчестве Бурмагиных.

Истоки творчества Бурмагиных — в русском народном искусстве, архитектуре, фольклоре. Они работали вместе, от начала и до конца. Генриетта поставляла мужу рисунки для композиций. У художницы была необычайно развита способность к графическим фантазиям, волшебным по характеру. Она часами могла любоваться на узоры вологодского кружева, изучать их, а затем переносить их на свои эскизы. Ее волевой и энергичный супруг оттачивал навык в технике резьбы и вспоминал о топорике, ведь до училища он одно время работал столяром в мастерских Вологодского судоремонтного завода. Он гравировал легко и лихо, иногда сетуя на то, что кружево композиций жены

³ Г.Н. и Н.В. Бурмагины. Шестнадцать гравюр на дереве : [Альбом] / вступ. статья С.Г. Ивенского. Л.: Художник РСФСР, 1967.

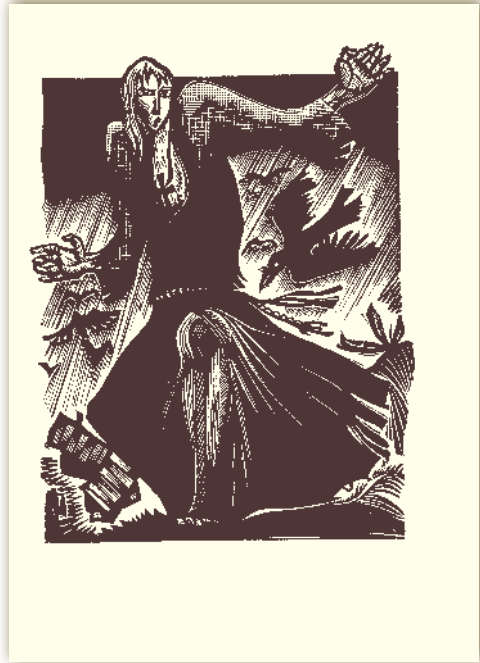
*Иллюстрация к стихотворению «До конца»
из книги Н.М. Рубцова «Избранная лирика» (Вологда, 1974)*

Шмуцтитул к разделу «Сильнее бурь, сильнее всякой воли»
из книги Н.М. Рубцова «Избранная лирика» (Вологда, 1974)

*Умление. Иллюстрация к книге
В.В. Демет'ева «Дионисий»
(Вологда, 1970)*

*Юродивый. Иллюстрация к книге
В.В. Демет'ева «Дионисий»
(Вологда, 1970)*

вызывают у него затруднения в переводе в гравюры. Он прекрасно чувствовал материал, быстро овладел всеми тайнами гравирования. Становлению неповторимого стиля художника способствовали иконы, фрески, прялки, которые он собирал по селам и хранил у себя в больших старых сундуках. Каждый из супругов привносил в гравюры что-то свое, необычное и родное.

Вот что пишет И. Романова, автор обстоятельной вступительной статьи к лучшему альбому художников. «В творчестве Бурмагиных нашли свое развитие разнообразные традиции русской ксилографии <...> Принципы В. Фаворского воспитали в них чуткость к вопросам объема и пространства <...> Легко можно обнару-

жить и увлеченность виртуозной манерой А. Кравченко. Несомненно, на них оказал влияние <...> Т. Марантони. Но, испытывая на себе чье-либо влияние, впитывая в себя чей-то творческий опыт, они никогда никому не подражали. <...> Творчество Бурмагиных — это сложный сплав, в котором основной составной частью являются личности самих художников»⁴.

Знание литературы и любовь к ней, любовь к книге, понимание ее организма, страсть к собиранию книг проявились в книжной графике художников. С. Ивенский вспоминает, что «к работе над книгой они приступили вскоре после знакомства с М. Чураковой, посетившей в 1966 году Вологду в связи с ее выставкой». Напомним, что эта худож-

⁴ Генриетта и Николай Бурмагины. Гравюры на дереве : Альбом / вступ. статья И. Романовой. Л.: Художник РСФСР, 1978. Тираж 500 нумерованных экземпляров.

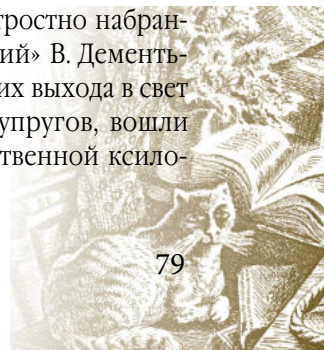

*Черная кость. Разворот книги
Л.Н. Сейфуллиной «Мужицкий сказ о Ленине»
(Челябинск, 1973)*

ница, как и упомянутый выше Г. Кравцов, были учениками В. Фаворского. В общей сложности Бурмагинными оформлено более 40 книг, выпущенных в основном региональными издательствами. Книги, иллюстрированные супругами, выходили в Вологде, Челябинске, Архангельске, Ижевске, Москве. В этих заметках я расскажу о любимых. Замечу, что собирательство книг, выпущенных периферийными издательствами, — не самое простое занятие.

Наиболее крупным циклом в книжной графике супругов стало оформление поэтических сборников «Библиотеки северной поэзии». Над ними художники работали с 1969 по 1974 год, всего было издано восемь книг. Вот имена изданных в этой серии поэтов: А. Романов, О. Фокина, А. Левушкин, А. Яшин, В. Коротяев, Д. Ушаков, В. Мусиков, Н. Рубцов.

Сложилась определенная система иллюстрирования. Она включала гравюры на суперобложке, титульном листе, шмуцтителы, заставки и концовки. Любопытно (и по-библиофильски обидно), что только небольшая часть тиража каждой книги серии одета в эффектную гравированную суперобложку. Безусловно, самым значимым по художественному оформлению стал сборник Н. Рубцова, вышедший в 1974 году. Гравюры к стихотворениям «До конца», «Сильнее бурь, сильнее всякой воли» тиражировались потом бесчисленное количество раз. А иллюстрации, размещенные в маленькой, невзрачной, бесхитрошно набранной книжечке «Дионисий» В. Дементьева, стали вскоре после их выхода в свет визитной карточкой супругов, вошли в золотой фонд отечественной ксилографии.

шсно не меньше трети домов. Разбиты школы. У города нет средств отремонтировать их. В нем не оживила торговля. Торгует случайным товаром одна кооперативная лавка. От многих башкирских зимовок одно пепелище. Грозная

52

*Грозная ступня войны. Разворот книги
Л.Н. Сейфуллиной «Мужицкий сказ о Ленине»
(Челябинск, 1973)*

В статье «Творческий путь Бурмагиных», предваряющей генеральный каталог их произведений, искусствовед и директор ВОКГ В. Воропанов отмечает, что «лучшими книгами Бурмагиных стали те, которые в издательствах задумывались и осуществлялись как художественные, подарочные, печатались с авторских досок ограниченным тиражом». Уместно предположить, что мысль о печати такого рода книг могла возникнуть у художников после того, как они увидели малотиражные каталоги выставок ВОКГ, о которых было сказано выше.

В начале 1970-х годов Бурмагины по заказу Южно-Уральского книжного издательства приступили к оформлению произведений известных местных литераторов. В Челябинске вышли две книги Л. Сейфуллиной. Гравюры для них отпечатаны с авторских досок, хотя это и не

указано в выходных данных. Иллюстрации и оформление «Мужицкого сказа о Ленине» (1973) стали вершиной книжной графики художников. Ансамбль книги продуман до мелочей. Под суперобложкой — нежный, картонажный переплет. Фантастически красивые гравюры в два цвета. Полагаю, в не составленном пока никем списке красивейших советских книг второй половины XX века «Сказ» стоял бы в первых рядах. В следующем, 1974 году там же была выпущена «Виринея». И снова — совершенные гравюры. Впервые использованы страничные развороты, опять, как и в «Сказе», можно отметить абсолютную цельность всего иллюстративного цикла. Отметим, что в этих иллюстрациях чувствуется влияние стиля выдающегося графика Н.Н. Купреянова. Работа над «Виринеей» оказалась последней в совместном творчестве двух

*Виринея в избе. Иллюстрация к книге
Л.Н. Сейфуллиной «Виринея» (Челябинск, 1974)*

*Встреча с Палом на речке. Иллюстрация к книге
Л.Н. Сейфуллиной «Виринея» (Челябинск, 1974)*

*Монастырское окно. Иллюстрация к книге
Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови»
(Челябинск, 1981)*

*В церкви. Иллюстрация к книге
Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови»
(Челябинск, 1981)*

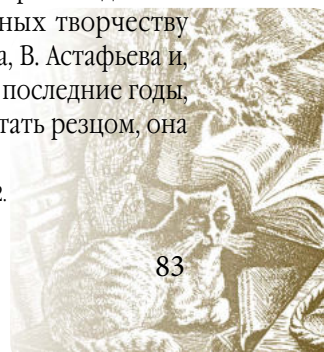
художников: вскоре Николай погиб в автомобильной катастрофе.

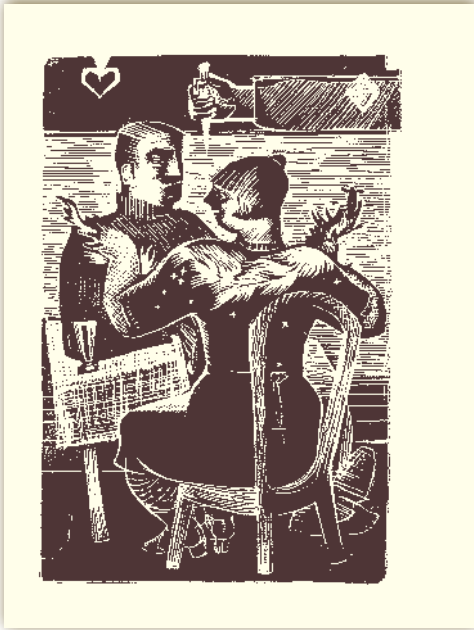
После долгой, вполне объяснимой паузы в Челябинске вышли еще две книги уральских писателей в оформлении и с рисунками уже одной Генриетты Бурмагиной: «Семейная хроника» С. Аксакова (1978) и «Охонины брови» Д. Мамина-Сибиряка (1981). Все книжки, вышедшие на Южном Урале, одинакового, близкого к миниатюрному формату (13 см), имеют тираж 5 000 экземпляров. Заметим, что художественным редактором всех четырех вышедших в Челябинске книг выступал Я. Мельник. Очевидно, с ним художники обсуждали детали готовившихся к набору книг. Формат, поля, бумага, шрифт, переплеты, расположение иллюстраций — сфера обязанностей худреда. Информацию об этом человеке

удалось найти в заметках К. Бурова⁵, бывшего главного художника издательства «Художественная литература».

Главный хранитель ВОКГ Любовь Соснина отмечает: «В творческом союзе Бурмагиных Генриетта Николаевна была сердцем и чувствами, Николай Васильевич — волей и направляющей энергией. После трагической смерти любимого человека ей пришлось многое начинать сначала. Много, но не все, ведь осталось и образное видение, и то мировосприятие, что утвердилось в их совместной работе, что помогло идти дальше. Народные традиции, как основа творческого языка, воплотились в произведениях Бурмагиной, посвященных творчеству Б. Шергина и С. Писахова, В. Астафьева и, наконец, А. Блока. <...> В последние годы, когда тяжело стало работать резцом, она

⁵ Буков К. Труды и дни Ярослава Мельника : Творческий портрет // В мире книг. 1980. № 12.

*«Помнишь, Катя, офицера...»
Иллюстрация к книге А.А. Блока «Двенадцать»
(Ижевск, 1983)*

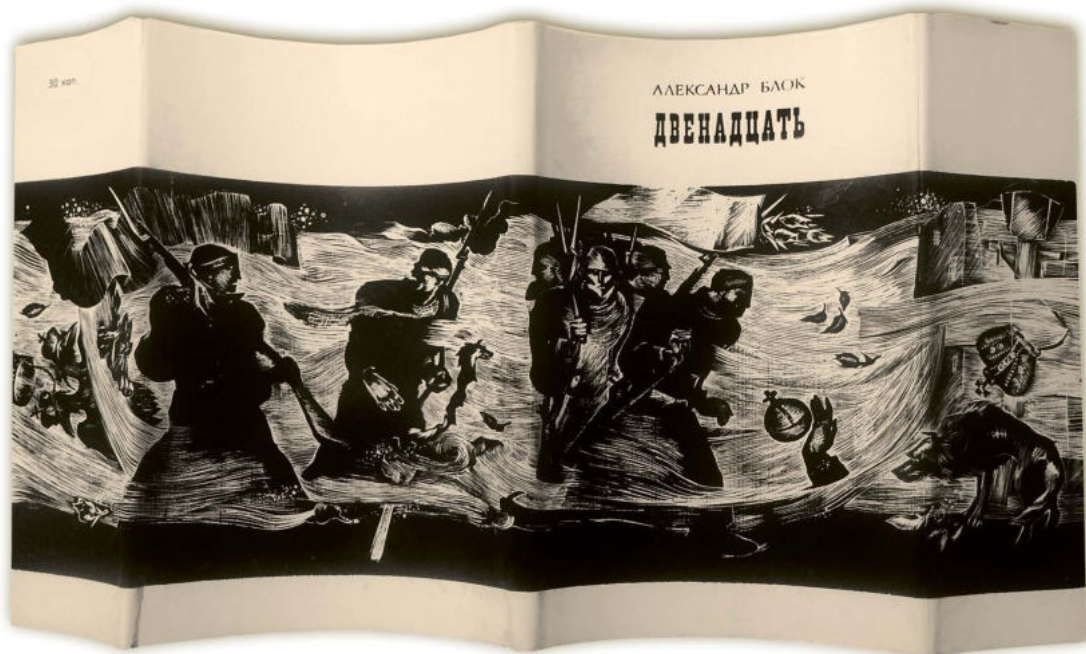
*«Затирайте этажи...»
Иллюстрация к книге А.А. Блока «Двенадцать»
(Ижевск, 1983)*

писала гуашью и акварелью. Книжная графика Бурмагиной приобрела новые черты: рисунки стали мягче, женственнее, романтичнее⁶. Генриетта Бурмагина последнего десятилетия ее жизни — это совсем другой художник. В полной мере проявился ее внутренний мир. Фантазия, реальность, мудрость, тайна — вот основные составляющие ее творчества.

Почти два десятка книг оформила и проиллюстрировала художница после смерти мужа. Представляется, что лучшей работой Генриетты Бурмагиной в книге стали «Двенадцать» А. Блока, вышедшие в Ижевске в издательстве «Удмуртия». Гравюры художницы уже не отличаются четкостью резца; экспрессия блоковских строчек передается линиями и пятнами, усилением

контрастности белого и черного. Здесь также ощущается стилистика творившего в годы революции Н.Н. Купреянова. Иллюстрации и макет безупречны. Книжка небольшого формата вышла из печати в начале 1982 года огромным тиражом — 50 000 экземпляров, была заключена в обложку и стоила всего 5 копеек; часть тиража была издана в переплете с суперобложкой и имела номинал 20 копеек. Но это еще не все. Через полтора года издательство заново набирает текст, изменяет макет, увеличивает число страниц и выпускает поэму Блока в гравюрах, отпечатанных с авторских досок. Издание вышло тиражом 1 500 экземпляров, из коих 500 (нумерованных) в суперобложке. Цвет переплета нумерованных экзем-

⁶ Соснина Л.Г. Художники Харовской земли. (XX век) // Харовск : Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 295–303.

Суперобложка книги А.А. Блока «Двенадцать» (Ижевск, 1983)

пляров ослепительно-белый, остальных — багровый. Номинал обоих вариантов книг — 30 копеек. Несколько слов о суперобложке к поэме Блока, изданной, как уже указывалось, в количестве 500 экземпляров. Она представляет собой расширенный вариант (добавлены рисунки на клапанах) обложки издания 1982 года. Ксилография имеет размер 11,5×33,5 см и является настоящим произведением книжного искусства. Интересный факт: в упомянутом выше генеральном каталоге издание 1982 года не отмечено.

Постоянные депрессии, чувство одиночества не давали вдове насладиться жизнью. После кончины мужа художница медленно таяла от рака. Она пережила возлюбленного всего лишь на десять лет.

Л. Соснина пишет: «В памяти так и останется изящная фигура этой женщины, навсегда соединенной со своей землей — с вологодскими храмами, с изгибом реки Вологды, с птицами, летящими над ее головой, такой, как изобразила ее на своей картине Д. Тутунджан⁷».

Отечественная ксилография прошла за 100 лет своего развития большой и интересный путь. Имена ее ведущих мастеров пользуются любовью и уважением ценителей графики. Иллюстрированные ими книги стали предметом собирательства библиофилов. Сказанное здесь в полной мере относится и к замечательным художникам Генриетте и Николаю Бурмагиным, вышедшим благодаря своему таланту на всесоюзную арену. [ПК]

⁷ Тутунджан Д.Т. (1931–2011) — художница-график, народный художник РФ.

Человек и книга . Опыт понимания¹

Ю.А. Белецкий

Nullus est liber tam malus, ut non aliqua parte prosit.

Plinius

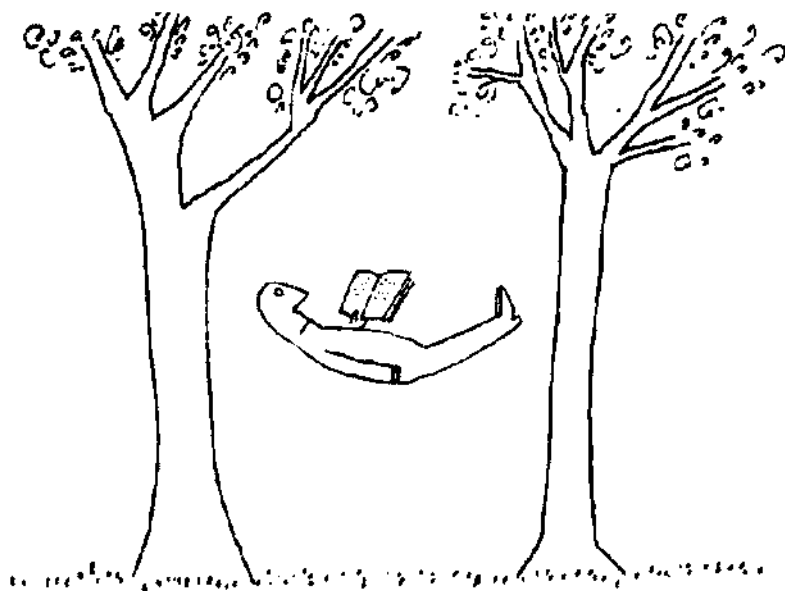
Нет такой книги, которая была бы совершенно бесполезной.

Плиний Старший

М леньк я пре мбул

Почти десятилетие идет обсуждение вопроса о будущем бумажной книги в связи с появлением ее электронной версии. В нем приняли участие сотни любителей и профессионалов книги и чтения, медики и психологи, писатели и художники, философы и социологи... Сейчас дискуссия затихла, но главный вопрос обсуждения остался открытым.

Со своей стороны автор полагал, что следует обсуждать будущее не отдельной вещи, пусть даже такой исключительной и важной, как книга, а человека и его будущее с книгой. Дискуссия о книге, как мне кажется, отражает не столкновение двух, по сути, утилитарных взглядов, а глобальный конфликт мировоззренческих подходов. По этой причине автором собраны заметки разных лет, которые отражают его личную точку зрения.

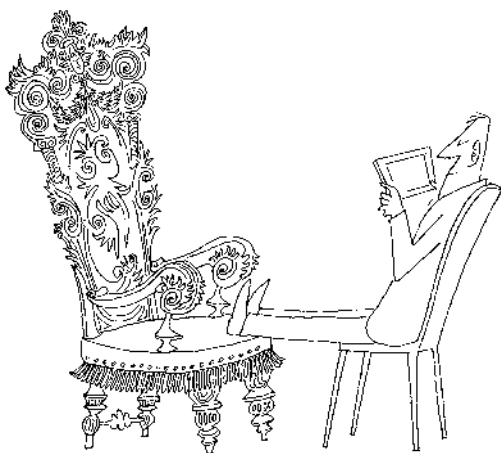

¹ В тексте использованы иллюстрации к книге Ю.А. Белецкого «Личность. История. Общество. Человек», выполненные художником Ириной Колбасенко по мотивам творчества Сола Стейнберга (Saul Steinberg), и иллюстрации Эрика Десмазьера (Érik Desmazière) в проекте «Вавилонская библиотека».

Роль и функция книги: Время и память

История умалчивает о времени и тем более, об авторах многих исключительно важных открытий, сделанных при зарождении цивилизации. Открытий, которые дали начало бесчисленному числу новых событий и явлений. Например, такое значение имело изобретение колеса для технического развития или изобретение денег для экономики. К таким ключевым открытиям, безусловно, следует отнести создание письменности и ее материализацию в книге. Как колесо мы видим в бесконечном количестве технических средств, как деньги выступают во множестве форм в неисчислимом множестве человеческих отношений, так и книга в многочисленных видах и форматах служит обществу, выполняя многомерную и уникальную функцию. В широком смысле именно в книге уже тысячи лет цивилизация хранит память и опыт прошлого и именно в ней черпает новые идеи и знания для будущего.

Рассуждение о значении и роли книги уместно начать с высказываний английского писателя Эдуарда Булвер-Литтона: «Прошедшего не существует,

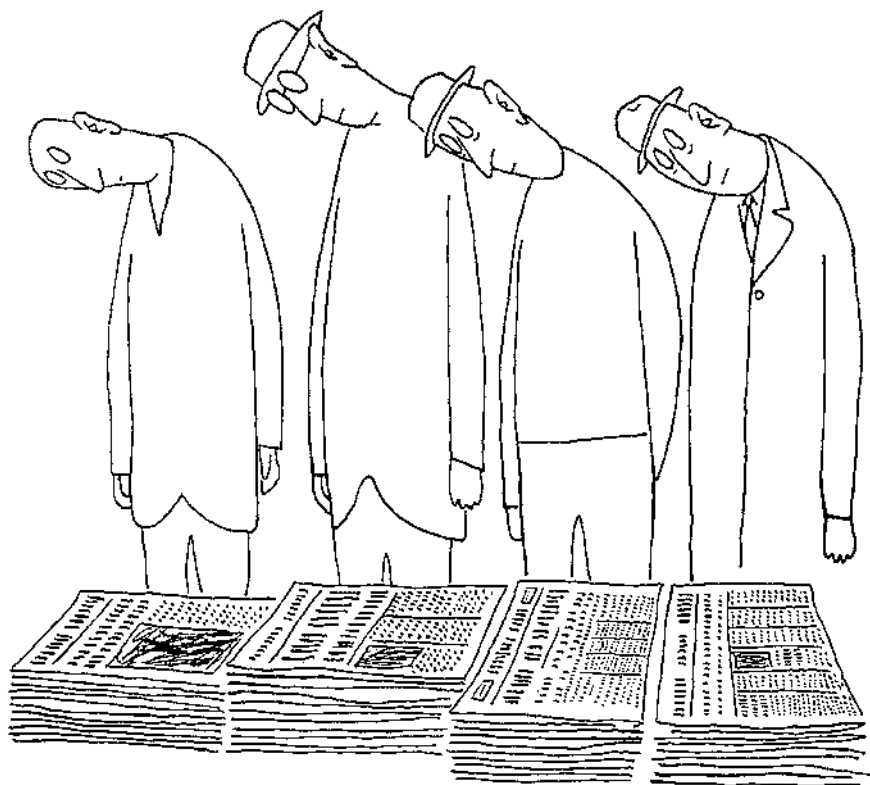

пока будут существовать книги» и далее: «Книги расширяют настоящее, прибавляя к нему прошлое и будущее». Почему связь книги со временем очень важна для понимания ее роли? Время, которое, строго говоря, априори не связано с любой конкретной вещью или предметом, для книги, существующей в неразрывной связи с человеком, делает исключение. Причина, вероятно, в том, что книга есть результат созидательной, ментальной деятельности как отдельной человеческой личности, так и социальной жизни всего общества, которые существуют в глубокой внутренней связи со временем. В каждой современной книге, кроме связи с текущим моментом, сохраняется ее родовое единство с папирусом, пергаментом или березовой летописью, и вероятно, поэтому книга всегда была «памятью» для человека и общества.

Отметим, что, помимо прочего, история книги — это хорошо документированная часть общей истории развития человеческого общества. А судьбы книг нередко повторяли судьбы государств и народов. Книга всегда была приближена к элите общества, была носителем идеологии, культуры, истории... Книга передавалась по наследству, была ритуальным атрибутом власти и молчаливой жертвой при ее смене. Именно ее, никак не защищенную и физически неповторимую, запрещали, уничтожали, сжигали и именно ее сделали посланником потомкам, которому доверили передать знания, опыт, культуру и даже то, что считали высшей мудростью. Образно говоря, книга, созданная из недолговечной бумаги, оказалась самым подходящим хранилищем для вечных истин.

С каждым новым столетием книга занимает все более важное место в жизни человека и общества, все обширнее ее связи с местом и моментом времени

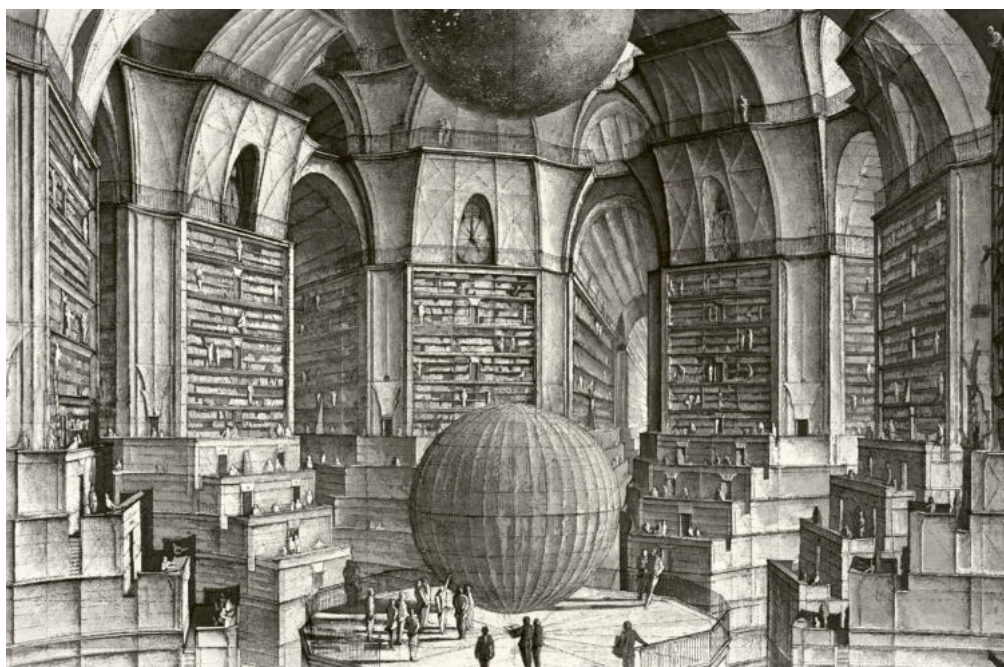

каждого «четырёхмерного» события, и талантливая рука по-прежнему легко запечатлевает их одномерными строчками на двумерных листочках. И тот, кто умеет читать, не только расшифрует событие, но увидит даже намного больше, если, конечно, его научили думать. И тут уже не обязательны компьютерная анимация, пространственное моделирование, звук и цвет картинок. Только талант творения и дар понимания.

И чем большее место книга занимает в жизни человека, тем острее чувствуется, что это понимание и взаимное проникновение — самая необходимая связь в цепочке «человек — книга», и она формирует нравственный и смысловой контекст, лежащий в основе уважительного, заботливого, а иногда почти сакрального отношения к книге.

Ценность и будущее книги

Книга — дочь письменности, и хотя мы никогда не узнаем, какими были первые знаки и на каком материале они были запечатлены, но этот шаг был решающим на пути цивилизации. Из опыта известно, что хорошая книга всегда гармонично соединяла в себе форму и содержание, хотя эта взаимосвязь природной и социальной реальности не продлевалась ее физическую жизнь. Как правило, книга востребована человеком и имеет уникальную ценность только в исторически короткий период, и в первую очередь срок ее жизни определяется ее социальной сущностью. Безусловно, испытывая постоянное давление новых факторов развития технологий, изменялся и «природный срок» жизни книги. Эти изменения

экономических и технологических составляющих ее производства, включая и изменение ее социальных и эстетических функций, продолжают и сейчас. Но впервые сравнение различных путей развития книги перешло в плоскость человеческого мироощущения. История книги не является копией истории технологии ее материального воплощения, но так уж случается, что в спорах иногда путают пожар и пожарную команду. Такая путаница перенеслась и в наше время и внесла свой вклад в активно обсуждаемый вопрос о будущем бумажной книги. Вопрос при этом ставят по-гамлетовски просто: «Переживет ли бумажная книга появление книги с электронным экраном?» И далее обсуждение идет по прямой. Стороны дискуссии (назовем их как «бумажники» и «экранныки») сравнивают эти две формы «современной книги», подробно обсуждая функциональные преимущества и недостатки каждой, и делают заключения об их будущем.

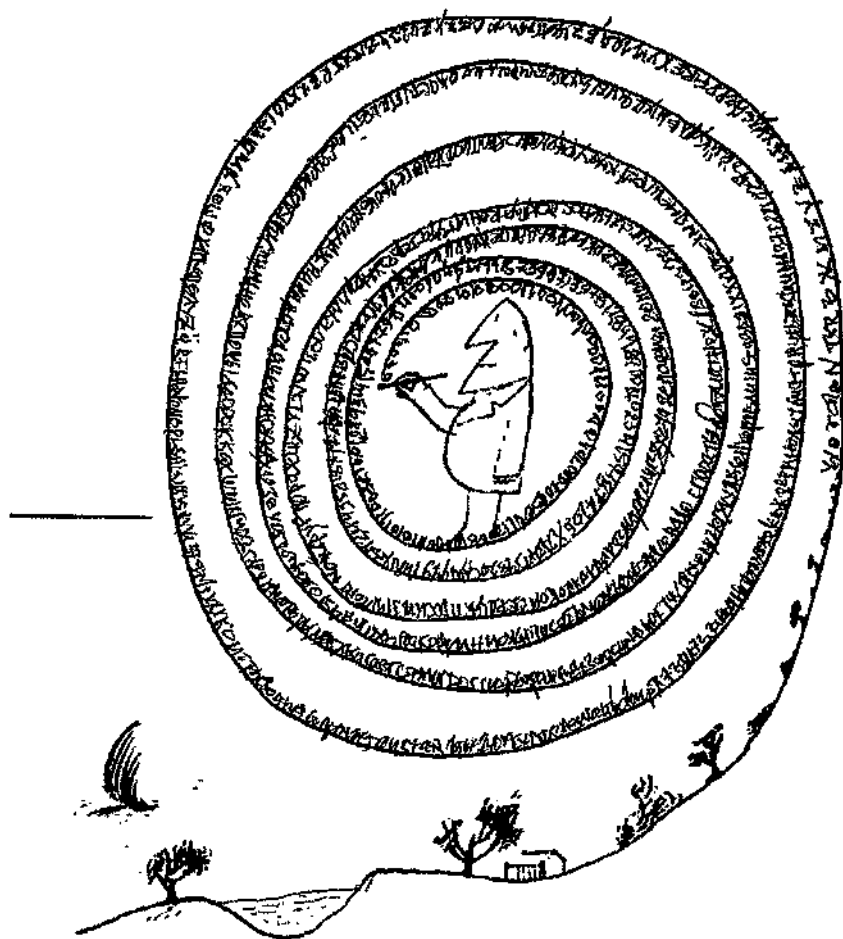
Обычно «экранныки» используют утилитарные недостатки бумажных книг (занимает много места, стоит дороже, портится быстро, «рубит» деревья), «бумажники» же делают акцент на физиологических или психосоматических проблемах использования электроники (портит зрение, плохо усваивается логика). За время обсуждения уже высказано множество аргументов и описаний преимуществ и недостатков каждого вида книг, но, пожалуй, ни один из факторов не является критическим для будущего ответа. Не помогают и результаты социологических исследований, которые так же не дают основания для категорического отрицания бумажных или электронных книг. По своей логике такая дискуссия часто подобна спору, что тяжелее: зеленое или круглое. Мне кажется, что тут нужен критерий, центральная сущность, которая потенциально объединяет и разделяет эти две стороны.

Полагаю, что этим критерием может быть такое понятие, как ценность. Здесь «ценность книги» не следует толковать вульгарно и сводить к связи с рыночной ценой. Прежде всего заметим, что ценность — понятие исключительно антропогенное — возникает и существует только там, где (в декартовском смысле) существует человек. Эта ценность книги создается человеком или, точнее, человеческим обществом и существует исключительно для человека.

Да, книга возникла, изменялась, изменится и будет изменяться физически, от папируса к чипу за ухом или под глазом... Будет меняться и ее материальная

основа, и, конечно, цена этой основы. Но теперь, если использовать это понятие как критерий для обсуждения будущего книги, то антропогенная его суть изменяет предмет спора. Теперь вопрос не в том, какая версия книги будет доминировать, а в том, какой читатель будет доминировать, не ведет ли цифровизация человека к его разложению на простые множители. Или, на языке этой статьи, каким будет человек этого будущего, на кого он будет похож больше — на «бумажника» или на «экранщика».

Если здесь попытаться коротко описать их, то первый, «бумажник», — человек несколько консервативный

и сентиментальный в определении своих ценностей и привычек. Он черпает из книги не только то, «что есть сверху», но также из контекста ее истории, из ее облика, помет и следов других читателей извлекает дополнительную пользу для всей системы своего мышления. Книги, несмотря на многотысячный тираж, для него всегда несут черты индивидуальности и неповторимости.

Второй, «экраннык», — человек более рациональный при выборе жизненного пути и глобальный по пониманию своего места во Вселенной. Он потребитель необходимой и конкретной информации, чувства, которые могут возникать у него при чтении текста, не корреспондируются с носителем, и он не видит связи между конкретным воплощением книги (естественно, ведь связи нет) и ее содержанием. Ценность книги для «экранныков» радикально отличается от мнения «бумажников», и поэтому и главный вопрос должен звучать иначе. Например,

вымрут ли «бумажные» люди в будущем? И если вы относите себя к этой общности, тогда не мешкая думайте и действуйте, что и как надо изменить в обществе, в образовании, воспитании, культуре... везде, где формируется человек.

Тут автор хотел бы добавить некое предположение, правда, обоснованное скорее только интуитивно.

Внедрение универсального и удобного устройства вместо книги вполне отвечает идеям прогресса, дает заметные экономические выгоды и т.п. Однако «устаревшее» чтение книг — мощный фактор воспитания человека, причем навыки и привычки чтения, лексика и облик книг играют большую роль в развитии читателя. Со многими книгами читатель устанавливает уникальный контакт и формирует ее «ценность» для себя лично. С электронным устройством вряд ли подобное получится. И здравый смысл намекает или какой-то общий закон указывает, что, приобретая новое, мы всегда что-то равноценное безвозвратно теряем. Человеку стоит задуматься о масштабе потерь в долгосрочной перспективе? Или уже нужен совет «искусственного интеллекта»?

Для примера предположим, что через некоторое время прогресс позволит рожать детей вне материнского тела и еще несколько лет выращивать ребенка без ее прямого участия. Очевидно, что такое достижение заметно облегчит женскую судьбу, в рискованных случаях сохранит жизни, даст женщинам дополнительные возможности реализовать себя и т.п. И все эти успехи с очевидным экономическим результатом. За исключением того, что «старомодные» и «модерновые» дети будут очень разными. Думаю, что такое развитие прогрессивной идеи будет иметь тяжелые и необратимые последствия. Может, и сейчас не надо

представлять электронные устройства как книги?

Книг в кубе ее любителей

Бумажная книга как ценность в повседневной личной жизни многих людей появилась сравнительно недавно (увы, и уже начинает уходить). В этом множестве владельцев книг обязательно возникает круг любителей, которые увлечены книгой как уникальным и неповторимым фактором их личной жизни. Число их определить непросто, и критерии отбора зависят от многих деталей. Прежде всего в этот круг попадают люди, которые читают книги. Читают или много, или очень много. И еще: они любят читать. Хотя круг их профессиональных интересов часто совсем не совпадает с их любительским увлечением. И еще небольшой нюанс. Это увлечение довольно дорогое и затратное во всех смыслах (денег, времени, знаний и души!)

Что же это за чувство (смысл, цель), выделяющее группу людей, которым это увлечение очень важно для полноценной жизни? В чем источник библиофильской страсти? Ответ, который крутится на языке, не совсем очевиден, но если оставить в стороне флер иллюзии «нас возвышающего обмана», то прозвучит он несколько цинично. Но произнесем же наконец это слово — собственность! Да, неизбежно приходишь к выводу, что все эти достойные люди отличаются неутолимой жадной владеть. Владеть книгой — этой исключительной и неповторимой ценностью.

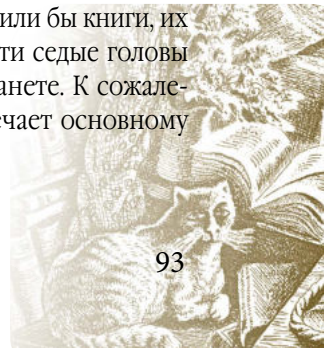
И хотя библиофильство — процесс, который порой занимает всю жизнь, и многие редкости не раз меняют владельцев, уступая свое место новым, более

достойным или более настойчивым, или... но каждый из библиофилов в меру своих изменяющихся возможностей и вкусов ведет постоянное накопление и селекцию своих сокровищ. При этом главное для каждого ценителя книг — хотя бы некоторое время владеть. Владеть, а значит, иметь возможность бесцеремонно заглядывать между страниц, ласкать корешок и пристально рассматривать титульный лист, памятные надписи, пометы на полях текста, неторопливо исследуя прошлое очередной фаворитки. Да, книга не капризна: пока она в твоём владении, ты волен свободно ею распоряжаться, тайно или публично удовлетворяя свою страсть. Да, вы правильно поняли мой намек — библиофил в своей страсти подобен неутомимому в своей страсти султану в отношениях с безмолвным гаремом. Кстати, в контексте дискуссии о месте книги в этом сравнении легко указать место и для электронной книги. Его тут просто нет.

Допускаю, что после этих абзацев знакомые библиофилы, а в принципе вообще все коллекционеры несколько напрягутся. Их ощущение книги, погруженность в ее время, отношение к ее судьбе уже давно стали поклонением даже не вещи, пусть очень нужной, а скорее предмету культа, символическому предмету, знаку тайного союза посвященных. Или, как по этому поводу выразился Андрей Белый, «книга — распятый ради нас в косный хаос материи светлый Архангел»². Мне кажется, что строчка очень точно передает связь временности человеческой жизни и вечного значения книги.

Но как бы глубоко и самоотверженно поклонники книг ни любили бы книги, их скромные по численности седые головы не делают погоду на планете. К сожалению, их страсть не отвечает основному

² Андрей Белый. На перевале III. Кризис культуры. Пб.: Алконост, 1920. С. 70.

потоку интересов современного человека. Век новый изменил многое, в том числе и отношение к личному миру человека. Предметов, которые с успехом заполняют личный мир, стало много, общество людей не жалеет времени на развитие своего потребительского аппетита.

Небольшой исторический период последних 30–40 лет дает нам пример перемен в обществе, которые связаны с ролью книги и ее реальным местоположением в жизни человека. Пока оставим в стороне вопрос о нетленности книги и вспомним реальные книги, которые мы держали в руках еще тридцать лет назад. На языке сегодняшнего дня — книга была в своем роде уникальной социальной сетью. Ведь увидев человека со знакомой вам книгой в руках, например, в метро, на прогулке в парке, в очереди в магазине и т.п., вы уже осознавали с ним некую близость и могли без церемоний завести с ним разговор об этой книге или использовать ее как повод для общения... Да и сама книга уже презентовала человека: только внимательней посмотреть, какие книги он бережно хранит, — и будет ясно, кто он или даже кем он будет. А для некоторых книга в их жизни была чем-то даже более значимым, как у Эразма Роттердамского: «Моя родина там, где моя библиотека».

Теперь, за гранью перехода в XXI век, эта «книжная близость» к человеку утратила прежнюю глубину и смысл. Люди оказались значительно откровенней в социальных сетях, и их точную характеристику теперь гораздо легче найти на серверах Всемирной паутины. Причин для этих изменений много, но не в последнюю очередь следует назвать тщеславие и глупость. Хорошо известно, как даже в близком кругу тщеславие бес-

пощадно заменяет избранных на многих. И это одна из важных причин расставания с книгой-товарищем.

Всегда горько терять верных друзей, а бумажная книга — образец такого товарищества, она твердо хранит ваши симпатии и привязанности, деликатно оберегает вас от растворения в фальшивых сообществах, где все напоказ и, по существу, «все на продажу». Она всегда рядом как образец верности и достоинства. По моему мнению, именно бумажная книга создает уникальную основу человека и сохраняет его неповторимой личностью. В кубе.

В заключение «для большей ясности» опять приведу цитату из упомянутой книги Андрея Белого: «Книга есть существо; пересекая трехмерность, четвертое измерение книги и образует куб книги»³. Более ясно о таком предмете и не скажешь.

Но нашел ли автор удовлетворительный ответ на вопрос, зачем нужны книги и зачем мы десятилетиями храним этот «бумажный хлам», и почему эту тленную материю мы связываем со своей нетленной душой? Не знаю. Просто благодарю судьбу за то, что мои книги всегда были со мною... [ПК]

³ Там же. С. 69.

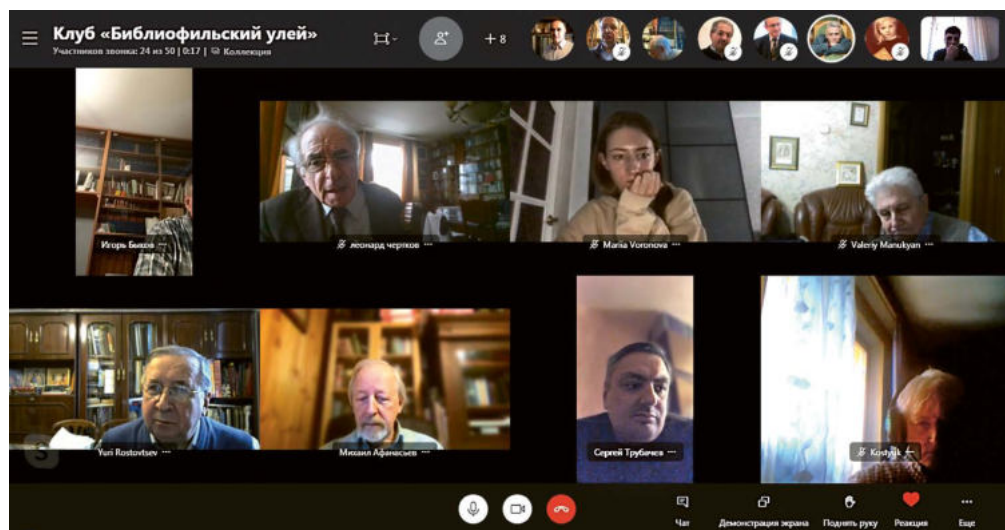
Хроник 3 сед ний клуб «Библиофильский улей»

На **декабрьском заседании** члены клуба «Библиофильский улей» по традиции поделились своими главными находками уходящего года. Книголюбыв провели встречу в уже привычном онлайн-формате.

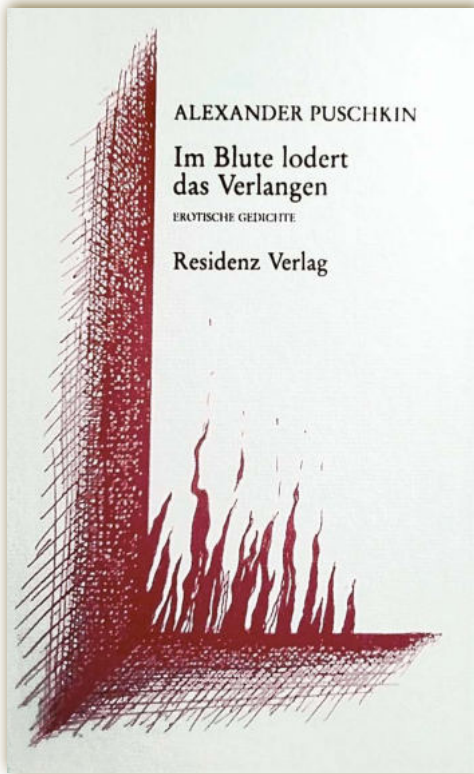
Первым слово взял рижанин Анатолий Тихонович Ракитянский. Он продемонстрировал свои недавние приобретения, среди которых был сборник А.И. Куприна «Елань» (Белград, 1929). В книге представлены рассказы, которые не вошли в 8-томное полное собрание сочинений писателя. Затем собиратель обратился к книге М. Зощенко «Дни нашей жизни» (Рига: Грамату Другс, 1929) и первому изданию сказок А.М. Ремизова «Посолонь» (1907) из библиотеки К.А. Шимкевича. Михаил

Вадимович Сеславинский от лица коллег поздравил библиофила с находками и отметил, что «Посолонь» — настоящая редкость и украшение собрания.

Вторым выступал Андрей Юрьевич Дорошин. Он поделился новостью об удивительной находке автографа А.С. Пушкина. Обнаружить его удалось старшему научному сотруднику Института русской литературы Российской академии наук Наталье Александровне Хохловой, которая уже несколько лет занимается разбором бумаг братьев Тургеневых в Пушкинском Доме. Инскрипт Пушкина был обнаружен в рукописи статьи А.И. Тургенева: поэт своей рукой внес правку и предложил несколько строк автору статьи. «Хорошо, что автограф Пушкина обнаружили в запасниках Пушкинского

Участники заседания клуба «Библиофильский улей» 19 декабря 2020 года

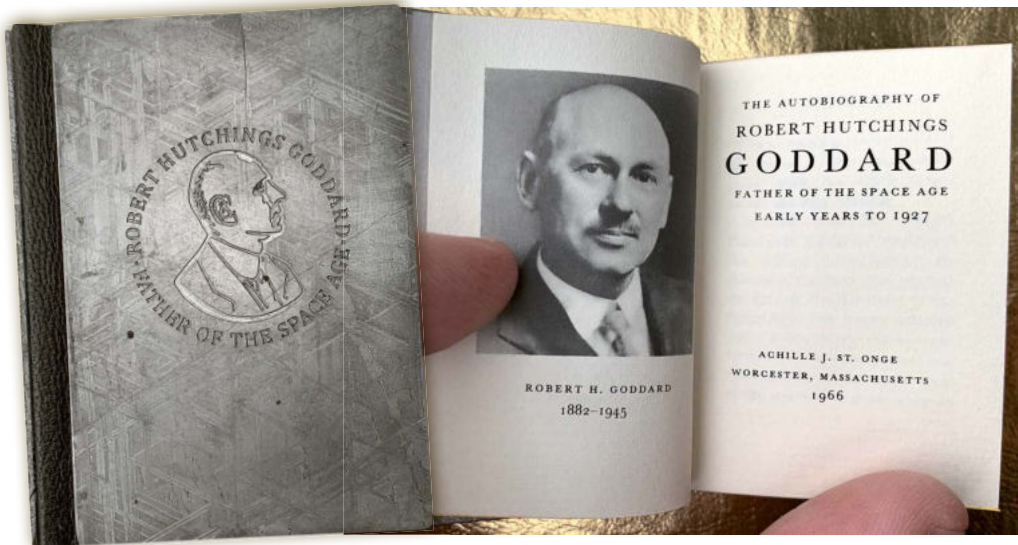

Обложка сборника стихов А.С. Пушкина «В крови горит огонь желаний» («Im Blute lodert das Verlangen») (Зальцбург — Вена, 1995)

Дома, — отметил Михаил Вадимович. — А то все уже испугались, что его нашли в антикварном магазине, купив за копейки какое-то издание или рукопись».

Затем Андрей Юрьевич продемонстрировал рассказы Адама Бельского (1911) с автографом: «Милому Василию Алексеичу Десницкому эти плоды незрелые на добрую память от автора, июнь 19-го года». Бельский — это псевдоним А.П. Пинкевича — организатора и первого ректора 3-го Петроградского педагогического института и Уральского государственного университета. Андрею Юрьевичу удалось также приобрести изданную Г.И. Мирошниченко (М., 1924) книгу С.Г. Кара-Мурзы «Малый театр. Очерки и впечатления, 1891–1924» с автографом, иллюстрациями Н. Тырсы и трогательной дарственной надписью цензору Д.И. Чевычелову.

Ярослав Николаевич Костюк представил сборник эротических стихов А.С. Пушкина «В крови горит огонь желаний» (Im Blute lodert das Verlangen) на немецком языке; миниатюрную книгу

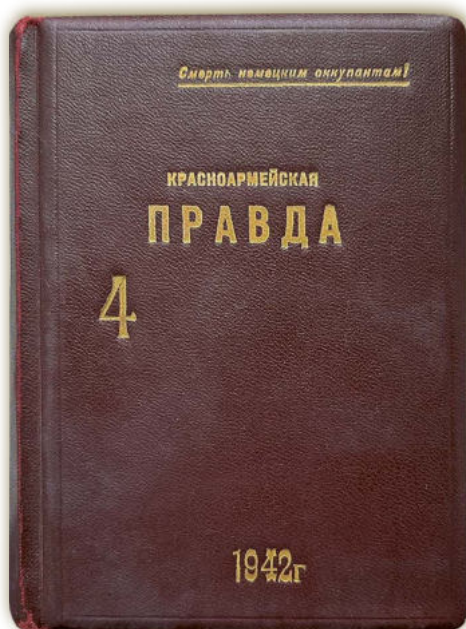

Переплет и титульный разворот книги Роберта Годдарда «Father of the space age» (Ворчестер, 1966)

Обложка первого издания поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин» (1942)

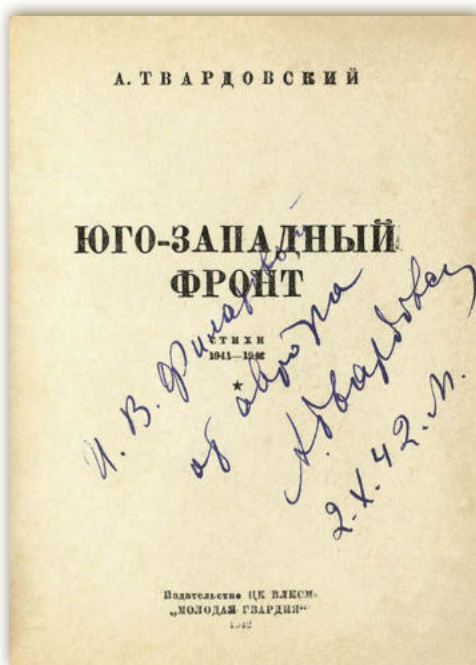

Переплет конволюта изданий газеты «Красноармейская правда» (1942)

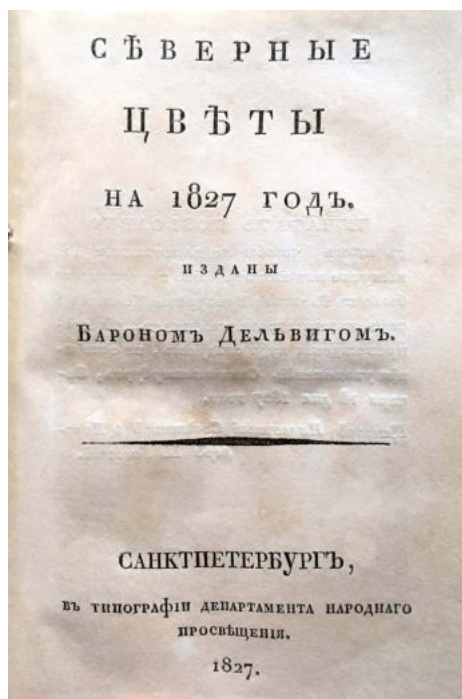
Роберта Годдарда «Father of the space age» в переплете, выполненном на заказ из метеорита швейцарским мастером; миниатюрное издание «Юрий Гагарин. История одного человека», которое побывало в космосе и вернулось с пометками о пребывании на МКС и автографами А.А. Иванишина и И.В. Вагнера.

Юрий Алексеевич Ростовцев похвастался первым изданием «Василия Теркина» А. Твардовского (изд. газеты «Красноармейская правда», 1942) и сборником его стихов «Юго-Западный фронт» (Молодая гвардия, 1942) с автографами автора. В 2020 году библиофил приобрел конволют «Красноармейской правды» (№ 4), выпущенный в 1942 году, где переплетены все маленькие книги, которые газета выпускала в военные годы.

Борис Абрамович Хайкин остановился на отдельном оттиске идиллии Н.И. Гнедича «Рыбаки» из книги «Север-

Титульный лист книги А.Т. Твардовского «Юго-Западный фронт» (М., 1942) с дарственной надписью автора И.В. Филатовой.

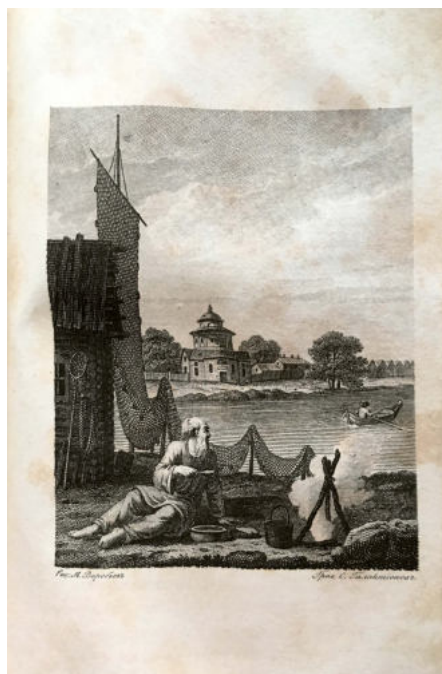
*Титульный лист
альманаха «Северные цветы» на 1827 год
(СПб., 1827)*

ные цветы» (СПб.: в Тип. Департамента народного просвещения, 1827). В книге есть примечание издателя: произведение Гнедича было напечатано в «Сыне Отечества» (1822. № 8), и автор «после того сделал значительные в нем перемены». Рисунок создал М.Н. Воробьев, а гравюру выполнил С.Ф. Галактионов. Борис Абрамович отметил, что Н.П. Смирнов-Сокольский писал об оттисках идилии, которые встречаются крайне редко.

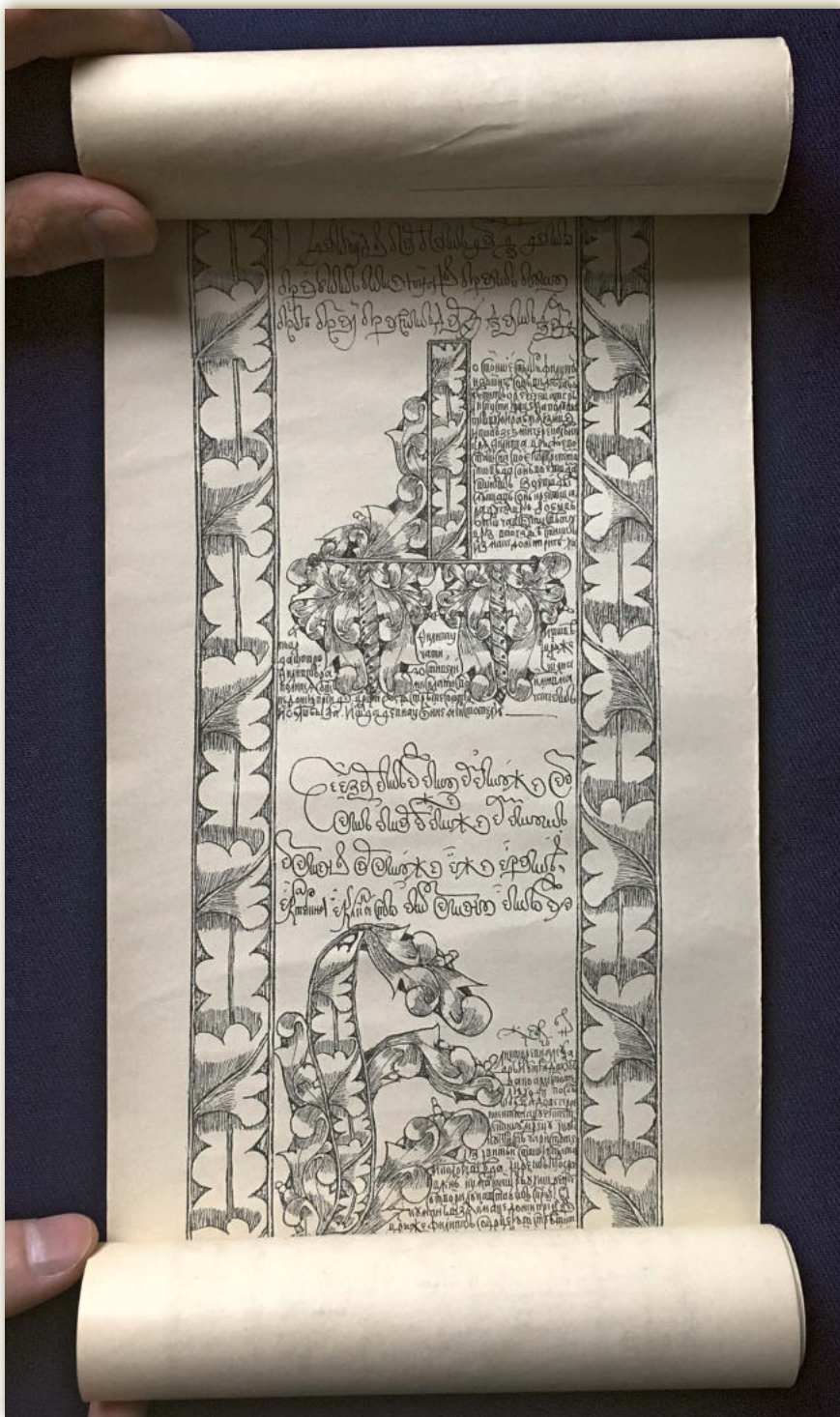
Затем о своих находках уходящего года рассказал Роман Андреевич Лизогубов. Сначала библиофил продемонстрировал коллегам первую книгу, приобретенную им в 2020 году, — старообрядческую Азбуку, напечатанную в 1909 году в типографии Луки Арефьевича Гребнева (1867–1932) в селе Старая Тушка Вятской губернии (ныне Кировская

область). Л.А. Гребнев свою первую типографию основал еще в конце XIX века в селе Дергачи Уржумского уезда Вятской губернии, затем в 1906–1908 годах работал в московской типографии Григория Климентьевича Горбунова (1836–1920). В 1909-м Гребнев основал новую типографию в Старой Тушке, первым изданием которой и была показанная Азбука. Полностью комплектный экземпляр Роман Андреевич смог приобрести в городе Балаково Саратовской области.

Еще в этом году библиофил приобрел свиток «Азбука конца XVII века» и брошюру «Азбука-пропись времен Царя Михаила Федоровича», благодаря чему удалось собрать полный комплект азбук-свитков, изданных Московским археологическим институтом в 1908–1911 годах. Это три свитка в футлярах: «Азбука

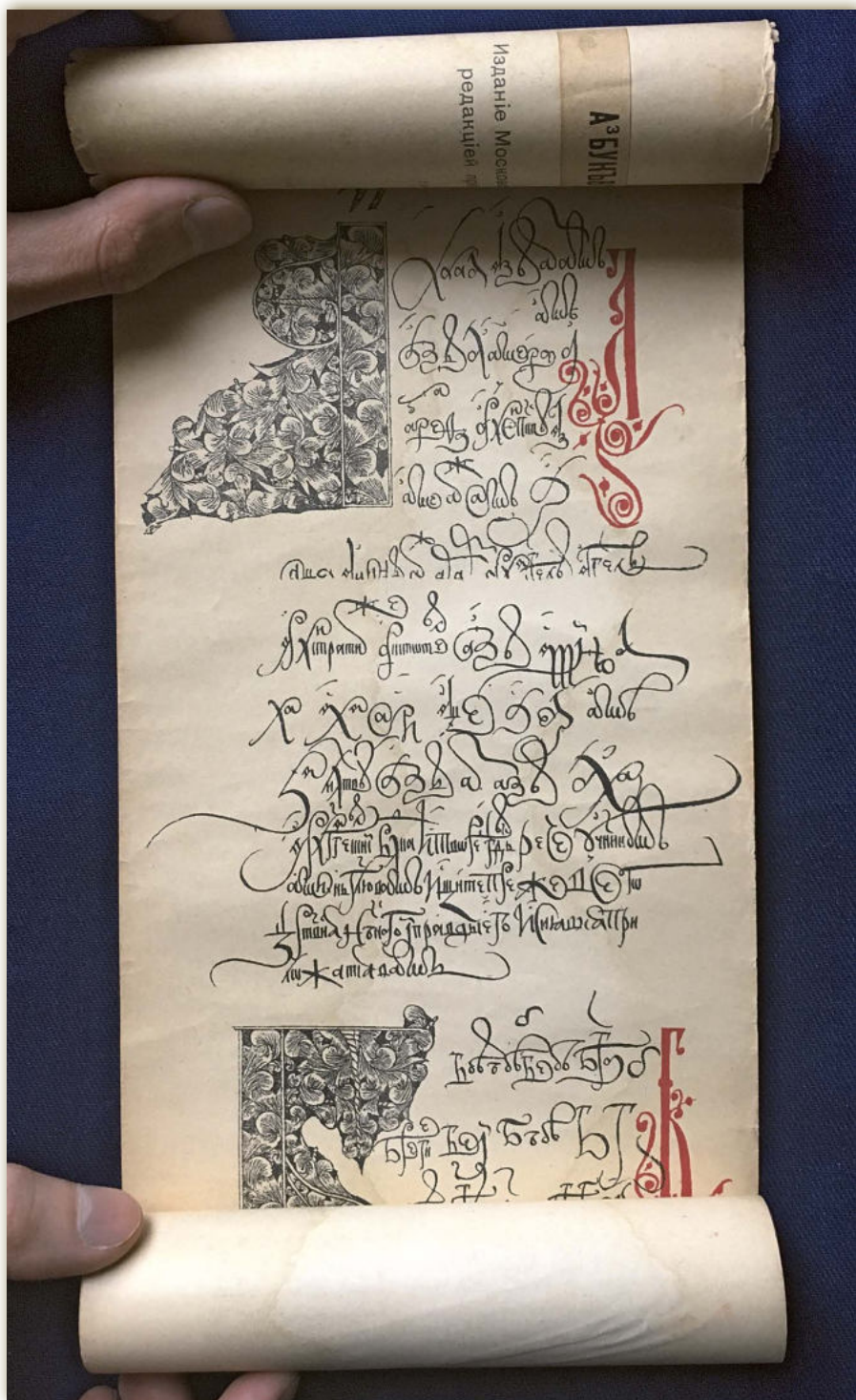

*Иллюстрация к идилии Н.И. Гнедича «Рыбаки»
из альманаха «Северные цветы» на 1827 год
(СПб., 1827). Гравюра С.Ф. Галактионова
по рисунку М.Н. Воробьева*

Свиток «Азбука 1667 года» (М., 1910)

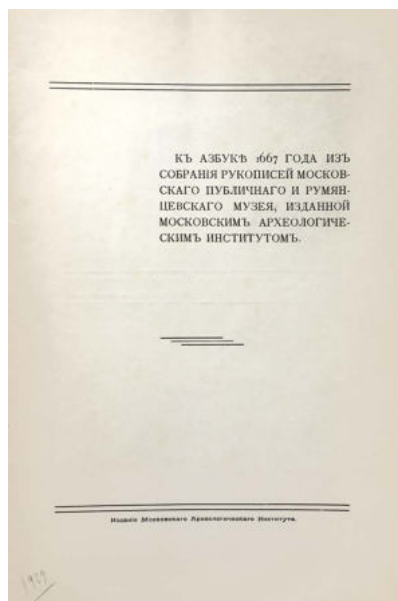

Свиток «Азбука в научение младым детям 1643 года» (М., 1910)

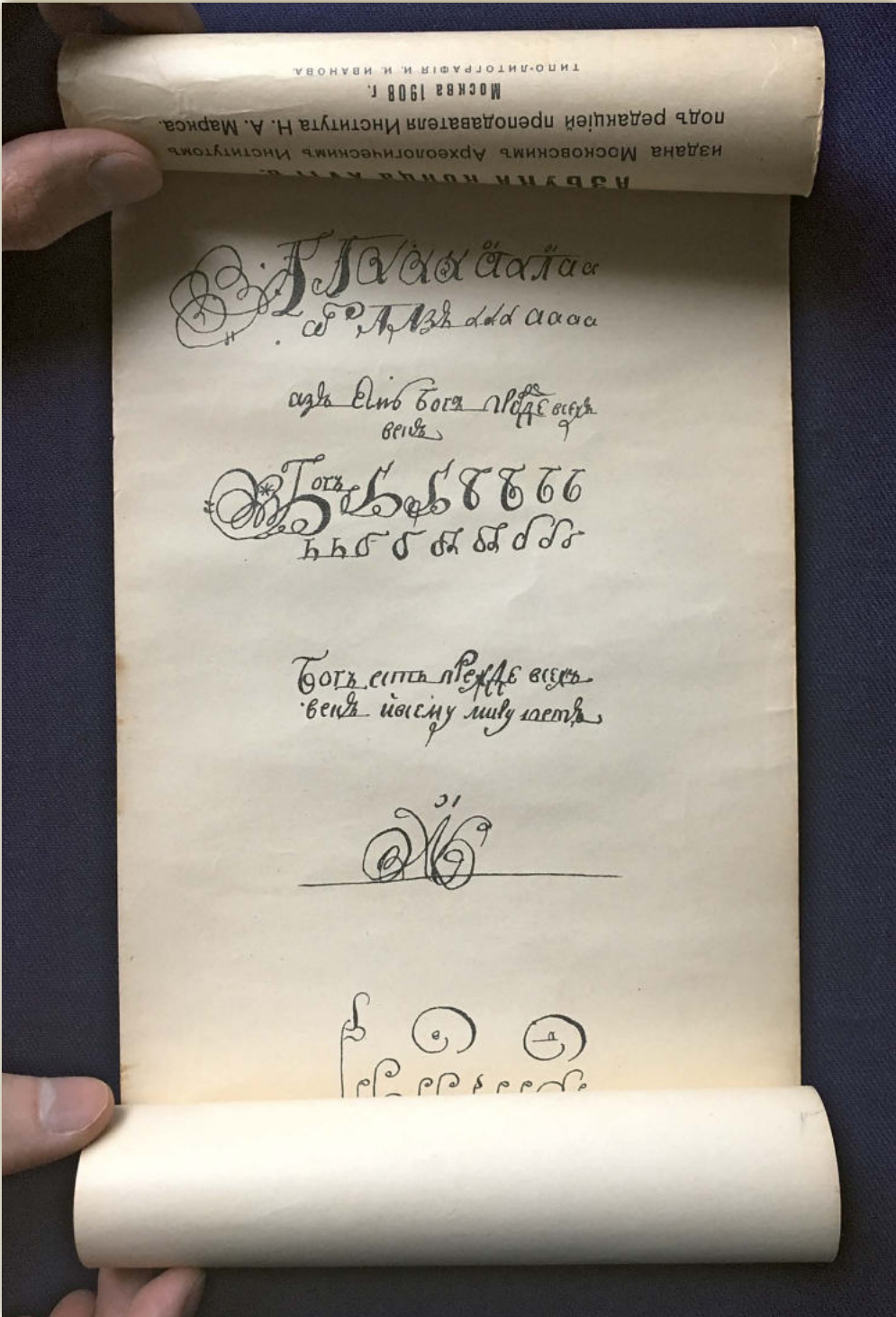

Футляры свитков «Азбука конца XVII века» (М., 1908), «Азбука в научение младым детям 1643 года» (М., 1910) и «Азбука 1667 года» (М., 1910)

конца XVII века» (М., 1908) длиной 3 м 60 см; «Азбука в научение младым детям 1643 года» (М., 1910) длиной 5 м 60 см и «Азбука 1667 г.» (М., 1910) длиной 6 м 90 см. К каждой из этих азбук прилагается брошюра, напечатанная на толстой сло-новой бумаге: «К азбуке конца XVII века из собрания А.И. Успенского, изданной Московским археологическим институ-том», «Азбука-пропись времен Царя Миха-ила Федоровича» и «К азбуке 1667 года из собрания рукописей Московского публичного и Румянцевского музея, изданной Московским археологическим институ-том» соответственно. Библиофил отме-тил, что еще ни разу на аукционах ему не встречались в продаже одновременно сами свитки и брошюры к ним, всегда их по непонятным причинам продавали отдельно, причем иногда на разных аук-ционах одних и тех же аукционных домов с разницей в несколько дней.

Титульный лист брошюры «К азбуке 1667 года из собрания рукописей Московского публичного и Румянцевского музея, изданной Московским археологическим институтом» (М., 1910)

Москва 1908 г.
 Типо-Литографія И. И. Иванова
 издана Московскимъ Археологическимъ Институтомъ
 подъ редакціей преподавателя Института Н. А. Маркса.

Създана аааа
 аааа бббб аааа

аааа еино бога прѣдѣ аааа
 аааа

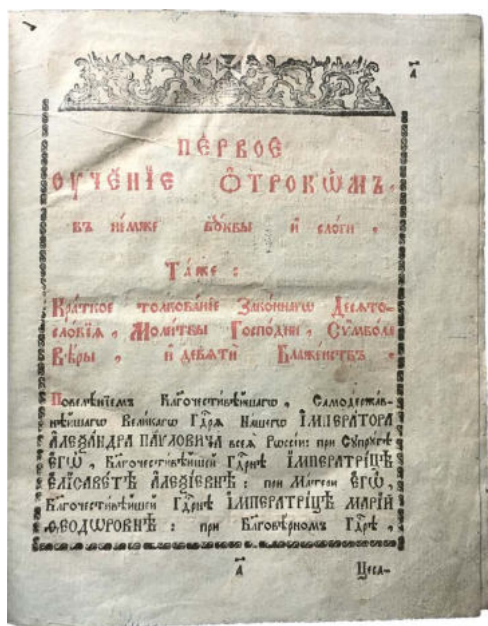
Създа бббб бббб
 бббб бббб бббб

бога еипа прѣдѣ аааа
 аааа ивоину миль аааа

31
 В

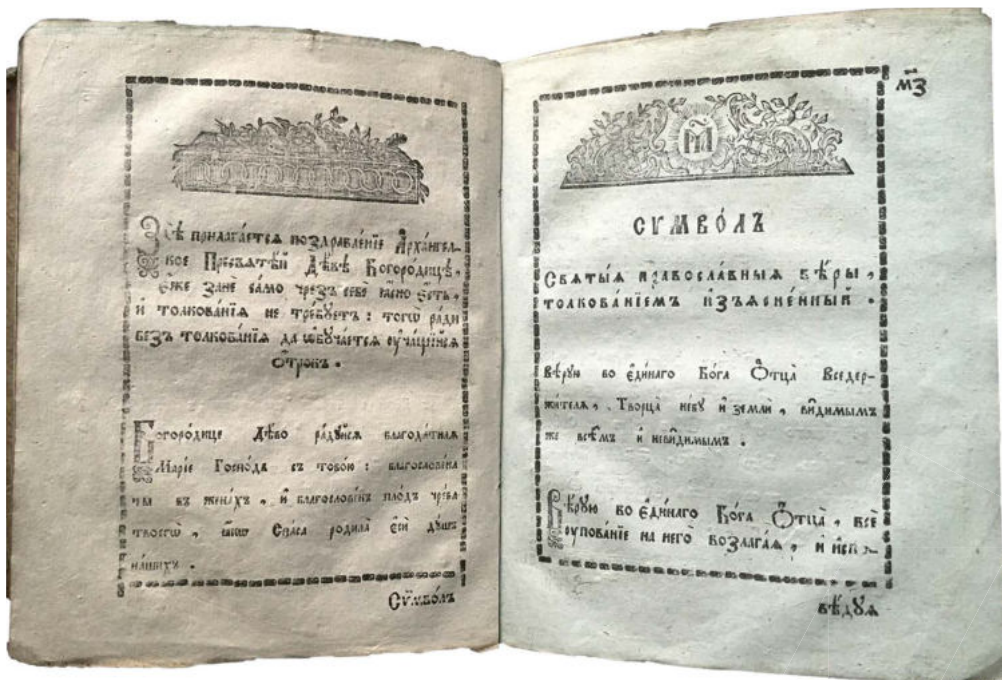
бббб бббб бббб

Свиток «Азбука конца XVII века» (М., 1908)

Лист книги Феофана (Прокоповича)
«Первое учение отроком»
(СПб., 1812)

Другое учебное пособие, которое посчастливилось приобрести Роману Андреевичу в этом году, — прекрасной сохранности экземпляр «Первого учения отроком» Феофана (Прокоповича) (1681–1736), напечатанного в Санкт-Петербурге во времена войны с Наполеоном, в декабре 1812 года. Книга представляет собой конвюлет: к «Первому учению отроком» приплетен «Диалогисм». В XVIII веке «Диалогисм» выпускался отдельно, но в XIX веке он стал печататься вместе с «Первым учением отроком», о чем сообщалось на титульных листах таких изданий (например, в издании 1819 года). Вероятно, в 1812 году «Первое учение отроком» было впервые выпущено с такой «прибавкой». Как и все буквари, книга быстро зачитывалась, и сейчас крайне сложно встретить ее экземпляр в хорошей сохранности.

Разворот книги Феофана (Прокоповича) «Первое учение отроком» (СПб., 1812)

Разворот издания книги А.Л. Барто «Братишки» (М., 1929) на русском языке с иллюстрациями Г.А. Ечеистова

Леонард Исаакович Чертков рассказывал о хорошо сохранившемся экземпляре книги А. Барто «Братишки» с иллюстра-

циями Г. Ечеистова, изданной на цыганском языке (ОГИЗ; Молодая гвардия, 1933). В переводе О. Панковой книга получила название «Пшалорэ». Библиофил отметил, что в издании слова воспроизведены русскими буквами.

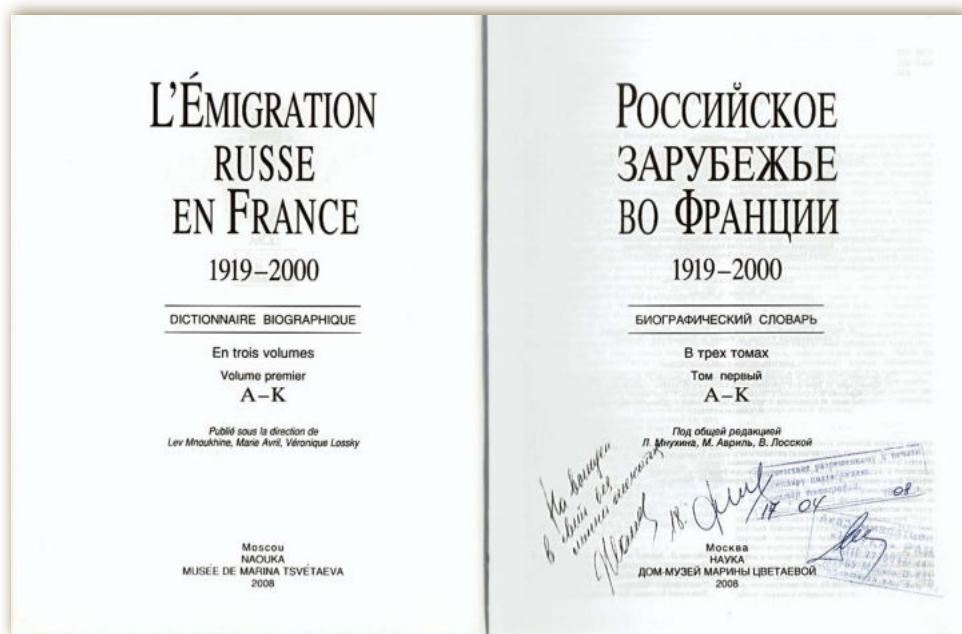

Г.А. Ечеистов. Обложка издания книги А.Л. Барто «Братишки» (М., 1933) на цыганском языке

Сигнальный экземпляр книги «Российское зарубежье во Франции» (М.: Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008) с пометкой: «На выпуск в свет без списка опечаток» представила Наталия Викторовна Набатчикова.

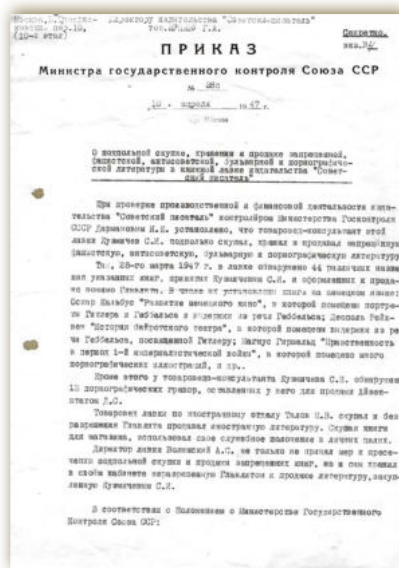
Завершил заседание доклад Михаила Вадимовича Сеславинского. Библиофил поделился чудесными листами из папки «Виды из путешествия К. Бэра на Новую Землю» (СПб., 1838). В издание вошли семь рисунков художника К. Редера, сделанных во время экспедиции Карла Бэра на Новую Землю в 1837 году. По этим рисункам в типографии Тюлева в Петербурге были отпечатаны литографии (в лист), которые вручную раскрасил сам художник.

*Титульный разворот сигнального экземпляра книги
«Российское зарубежье во Франции» (М., 2008)*

Председатель НСБ также рассказал о важном для истории отечественного библиофильства документе — Приказе министра государственного контроля СССР от 10 апреля 1947 года. Сотрудников книжной лавки издательства «Советский писатель» обвиняли после проведенной проверки «в скупке, хранении и продаже фашистской, антисоветской, бульварной и порнографической литературы». Под санкции попали издания на немецком языке «Развитие немецкого кино» Оскара Кальбуса, «История байройтского театра» Леополя Рейхвена и «Нравственность в период 1-й империалистической войны» Магнуса Гиршельда. Согласно приказу, директор магазина и товаровед М.В. Талов были отстранены от занимаемых должностей, а С.И. Кузмичев и Д.С. Айзенштат привлечены к судебной ответственности. Печальная история — свидетельство времени.

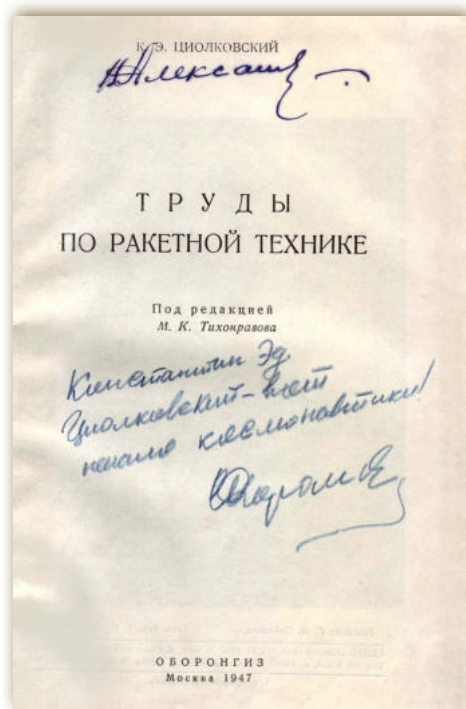

Первая страница Приказа министра государственного контроля СССР от 10 апреля 1947 года «О подпольной скупке, хранении, продаже запрещенной, фашистской, антисоветской, бульварной и порнографической литературы в книжной лавке издательства «Советский писатель»

Первое заседание в 2021 году члены клуба «Библиофильский улей» посвятили научным изданиям и книгам о науке. Встреча, к которой присоединились 23 библиофила, из-за бушующей пандемии коронавируса вновь состоялась в онлайн-формате. Собиратели представили разнообразие научных трудов из своих библиотек — от книг по медицине и математике до трудов на исторические темы. Но в самом начале встречи члены НСБ почтили минутой молчания своего воронежского друга Валерия Георгиевича Красильникова, ушедшего из жизни от этой коварной болезни в декабре 2020 года.

Открыл заседание юбилар этого месяца Юрий Алексеевич Ростовцев. Он представил собрание работ К.Э. Циолковского, в том числе «Труды по ракетной технике» (М.: Оборонгиз, 1947) с автографом С.П. Королева на титуле: «Константин Эд. / Циолковский — вот / начало космонавтики! / [Подпись]». Библиофил также представил два машинописных письма, где ученый красным карандашом размашисто оставил свои записи.

Анатолий Тихонович Ракитянский обратился к изданию по истории XIX века, подготовленному А.З. Манфредом, — «Внешняя политика Франции 1871–1891 годов» (М., 1952). Библиофил отметил, что на этом экземпляре есть автограф автора. Анатолий Тихонович признался, что ему особенно интересна история Лифляндии и Курляндии, поэтому он не смог пройти мимо редкой книги в полукожаном переплете «Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний Остзейских» (М., 1845). Затем собиратель рассказал об издании «Palimpsest. An Insight into the History of Collecting Art

Титульный лист книги К.Э. Циолковского «Труды по ракетной технике» (М., 1947) с автографом С.П. Королева

in Latvia» (Рига, 2020), куда вошли воспоминания Анатолия Тихоновича о книжных развалах и собирательстве в послевоенные годы. Пока книга издана только на латышском языке.

Александр Юрьевич Самарин представил отдельный оттиск из журнала «Вестник воспитания» (М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1896) — «Что сделала Екатерина II для русского народного просвещения» с автографом историка русской литературы В.В. Каллаша: «Многоуважаемому М.М. Богословскому». Библиофил предположил, что Богословский получил оттиск в подарок не в год издания, а несколько позже: в 1896 году будущий академик РАН Богословский еще не защитил магистерскую диссертацию.

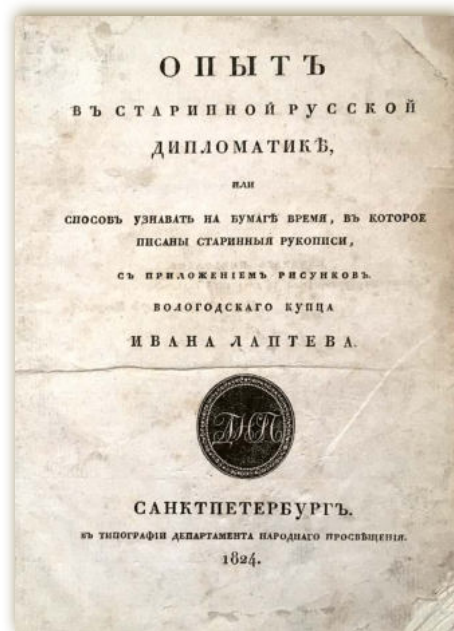
Затем Александр Юрьевич обратился к книге историка географии А.Б. Дитмара

Фотография Сергея Павловича и Нины Ивановны Королевых с дарственной надписью. 1960-е годы

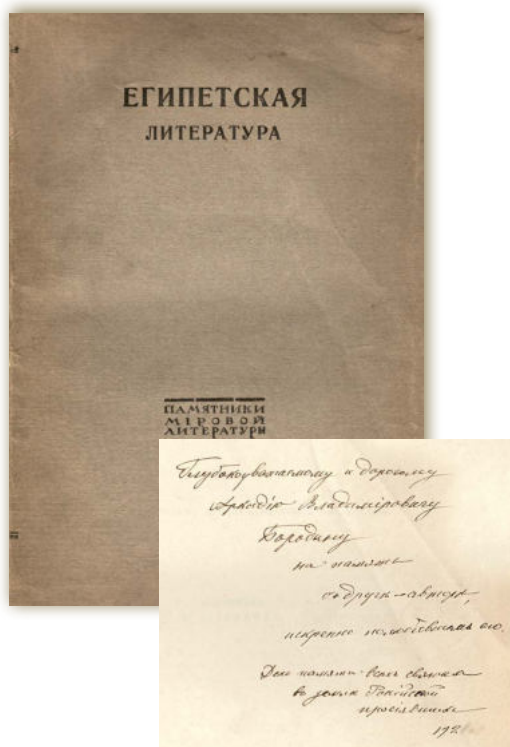
«Над старинными рукописями», посвященной топографическим описаниям Ярославского края конца XVIII века (Ярославль, 1972). В книге присутствует автограф автора, адресованный Л.Н. Гумилеву, из чьего собрания и происходит этот экземпляр: «Льву Николаевичу Гумилёву в знак уважения и для прочтения от составителя / 3/10/74 года».

Роман Андреевич Лизогубов начал свой доклад с одной из редкостей — первой в России и одной из первых в мире специальных работ о водяных знаках «Опыт в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков. Вологодского купца Ивана Лаптева» (СПб.: в Тип. Департамента народного просвещения, 1824). Издание, вышедшее тиражом 150 экземпляров, содержит 28 страниц

Титульный лист книги «Опыт в старинной русской дипломатике...» (СПб., 1824)

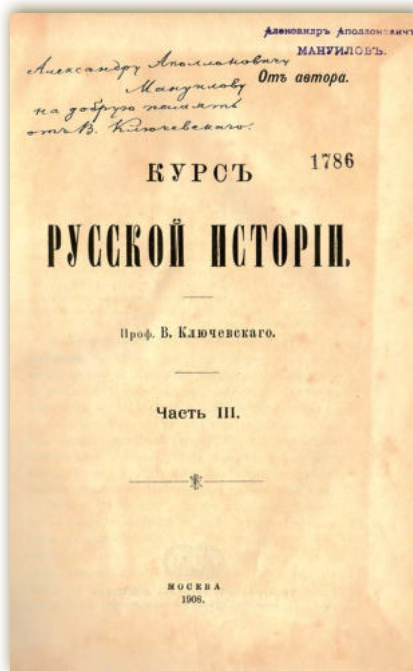

Обложка книги Б.А. Тураева
«Египетская литература» (М., 1920).
Дарственная надпись Б.А. Тураева А.В. Бородину
на экземпляре книги из собрания А.Ю. Дорошина

(1881–1932), историк права, ученик С.Ф. Платонова, в 1930 году был репрессирован по «платоновскому делу», умер в бараке лагеря в Медвежьегорске. Библиофил отметил, что этот автограф — единственный в его собрании, где дата представлена не числами, а словами. Да еще и таким оригинальным способом! Дело в том, что Б.А. Тураев выступил в 1918 году инициатором восстановления в Русской Церкви праздника Всех Святых, в земле Российской просиявших. Этот праздник был назначен на второе воскресенье после Троицы. В 1920 году он пришелся на 13 июля, а 23 июля Б.А. Тураев скончался, и надпись на представленной книге, вероятно, один из последних автографов выдающегося историка.

Затем Андрей Юрьевич рассказал о приметных экземплярах изданий В.О. Ключевского из своего собрания. Библиофил отметил, что его экземпляр знаменитого «Курса русской истории» в 4-х частях (М., 1916) кроме того, что еще в конце 80-х годов XX века был облачен Л.Л. Колпахчиевым в два чудесных переплета, представляет и топографический интерес для членов клуба «Библиофильский улей». Дело в том, что на титульных листах всех частей издания есть штамп о принадлежности к складу Московского областного продовольственного комитета, который располагался на Тверском бульваре, в доме 27, то есть на углу с Сытинским переулком.

На экземпляре 3-й части «Курса русской истории» в более раннем издании (М., 1908) автор оставил автограф:

Титульный лист третьей части «Курса русской истории» В.О. Ключевского (М., 1908) с дарственной надписью автора А.А. Мануйлову

*Переплет книги М.И. Пыляева «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление» (СПб., 1877).
Дарственная надпись М.И. Пыляева графу И.И. Воронцову-Дашкову на экземпляре книги из собрания А.Ю. Дорошина*

«Александрю Аполлоновичу / Мануйлову / на добрую память / от В. Ключевского». А.А. Мануйлов — ректор Императорского Московского университета, министр народного просвещения во Временном правительстве, после Октябрьского переворота от политики отошел.

Библиофил также представил книгу М.И. Пыляева «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление» (СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1877) с автографом автора, адресованным одному из влиятельнейших людей того времени: «Его Сиятельству / Графу Илариону Ивановичу Воронцову-Дашкову / почтительнейше / от Автора». Андрей Юрьевич отметил, что Пыляев не только сам коллекционировал издания и, соот-

ветственно, нередко покупал их, но и помогал другим с выбором интересных книг. Как генеалог он также помогал высокопоставленным лицам установить историю их рода.

Сергей Владимирович Смирнов обратил внимание коллег на учебники по математике. Издание «Веселый математик» (ОГИЗ; Молодая гвардия, 1933) составлено И.И. Ивановым — специалистом по теории чисел, членом-корреспондентом АН СССР. Оформили учебник для младших и средних классов выпускники ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа — художники М.Х. Горшман и М.М. Аксельрод. Еще Сергей Владимирович продемонстрировал учебник Сергея Боброва «Волшебный двурог» (Детгиз, 1949) с иллюстрациями В.М. Конашевича. Собиратель отметил, что над оформлением книги работали также А.М. Гетмановский и В.В. Пахомов.

К заседанию клуба присоединился из Токио Василий Элинархович

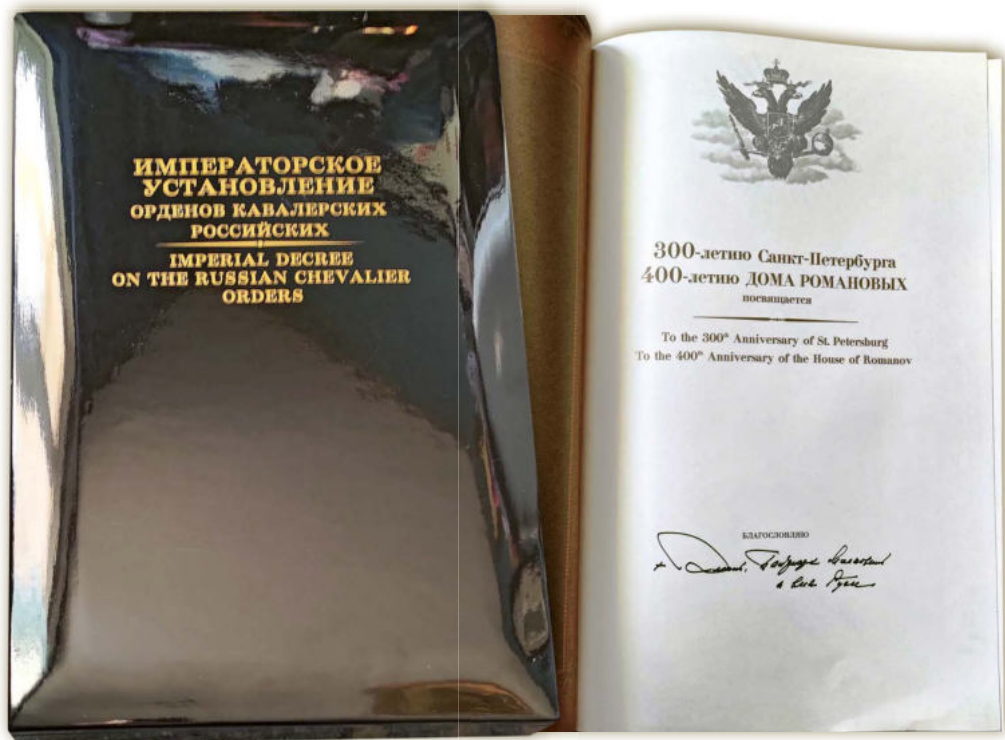
Переплет учебника С.П. Боброва «Волшебный двурог» (М., 1949)

Переплет книги «Веселый математик» (М., 1933)

Лист с иллюстрацией из книги «Веселый математик» (М., 1933)

*Футляр и авантитул книги «Императорское установление
Орден Кавалерских Российских» (200-?)*

Молодяков. Он представил научно-популярную книгу Джорджа Сильвестра Вирека «Омоложение: как Штайнах делает людей молодыми» (1923). Тема стремления к молодости Вирека очень интересовала, особенно его привлекали работы австрийского физиолога и пионера эндокринологии Ойгена Штайнаха и французского хирурга русского происхождения Сержа (Самуила) Воронова. Библиофил продемонстрировал экземпляр с автографом автора, адресованным его секретарше: «Руби Готлиб, которой эта книжка не понадобится. С лучшими пожеланиями от автора». Подписался Вирек оригинально: рядом со своим именем нарисовал четырехугольник (графическое изображение немецкого слова «Viereck»). На экземпляре несколько владельческих надпи-

сей: «Кацнельсон (Ленинград, 1933)», «Таисии Гессен», «Из книг Сергея Гессена».

Василий Элинархович рассказал также о нескольких выпусках журнала «Liberty» из его коллекции, в которых описаны операции Штайнаха по омоложению. Одна из публикаций 1938 года называется «Я омолодился: как наука сделала меня моложе».

Затем слово взял Ярослав Николаевич Костюк. Он «угостил» коллег миниатюрной книгой, составленной им вместе с дочерью С.П. Королева и изданной к 100-летию ученого (М.: Наука, 2007). На ней есть гриф Совета по космосу РАН. Один из экземпляров такой книги побывал на Международной космической станции.

Собирателем миниатюрных книг, Ярослав Николаевич поразил аудиторию

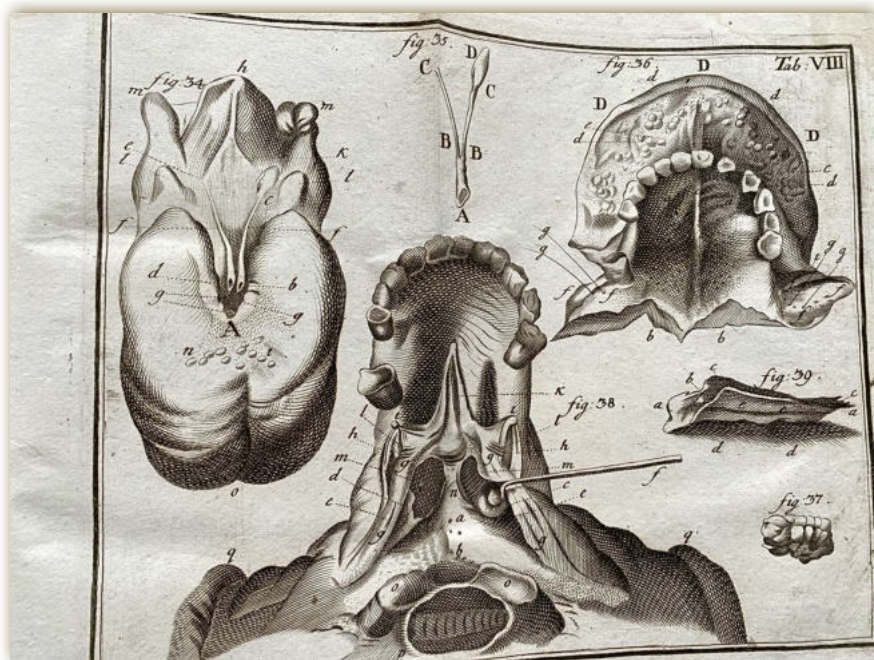
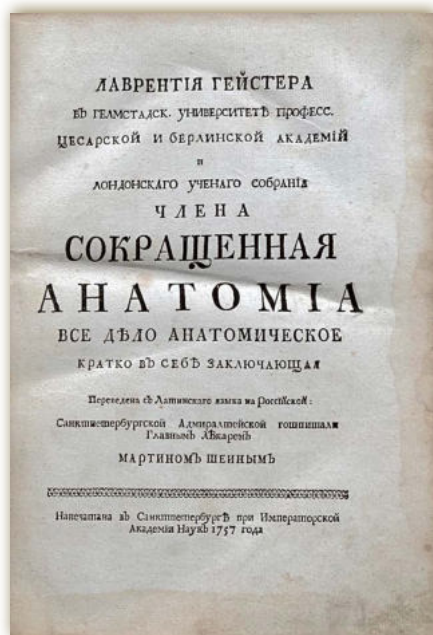

Иллюстрация из книги Л. Гейстера «Сокращенная анатомия, все дело анатомическое в себе заключающая» (СПб., 1757)

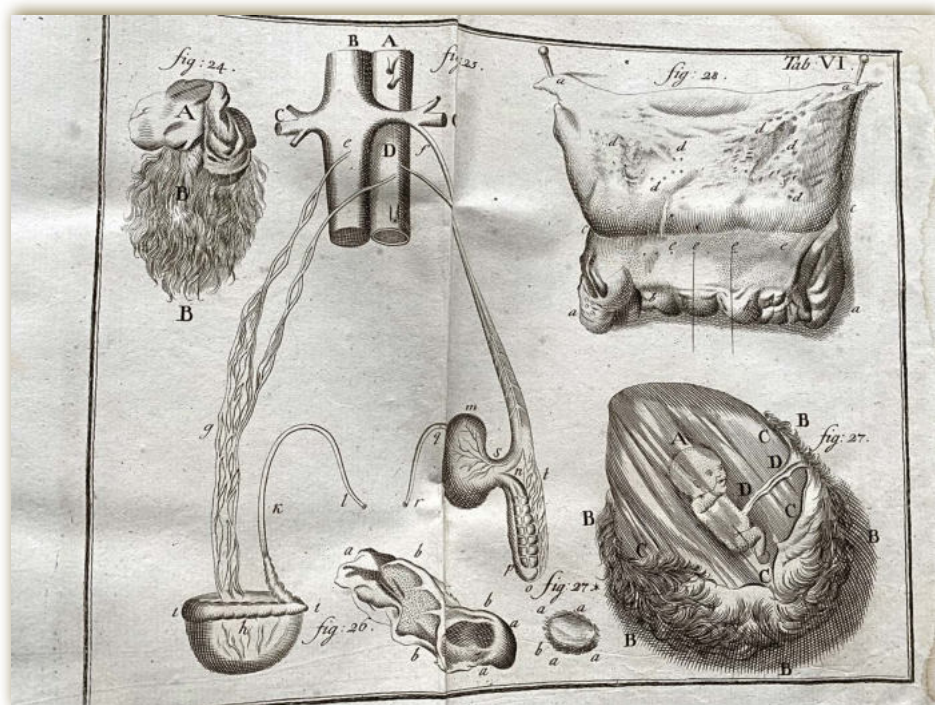
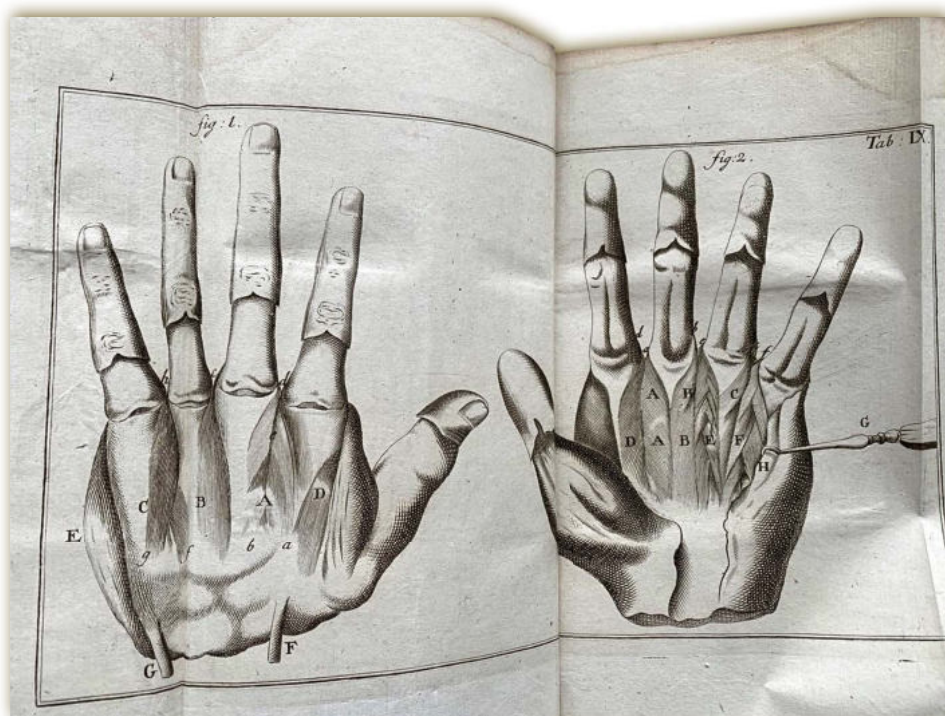
самым большим изданием в его коллекции — «Императорское установление Орденов Кавалерских Российских» размером 64×100 см, в футляре. Книга была посвящена 300-летию Санкт-Петербурга и 400-летию Дома Романовых.

Борис Абрамович Хайкин представил своего товарища Владимира Николаевича Кутового — коллекционера и обладателя большой библиотеки, преимущественно изданий XVIII–XIX веков. Дебютант рассказал о книге, которая была незаменима в медицине, — о первом учебнике по хирургии в Европе и России «Сокращенная анатомия, все дело анатомическое в себе заключающая» (СПб.: напечатана при Имп. Акад. наук, 1757). Автор ее Лаврентий Гейстер, а на русский язык с латинского учебник перевел главный лекарь Санктпетербургской адмиралтейской гошпитали Мартин Шейн.

Титульный лист книги Л. Гейстера «Сокращенная анатомия, все дело анатомическое в себе заключающая» (СПб., 1757)

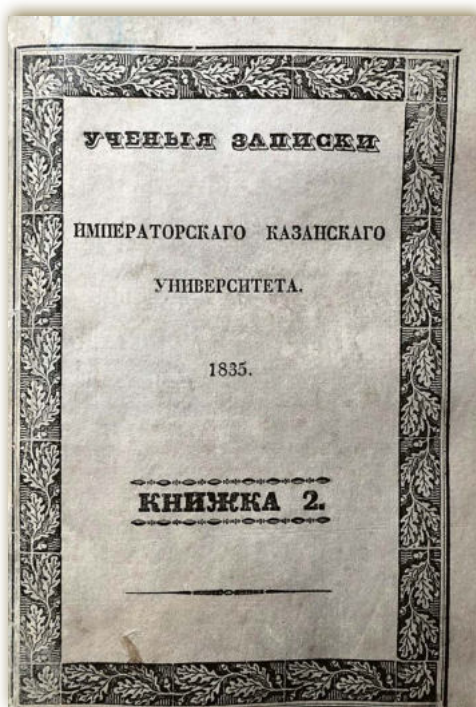
Иллюстрации из книги Л. Гейстера «Сокращенная анатомия, все дело анатомическое в себе заключающая» (СПб., 1757)

Борис Абрамович напомнил, что первая рисованная обложка с гравюрой, рамкой и текстом появилась в России в 1779 году в журнале «Академические известия». В коллекции библиофила оказался номер за 1781 год (СПб.: при Санкт-Петербургской Имп. Акад. наук, 1781). Журнал публиковал как отечественные, так и иностранные научные исследования и статьи. Борис Абрамович также продемонстрировал издание «Сына Отечества» (1825) с суперэкслибрисом князя Анатолия Николаевича Демидова, первого князя Сан-Донато. Библиофил обратил внимание на текст инженера Гийома Левассёр де Боплана «О Крыме и украинских казаках в XVII в.», в котором автор приводит любопытные описания крымских татар. Напоследок Борис Абрамович продемонстрировал три тома сочинений Ломоносова (СПб.: А. Смирдин, 1847).

Доклад Михаила Вадимовича Сеславинского завершил заседание. Библиофил рассказал о статье Н.И. Лобачевского «Способ уверяться в исчезании бесконечных строк и приближаться к значению функций от весьма больших чисел», опубликованной в журнале «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом». (Казань: в универ. тип., 1835). Михаил Вадимович признался, что ему нравится поэтическое начало названия статьи «Способ уверяться в исчезании», который можно перенести на человеческие отношения.

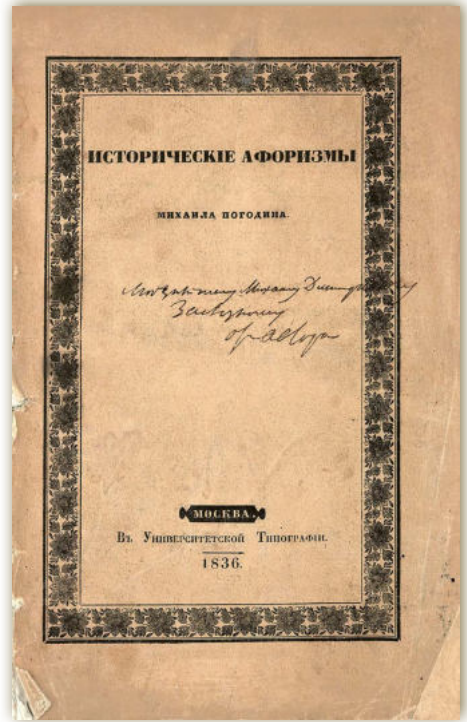
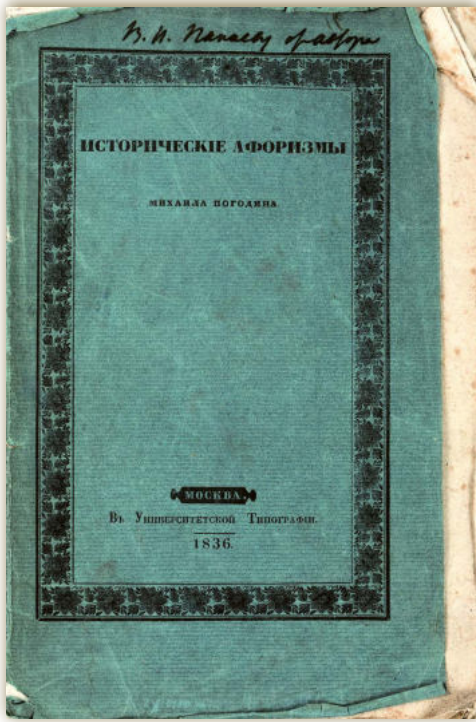
В России в эти годы Лобачевский не был признан великим математиком, поэтому его труды, публиковавшиеся в «Ученых записках», не заинтересовали современников. Чуть позднее на Западе работы Лобачевского оценили, и ученые использовали их для своих исследований. 11 февраля 1867 года декан физико-математического факультета Казанского

Обложка журнала «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом» (Казань, 1835)

университета В.Ф. Каган вошел в совет университета с представлением следующего содержания:

«Сочинения бывшего профессора здешнего университета Н.И. Лобачевского в последнее время обратили на себя внимание европейских ученых, особенно те, которые относятся к области геометрических исследований. Причиной столь позднего знакомства европейских ученых с трудами покойного знаменитого нашего сочлена было то обстоятельство, что большая часть из них была помещена в «Ученых записках», которые, как известно совету, печатались в малом числе экземпляров на удовлетворение потребностей округа и членов университета. У книгопродавцев ни петербургских, ни московских они не находились».

Обложки сборников «Исторические афоризмы Михаила Погодина» (М., 1836)

Сейчас те публикации Лобачевского — большая редкость.

Свое выступление Михаил Вадимович завершил показом сборников «Исторические афоризмы Михаила Погодина» (М.: в универ. тип., 1836). Михаил Погодин, историк, писатель-беллетрист, обладал прекрасной коллекцией автографов, однако сам писал их не с большим мастерством. Первый сборник адресован В.И. Панаеву. В представленном экземпляре на первой сторонке издательской обложки автограф: «В.И. Панаеву от автора». Второй экземпляр из коллекции Сеславинского имеет дарственную надпись М.Д. Засецкому — спутнику Погодина во время его поездки за границу в 1835 году. На первой сторонке издательской обложки автограф: «Любезнейшему Михаилу Дмитриевичу / Засецкому / от автора».

* * *

Февральское заседание клуба «Библиофильский улей» «Украиника в моем собрании» было приурочено к 150-летию поэта, прозаика, переводчицы Леси Украинки и направлено на укрепление дружеских гуманитарных отношений с Украиной. В онлайн-заседании участие приняли 19 библиофилов.

Выступивший первым Леонард Исаакович Чертков напомнил, что как-то среди докладов на заседании Московского клуба библиофилов уже прозвучало сообщение о гостевой книге московской Лавки писателей. В этой книге среди прочих записей оказались вирши некого Давида Вия на украинском языке. Москвичи не смогли самостоятельно перевести текст и обратились за помощью к украинским коллегам. Поэтиче-

ский перевод подготовил Анатолий Кончаковский.

Собиратель старопечатных книг, потомок казаков Сумского слободского полка Роман Андреевич Лизогуб(ов) продемонстрировал коллегам несколько книг, напечатанных в украинских типографиях. Начал он с рассказа о книге петровского времени — малоформатной Псалтири, выпущенной в Чернигове в 1716 году. На обороте гравированного титульного листа миниатюрного издания (в 24 долю листа) помещен герб Ивана Ильича Скоропадского — гетмана объединенного Войска Запорожского; он же упоминается и в предисловии-посвящении книги, написанном архимандритом Троицкого Ильинского монастыря Германом Кононовичем (ум. 1737 г.).

Затем библиофил показал «прекрасный образец украинского барокко» второй половины XVIII века — Ака-

Псалтирь (Чернигов, 1716)

фист св. Варваре, напечатанный в Киеве в 1784 году. Впервые Роман Андреевич упоминал о нем в интервью в далеком 2015 году, но с тех пор собирателю так и не удалось обнаружить другого экземпляра этого издания, книга так и остается известной в единственном экземпляре.

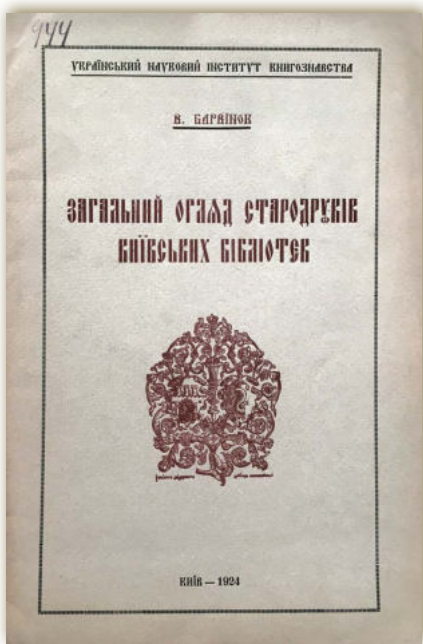

*Участники заседания клуба «Библиофильский улей»
20 февраля 2021 года*

Листы Акафиста св. Варваре
(Киев, 1784)

Обложка отдельного оттиска статьи
В.И. Барвинока «Общий обзор старопечатных
книг киевских библиотек» из журнала
«Бібліологічні вісті» (Киев, 1924)

Акафист богато иллюстрирован гравюрами на дереве (в книге 27 иллюстраций), текст обрамляют широкие гравированные рамки с растительным орнаментом.

В заключение библиофил рассказал коллегам об отдельном оттиске из журнала «Бібліологічні вісті» 1924 года со статьей Владимира Ивановича Барвинока «Общий обзор старопечатных книг киевских библиотек». На обороте издательской обложки в экземпляре есть автограф известному петербургскому библиографу и библиофилу: «Дорогому/ Якову Петровичу/ Гребенщикову/ от автора/ 1927. 1. I».

Выступивший с докладом Ярослав Николаевич Костюк предупредил участников встречи, что сначала представит сообщение, подготовленное Мемориальным музеем Леси Украинки (Житомирская область). Среди экспонатов музейной коллекции оказались

*Леся Украинка (?). «Волынская хата».
Литературно-мемориальный музей Леси
Украинки (Новгород-Волынский)*

картина «Волынская хата», которая, по утверждению родственников, принадлежит кисти Леси Украинки, прижизненные издания сборников поэзии Леси Украинки «Відгуки» (Черновцы, 1902) и «На крылахъ писень» (Киев, 1904).

Затем библиофил продемонстрировал миниатюрные книги из своего собрания: «Вишеньки» (ДИТВИДАВ ЦК ЛКСМУ, 1940), «На крилах пісень» (Львов, 1981) и «Грай, моя пісню!» (1990). Большой интерес вызвал двухтомник стихотворений Леси Украинки, подготовленный учительницей из Москвы. В этом издании, вышедшем тиражом 30 экземпляров, собрана галерея портретов родственников поэтессы. Предисловие к первому тому написала заведующая Мемориальным музеем Леси Украинки Вера Римская.

Продемонстрировав миниатюрное издание сочинений Леси Украинки, вышедшее в харьковском издательстве «Фоліо» в 2010 году тиражом 2 000 экземпляров, Ярослав Николаевич обратился к необычной — вышитой — книге «Лісова пісня», «одетой» в вязаный переплет. Завершил свое выступление библиофил демонстрацией офортов Надежды

Переплет и разворот вышитого издания пьесы Леси Украинки «Лесная песня»

Титульний розворот издания пьесы Леси Украинки «Лесная песня» (Харьков — Киев, 1930) с фронтисписом работы Е.Б. Сахновской

Лопуховой, созданных по сюжетам произведений Леси Украинки.

Сергей Владимирович Смирнов начал свой доклад с издания драмы-феерии «Лісова пісня» (Державне видавництво України, 1930) с иллюстрациями Елены Сахновской. Гравюры на дереве, выполненные для этой книги, — первая крупная работа художницы, принадлежавшей к ученикам и последователям выдающегося украинского художника М.Л. Бойчука. На экземпляре есть трогательная дарственная надпись: «В день именин от [...] 19 декабря 1930 года».

Рассказ о книгах, вышедших в украинском издательстве «Культура», специализировавшемся в 1920-е годы на выпуске литературы для детей, библиофил начал с творческой биографии художника Бориса Ивановича Крюкова. Одним

из изданий, оформленных им, стала книга Марко Вороного «Носорог» (Киев, 1930). Всего Борис Иванович оформил произведения свыше 40 украинских авторов.

Сергей Владимирович не обошел вниманием и книгу Веры Инбер «Кресло, стул и табурет», которую проиллюстрировал Борис Васильевич Ермоленко (по мнению Сергея Владимировича, в издательстве «Культура» оказались самые удачные работы художника). Библиофил также отметил книгу Н. Дирш «Галоши» с рисунками Евгения Михайловича Рачева и творческий дуэт писателя Давида Виленского и художника Леонида Гамбургера.

Заседание по традиции завершилось выступлением Михаила Вадимовича Сеславинского. «Украиника — тема,

конечно, необъятная, говорить о ней можно бесконечно. Я хотел бы продемонстрировать наиболее знаковые библиофильские сокровища», — начал свой доклад библиофил.

Обратившись сначала к редчайшему второму тому «Вечеров на хуторе близ Диканьки. Повестей, изданных Пасичником Рудым Паньком» Н.В. Гоголя (СПб.: в тип. Департамента народного просвещения, 1836), Михаил Вадимович не исключил, что оба тома могут происходить из библиотеки В.Г. Лидина, так как одеты в характерную владельческую обложку из пленки. На титульном листе второго тома и на отдельных страницах имеется экслибрис известного офицера Николая Георгиевича Савищева. На авантитуле штамп — «Николай Георгиевич Савищев».

Докладчик напомнил, что книга в свое время вызвала фурор, а наиболее известный отклик на повести Гоголя принадлежит Пушкину. В небольшой рецензии, опубликованной в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» от 3 октября 1831 года, поэт писал: «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов». Пушкинская рецензия относилась к первой

Титульный лист второго тома книги Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (СПб., 1836) с экслибрисом Н.Г. Савищева

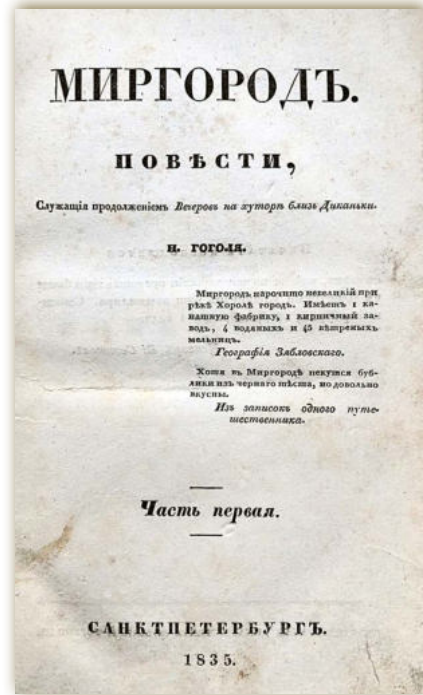
части «Вечеров», куда Гоголь включил «Сорочинскую ярмарку», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майскую ночь, или Утопленницу» и «Пропавшую грамоту».

Готовя повести к публикации, Гоголь включил в предисловие небольшой список украинских слов, «которые в книжке не всякому понятны». Аналогичный краткий словарь приложен и ко второй части «Вечеров»: «Варенуха — вареная водка с пряностями. Кацап — русский человек с бородою. Кораблик — старинный головной убор. Люлька — трубка. Сопилка — свирель. Чумаки — малороссияне, едущие за солью и рыбою, обыкновенно в Крым».

Библиофил поделился, что перед заседанием решил перечитать «Вечера...» и не смог оторваться, потому что

*Переплет сборника Н.В. Гоголя «Миргород»
(СПб., 1835)*

*Титульный лист сборника Н.В. Гоголя
«Миргород» (СПб., 1835)*

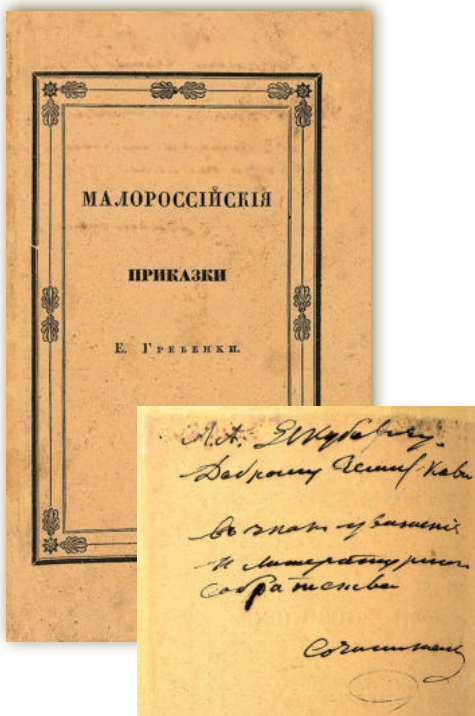
гоголевский слог и написанные им сюжеты действительно уникальны.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» не единственное произведение Гоголя, о котором рассказал Михаил Вадимович. Он обратился к сборнику повестей «Миргород. Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки Н. Гоголя» (СПб.: В тип. Департамента внешней торговли, 1835). Это прижизненное издание классика попало к Михаилу Вадимовичу из собрания Александра Львовича Финкельштейна.

Наиболее значимыми в сборнике стали «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вий» и «Тарас Бульба». В дальнейшем Гоголь существенно переработал повести «Вий» и «Тарас Бульба», поэтому их текст в «Миргороде» отличается от дальнейших изданий.

Библиофил также показал книгу «Малороссийские приказки Е. Гребенки» (СПб.: в тип. Н. Греча, 1834). Автор в свое время был очень популярен, печатался во многих современных ему изданиях. Михаил Вадимович подчеркнул, что автографом, который автор оставил на второй сторонке обложки, он может по настоящему гордиться: «Л.А. Якубовичу / Доброму Человекове / в знак уважения / и литературного / собратства / сочинитель». Поэт Лукьян Андреевич Якубович особого авторитета среди литераторов не имел, однако некоторые его стихи А.С. Пушкин напечатал в своем «Современнике» за 1836 год.

Главным раритетом представленной подборки Михаил Вадимович назвал первое издание «Кобзаря» Тараса Шевченко (СПб.: в тип. Е. Фишера, 1840). Книгу украшает выполненный по рисунку Василия

Обложка книги «Малороссийские приказки
Е. Гребенки» (СПб., 1834).

Дарственная надпись Е.П. Гребенки
Л.А. Якубовичу на обороте обложки экземпляра
из собрания М.В. Сеславинского

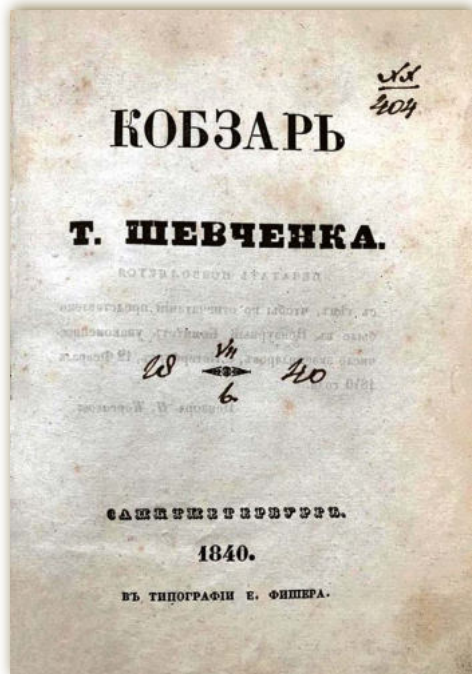
Штернберга офорт, на котором изображен народный певец — кобзарь с мальчиком-поводырем. Библиофил отметил, что из тиража 1840 года книги, ставшей событием огромного литературного и национального значения, в мире сохранилось всего несколько экземпляров.

В Петербурге выход «Кобзаря» вряд ли составил много шума. Вот что писал барон Брамбеус (О.И. Сенковский) в «Библиотеке для чтения»: «Малороссийские поэты, как нам кажется, не довольно обращают внимания на то, что они часто пишут таким наречием, которого даже не существует в России: они без церемонии передельвают великороссийские слова и фразы на малороссийский манер, создают себе язык

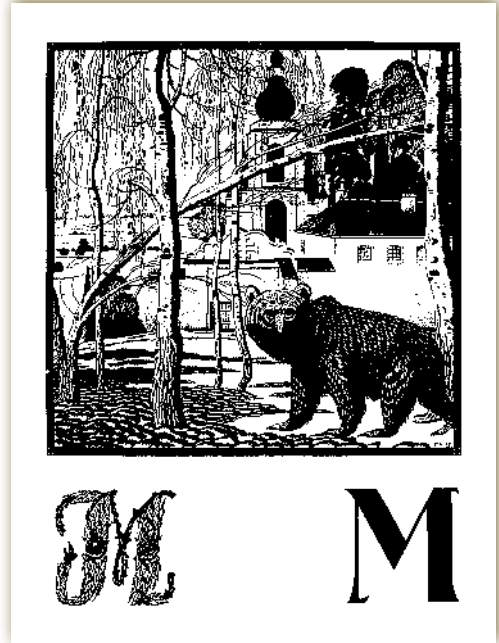
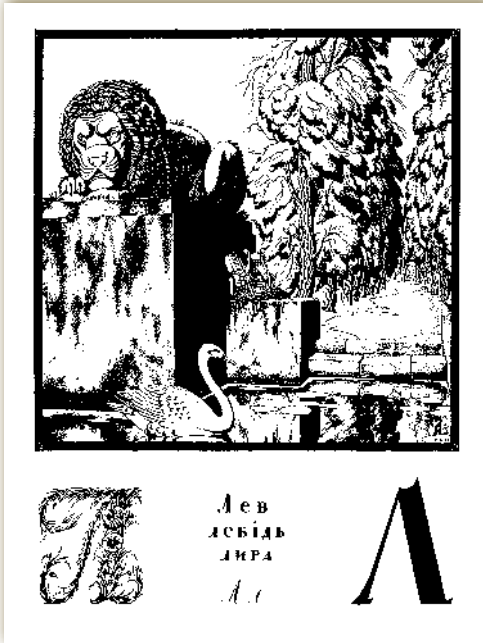
небывалый, которого ни одна из всех возможных России — ни великая, ни средняя, ни малая; ни белая, ни черная, ни красная; ни новая, ни старая — не могут признать за свой, и на этой помеси слов хохлатых и бородатых, бритых и небритых, южных и северных, на этом гибридном диалекте хотят достигнуть поэтической славы». Михаил Вадимович напомнил, что первая книга Т.Г. Шевченко напечатана на ярлычке (орфографии украинского языка, основанной на русских правилах чтения).

Произведение Шевченко возмутило и Третье отделение. За выходом книги последовали санкции. Уже во второй половине XIX века книга эта была одной из редчайших.

Михаил Вадимович завершил свое выступление рассказом о «Четырнадцать рисунках украинской азбуки» Г.И. Нарбута (СПб., 1921). Нарбут присту-

Титульный лист первого издания «Кобзаря»
Т.Г. Шевченко (СПб., 1840)

Михаил Вадимович Сеславинский вручает почетную грамоту Роману Андреевичу Лизогубову

пил к «Украинской азбуке» еще в Петрограде, продолжив работу над ней в Киеве, куда переехал в 1917 году. Художник отдал рисунки в типографию Р.Р. Голике и А.И. Вильборга, где с них были изготовлены высококачественные клише.

Существует легенда, что И.М. Степанов поручил изготовить по 110 экземпляров каждого рисунка и в 1921 году получил 72 комплекта отдельных листов «Четырнадцать рисунков украинской азбуки» и 38 экземпляров ее альбомного варианта, часть из которых были именными. Из-за небольшого тиража издание стало библиографической редкостью. В частных собраниях, заметил Михаил Вадимович, раскрашенные рисунки ему не встречались, однако в государственных хранилищах такие экземпляры есть.

* * *

Мартовское заседание клуба «Библиофильский улей» началось торжественно. Михаил Вадимович Сеславинский «за большой вклад в развитие отечественного книговедения, искусства книги и библиофильства» вручил почетные грамоты Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Леонарду Исааковичу Черткову и Роману Андреевичу Лизогубову. Знаками «Почетный работник печати» были награждены Михаил Михайлович Столяров, Елизавета Юрьевна Кораблева и Андрей Юрьевич Дорошин. Кроме того, Михаил Вадимович поделился еще одной радостной новостью: планируется, что к маю издание альбома, подготовленного к прошлогоднему 10-летию НСБ, выйдет из печати.

Переплеты различных экземпляров книги-альбома Бориса Григорьева «Расея» (Пб., 1918)

Главной темой заседания стала русская деревня. Выступивший первым с докладом Леонард Исаакович Чертков продемонстрировал альбом автолитографий Георгия Верейского «Деревня» (Л., 1924), текст к которому написала Ольга Форш. Альбом, изданный тиражом 700 экземпляров, объединил 16 автолитографий: «Село», «Плотина», «Большак», «Мельница» и др. «В литографиях художника царят покой и гармония. Картины Верейского и текст Форш вовсе не совпадают. Когда читаешь текст, на ум приходит книга, вышедшая за шесть лет до появления альбома», — заметил библиофил. И Леонард Исаакович про-

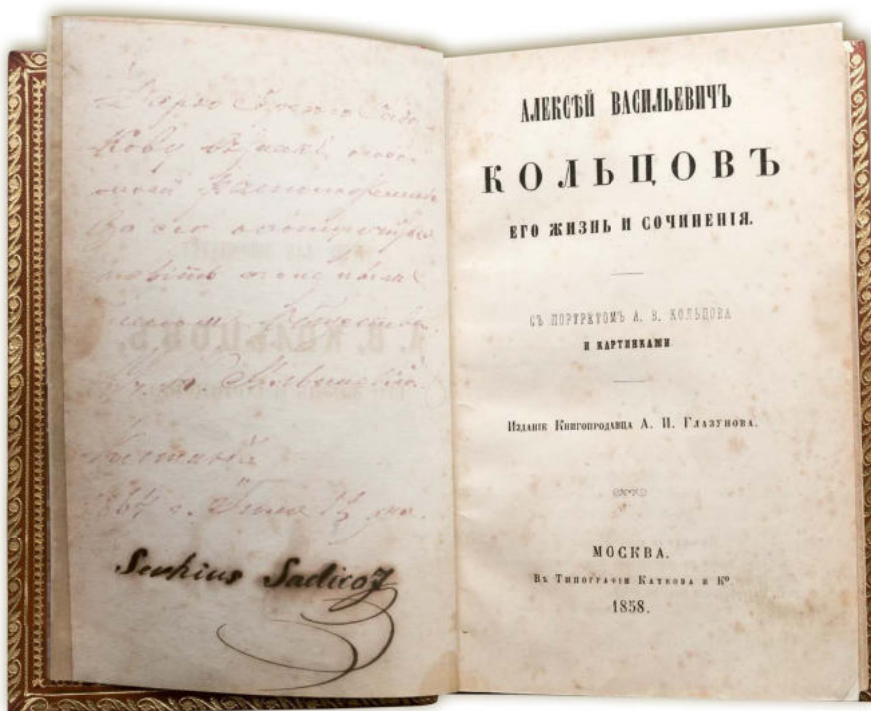
демонстрировал эту книгу-альбом Бориса Григорьева «Расея» (Пб.: Изд-во В.М. Ясного; тип. Р. Голике и А. Вильборг; 1918). В 1917–1918 годах Борис Григорьев создал серию карандашных рисунков, посвященных русской деревне. Они, дополненные его живописными полотнами, выставлялись в салонах «Мира искусства».

Девять картин и 60 рисунков раскрывали образ мрачной России, которая не была запечатлена на полотнах ни Венецианова, ни Нестерова, ни Судейкина. Григорьев изобразил отдаленные уголки Петроградской и Олонецкой губерний, где вся атмосфера была пропитана духом патриархальной старины. Помимо иллюстраций в книгу вошли тексты Николая Радлова, Павла Щеголева и самого художника. Второе издание с некоторыми доработками и в новом переплете появилось после эмиграции художника, уже в Берлине в 1922 году. В СССР же альбом восприняли негативно, и он попал под запрет до 1989 года.

Альбом 1918 года вышел тиражом 750 экземпляров, 50 из них были обозна-

Александр Юрьевич Самарин

Титульный разворот книги «Алексей Васильевич Кольцов, его жизнь и сочинения» (М., 1858)

чены римской цифрой и не предназначались для продажи. Переплет его оклеен бумагой двух сортов: один (более редкий) имитировал рогожу, второй — яркий ситец. В коллекции Леонарда Исааковича находится экземпляр № 42 из особой части тиража. В коллекции Михаила Вадимовича оказалось несколько изданий «Расеи», однако это экземпляры с арабской нумерацией. На заседании перед членами клуба открылась отличная панорама: на столе выстроились экземпляр в рогоже и два в картонажном переплете.

Михаил Вадимович намекнул коллеге на «обмен, не глядя»: «У меня экземпляр № 670. Хороший номер!» — «Поэтому вам лучше оставить его себе», — не остался в долгу Леонард Исаакович. Библиофилы сравнили особый экземпляр с обыкновенными и убедились, что в одних изданиях иллюстрации наклеивались на обои, в других на обычную бумагу.

Вдоволь налюбовавшись изданиями «Расеи», слово взял Борис Абрамович Хайкин. Он рассказал о двух поэтах, которые «писали о деревне, и писали очень хорошо». Первый из них, Алексей Кольцов, — уникальная фигура в истории. Он интересен тем, что окончил всего один класс и был самоучкой. Кольцов шлифовал свое мастерство благодаря книге «Рапсодия» с правилами стихосложения, которую подарил ему местный книгопродавец.

Критик Николай Добролюбов в книге «Алексей Васильевич Кольцов, его жизнь и сочинения» (М., 1858) отмечал: «...в его произведениях много таких достоинств, которые высоко ценятся во всяком поэте, каково бы ни было его происхождение. Поэтому его никак нельзя сравнивать с другими крестьянами-стихотворцами, которых у нас было также немало <...> Они [стихи Кольцова] были

Обложка рукописной книги С.Д. Дрожжина «От берегов Волги. Из песен старого пахаря» (Низовка, 1921)

бы замечательным, необыкновенным явлением даже и в том случае, если бы их написал и не простолюдин, а поэт, получивший самое полное образование». В это издание с обширным предисловием вошли 17 стихотворений Алексея Кольцова, сопровождаемые яркими хромолитографиями.

На экземпляре Бориса Абрамовича Хайкина есть любопытная дарственная надпись, датированная 1864 годом: «Дарю Сергею Садикову в знак особой моей расположенности за его охоту учиться и быть полезным членом общества. Учитель Ильинский».

Затем Борис Абрамович обратился к творчеству поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина и продемонстрировал конволют сборников с автографами. В него вошли издания разных лет, в том

числе и рукописные книги, которые Дрожжин писал сам, так как не имел возможности печататься.

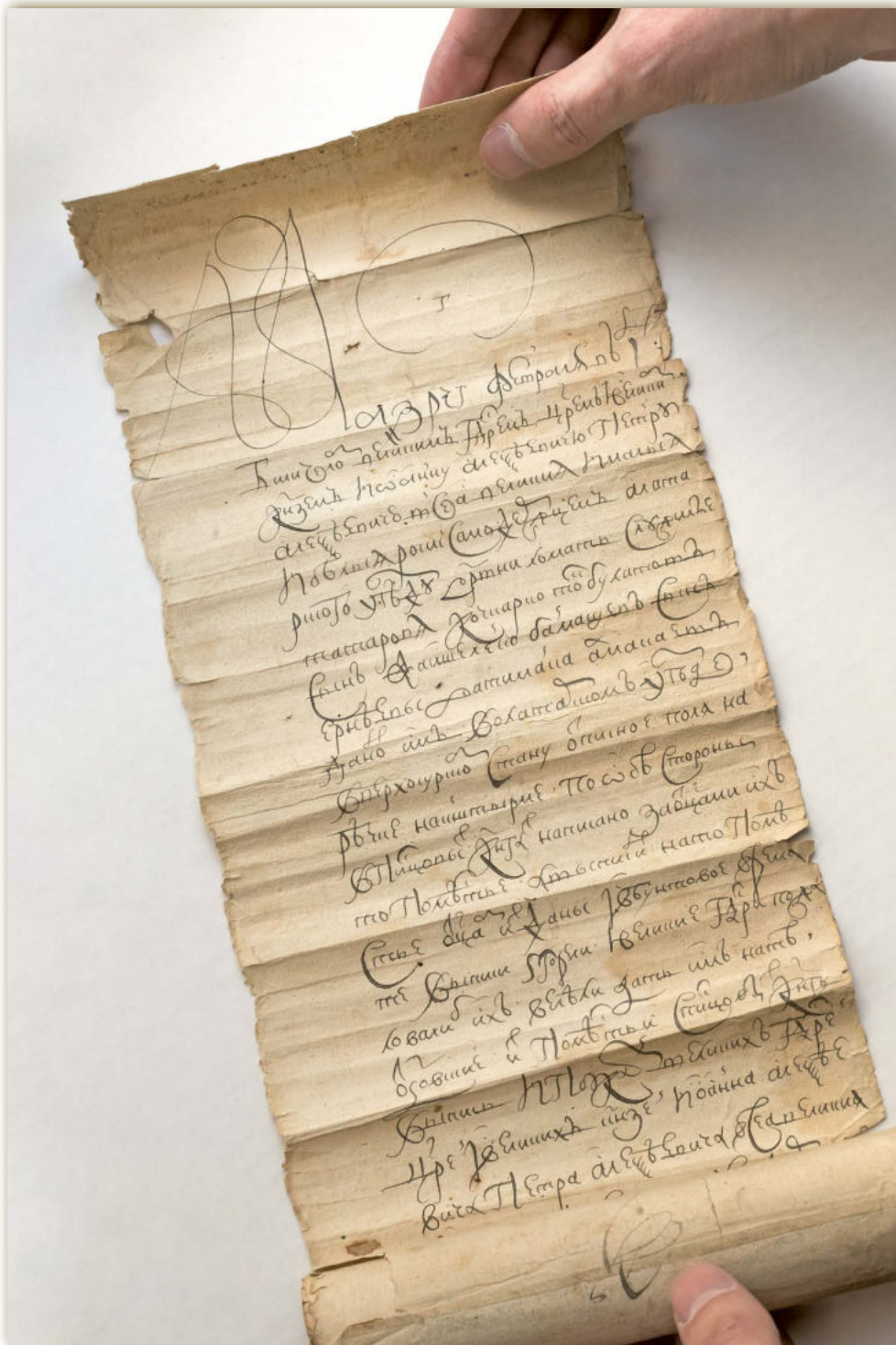
Роман Андреевич Лизогубов рассказал о любопытных находках, связанных с темой заседания. Одна из них — пряничная доска второй половины XIX века с очень редким сюжетом — азбукой, буквы которой на самих пряниках отражались зеркально. Затем библиофил продемонстрировал коллегам свиток XVII века — образец делопроизводства на Руси. «В 1685 году служилые люди (татары) из деревни Ломать Алатарского уезда подали челобитную на имя царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, которые повелели дать им выписку из писцовых книг (взамен утраченных документов). Этот свиток — то, что было изготовлено по велению царей. Госуслуги образца 1685 года», — пояснил Роман Андреевич. Библиофил отметил, что прелесть этого экземпляра в его полноте: зачастую такие документы доходят только обрывками.

Юрий Алексеевич Ростовцев познакомил коллег с книгами писателей-деревенщиков из своего собрания. «Этот «цветок деревенщины» посадил, согласно моей концепции, Федор Абрамов», —

Пряничная доска с азбукой. Вторая половина XIX века

Рукописный свиток конца XVII века

Юрий Алексеевич Ростовцев

поделился библиофил и показал дебютный роман Абрамова «Братья и сестры», который впервые опубликовали в 1959 году в «Роман-газете». Библиофил отметил, что бессознательным талантом любви к Родине обладали также коллеги Абрамова — Николай Рубцов и Василий Шукшин.

Продемонстрировал Юрий Алексеевич и богатую подборку фотографий писателей, а также изданий повестей, романов и рассказов Федора Абрамова, Василия Белова, Виктора Астафьева, Василия Шукшина и Николая Рубцова. К слову, одна дарственная надпись, которую Федор Абрамов оставил коллекционеру, гласит: «Стучитесь в мой дом!» Юрий Алексеевич признался, что не понял тогда смысла этого автографа, так как роман «Дом» (четвертый роман тетралогии «Братья и сестры») тогда еще не был написан.

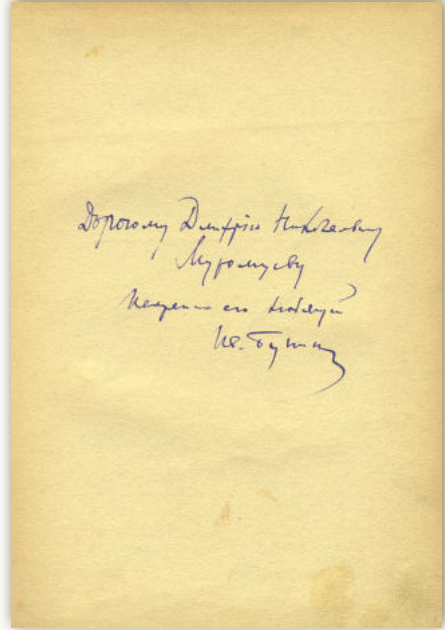
Представил библиофил и особый раритет — неизвестную рукопись Астафьева, которая хранится в его в собрании.

Сергей Владимирович Смирнов начал свой доклад с рассказа об издании романа Михаила Шолохова «Поднятая целина» (М.: Федерация, 1932) с иллюстрациями Сергея Герасимова. Тираж издания составил 10 тысяч экземпляров. Книга в суперобложке, которую продемонстрировал коллегам Сергей Владимирович, встречается редко. Библиофил напомнил, что произведение называлось «С кровью и потом». Название решили изменить в издательстве журнала «Новый мир», где первую часть романа публиковали с продолжением в восьми номерах.

Сергей Владимирович также представил агитпозму в стихах Мориса Долинова

Сергей Владимирович Смирнов

*Переплет книги И.А. Бунина «Деревня» (М., 1910).
Дарственная надпись И.А. Бунина Д.Н. Муромцеву на авантителе экземпляра из собрания
М.В. Сеславинского*

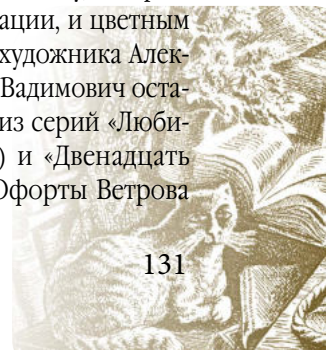
«Федот да не тот». В центре сюжета — путешествие летчика и пролетария Федота. Они отправляются из деревни Неумытая, чтобы набраться опыта в других странах, однако видят там лишь разруху. Завершил свой доклад библиофил рассказом о книге Евгения Шварца «Петька-Петух, деревенский пастух» (Л.: Радуга, 1929) с рисунками Зинаиды Астапович, ученицы Билибина.

Гарольд Давидович Злочевский познакомил коллег с библиофильским изданием альбома Георгия Крескентьевича Лукомского «Москва и деревня в гравюрах и литографиях, 1800–1850» (Берлин: Е.А. Гутнов, 1922). Участие в его создании приняли три художника: Борис Зворыкин, Борис Гроссер и Иван Билибин. Иллюстрации сопровождаются текстом Лукомского, статьями Александра Дроздова и Сергея Горного. Книга была издана ограниченным тиражом. Гарольд

Давидович пришел к выводу, что тираж составил 1 000 экземпляров.

Заседание завершилось выступлением Михаила Вадимовича Сеславинского. Сначала он обратился к знаковому произведению Ивана Бунина «Деревня» (М.: Моск. кн. изд-во, 1910). На авантителе экземпляра из собрания библиофила есть дарственная надпись автора, адресованная брату Веры Николаевны Буниной: «Дорогому Дмитрию Николаевичу / Муромцеву / Искренне его любящий / Ив. Бунинъ».

Далее докладчик уделил внимание русскому художнику-графику и иллюстратору Федору Рожанковскому, который с 1925 года жил в эмиграции, и цветным офортам современного художника Александра Ветрова. Михаил Вадимович остановился на его работах из серий «Любимое время года» (1997) и «Двенадцать месяцев года» (1996). «Офорты Ветрова

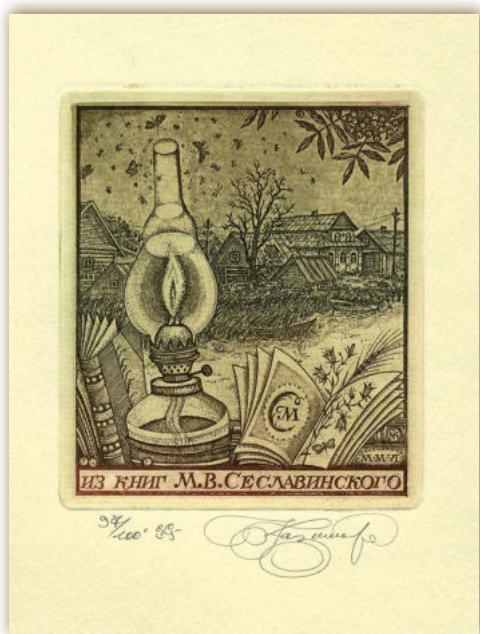

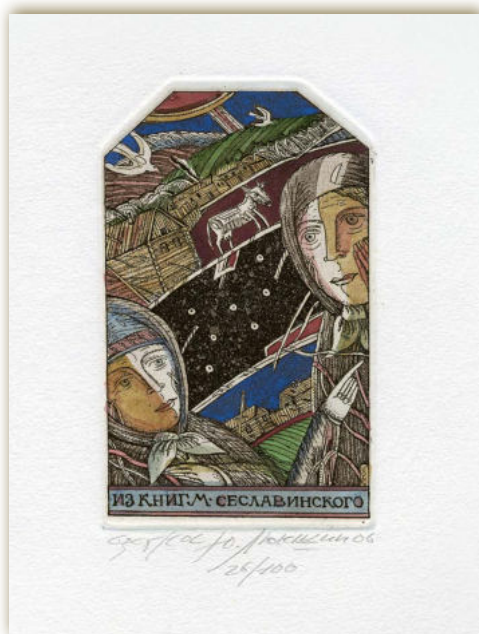
Т.А. Козьмина. Экслибрис М.В. Сеславинского.
Мотив русской деревни летом

Т.А. Козьмина. Экслибрис М.В. Сеславинского.
Русская деревня зимой

Н.И. Казимова. Экслибрис М.В. Сеславинского.
Деревенский мотив

Ю.К. Лукишин. Экслибрис М.В. Сеславинского.
Деревенский мотив

Ф.С. Рожанковский. Русский мотив. Бумага на картоне, графитный карандаш, тушь, перо, кисть, акварель, белла. Начало 1940-х годов

Камин с изразцами на деревенские темы в квартире М.В. Сеславинского

проникнуты истинной любовью к русскому лирическому философскому пейзажу», — отметил Михаил Вадимович.

«Мотив русской деревни для меня очень близок», — признался библиофил и рассказал, что нескольким художникам он заказывал тематические экслибрисы, просил, чтобы композиция рисунка формировалась как «взгляд из окна». Михаил Вадимович отметил, что удачными оказались работы Нины Казимовой «Деревенский мотив» и Татьяны Козьминой «Мотив русской деревни летом» и «Русская деревня зимой». Еще один офорт на эту тему выполнил Юрий Люкшин.

Завершил свое выступление председатель НСБ демонстрацией изображений изразцов камин в его московской квартире, выполненных на деревенские темы по его рисункам, эскизным наброскам и по придуманным им сюжетам.

Ильдар Ибрагимович Галеев и Михаил Вадимович Сеславинский

* * *

17 апреля члены клуба «Библиофильский улей» посетили экспозицию «Два юбилея — два собрания» в Галеев-галерее, посвященную значимым датам — 150-летию со дня рождения Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой и 130-летию со дня рождения Владимира Васильевича Лебедева.

Председатель НСБ Михаил Вадимович Сеславинский рассказал, что идея организовать выставку пришла к нему спонтанно, всего три недели назад. «С Ильдаром Галеевым мы придумали камерную концепцию: два юбилея — два собрания. Здесь представлены экспонаты из наших коллекций».

Ильдар Ибрагимович Галеев отметил: «В нашем деле спонтанность — великая вещь. Просто невозможно было не отреагировать на предложение Михаила Вадимовича.

Сработал инстинкт, но не самосохранения, а продолжения жизни».

Экскурсия по выставке началась со знакомства с документами, связанными с Анной Петровной Остроумовой-Лебедевой. «Анна Петровна — интереснейший объект для исследования во многих смыслах. Например, для историков, исследующих русское искусство и гендерные темы, это абсолютная находка, так как женщина в искусстве на рубеже XIX–XX веков — явление уникальное», — отметил Ильдар Галеев. Дело в том, что Остроумова-Лебедева поступила в Академию художеств вскоре после того, как женщинам в принципе позволили там обучаться.

Достижения Анны Петровны настолько велики, что Михаил Флекель назвал книгу, посвященную исследованию истории и техники гравюры, «От Маркантонио Раймонди до Остроумовой-Лебедевой».

Анна Петровна пробовала себя в разных видах изобразительного искусства — от гравюры до живописи. К ее персоне проявляли интерес ее младшие современники, среди которых был известный историк искусства, библиофил Петр Евгеньевич Корнилов. На одной из фотографий, представленных в экспозиции, Остроумова-Лебедева и Корнилов запечатлены за беседой в графическом кабинете Русского музея. Здесь же представлена фотография Анны Петровны, Петра Евгеньевича и Николая Васильевича Синицына, представителя следующего поколения исследователей истории гравюры и творчества Остроумовой-Лебедевой. К слову, Синицын, портрет которого можно увидеть в экспозиции, сыграл важнейшую роль в популяризации творчества Анны Петровны.

Выставку, отметил Ильдар Галеев, обогащают также оригиналы ее писем, адресованных различным деятелям культуры.

В экспозицию вошли произведения Анны Петровны, выполненные в разных техниках. Так, тут можно было увидеть работу «Кипарисы» (1905), нарисованную угольным карандашом. Картина имеет необычный для Остроумовой-Лебедевой большой формат: художница предпочитала камерные формы, так как была близорука. Представлены были и редкие масляные полотна Анны Петровны — часто обращаться к масляным краскам ей не позволяла астма.

В экспозиции в хронологии были представлены открытки по мотивам гравюрных произведений Остроумовой-Лебедевой в технике ксилографии и литографии: от «Общества Святой Евгении» до блокадных литографских оттисков. Ильдар Галеев признался, что ему особенно нравятся открытки, на которых запечатлены архитектурные сюжеты

Валерий Васильевич Манукян

конструктивистского Ленинграда 1930-х годов. Петроград всегда был городом, который вдохновлял художницу. Искусствовед процитировал вице-президента Российской академии художеств Дмитрия Швидковского: «Мы знаем Рим Пиранези, мы знаем Венецию Каналетто, мы знаем Петербург Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой».

В Париже Анна Петровна обучалась у Джеймса Уистлера, поэтому отчасти некоторые из вошедших в экспозицию произведений Остроумовой-Лебедевой инспирированы «уистлеровским» пониманием гармонии, пластики, цветового распределения.

Ильдар Галеев обратил внимание коллег на отдельные печатные издания, представленные на выставке. Среди них оформленные Остроумовой-Лебедевой журналы, автобиографические записки, книги, а также знаменитый альбом

Ярослав Николаевич Костюк у портрета работы Зинаиды Серебряковой

Георгия Верейского с ранним портретом Анны Петровны.

Внимание собирателей привлекли также экспонирующиеся подписные оттиски, цветные ксилографии Анны Петровны, представлявшиеся на выставке «Мира искусства» в 1916 году.

У Анны Петровны было богатое собрание. Художница не коллекционировала работы специально, лишь приобретала то, что ей нравится. Позже ее собрание перешло в Русский музей (около 200 работ) и в коллекции Корнилова и Синицына. На выставке представлена изумительная пастельная работа Зинаиды Серебряковой с автографом автора: «Дорогой Анне Петровне в знак почтения...», которую Остроумова-Лебедева подарила позже Петру Евгеньевичу.

Восхитил гостей потрет собаки, выполненный Анной Петровной на японской бумаге в технике ксилографии.

Присутствующие были единогласны, что это одно из самых красивых изображений пса, выполненных в XX веке.

Среди экспонатов можно было увидеть карандашный портрет Анны Петровны (1919), выполненный художником-карикатуристом Александром Юнгером, который работал и в журнале «Сатирикон». По словам Ильдара Галеева, его работы редко встречаются в государственных и частных собраниях. «Сатирикон» стал своеобразным связующим звеном между Анной Петровной и вторым героем экспозиции — Владимиром Лебедевым.

Ильдар Галеев отметил, что два героя, которым посвящена экспозиция, друг от друга максимально далеки. Взять хотя бы их происхождение: Анна Петровна происходит из семьи сенатора, а Владимир Лебедев — сын механика. И даже исповедуя разные стили и направления,

Владимир Гурьевич Беликов

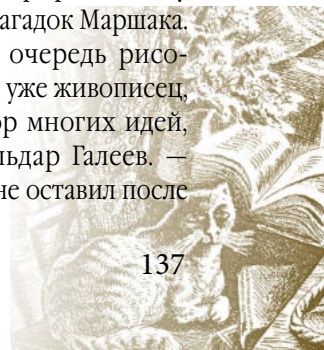
в «табеле о рангах» в русском искусстве они стоят бок о бок.

Искусствовед отметил, что некоторые издания, представленные в экспозиции, достаточно редко встречаются на рынке. Например, издание Русского музея «Графика из собрания ГРМ» (Palace edition, 1994) было изъято из продажи, так как там оказались сомнительные по происхождению работы Лебедева. Среди редких изданий также оказались книга «Wladimir Lebedew und die Russische avantgarde» (Basel, 2004) и каталоги выставок Лебедева в Ленинградском отделении Союза советских художников в 1920-е годы.

Ильдар Галеев обратил внимание коллег на оттиски иллюстраций из журналов «Бегемот» и «Смехач» (1925). «Их ценность в том, что оригиналов нет вообще», — отметил он. Представленные сюжеты остались лишь на страницах журналов в печатном виде.

У Владимира Васильевича не было художественного академического образования. За его плечами — школа Михаила Бернштейна. Но какая! Школа, которая воспитала видных авангардистов того времени. Свой творческий путь Лебедев начал в журнале «Сатирикон», поступив на работу в девятнадцать лет. Художник откликнулся на события непростого времени и проявил себя очень ярко. Откликом власти, не терпевшей незаурядных независимых людей, стала представленная на выставке статья «О художниках-пачкунах» (Правда.1936, 1 марта), в которой удар был нанесен по Лебедеву, проиллюстрировавшему книжку сказок, песен и загадок Маршак.

«Лебедев в первую очередь рисовальщик и только потом уже живописец, мастер книги, генератор многих идей, педагог, — отметил Ильдар Галеев. — Есть одно «но»: Лебедев не оставил после

Александр Сергеевич Сигов с супругой

себя текстов. Он был скуп до публичных выступлений, не писал статей, а просто делал свое дело».

Лебедев — один из самых плодотворных художников книги: детской и для взрослых. Первой самостоятельно оформленной книгой Владимира Васильевича стало издание Вальтера Скотта «Айвенго» (Пг.: Парус, 1918). Эту работу он выполнил по инициативе Зиновия Гржебина, благодаря которому раскрылся «книжный» талант Лебедева. Позже мастер книги работал в изданиях «Эпоха», «Радуга», возглавлял художественную редакцию детского отдела Госиздата.

Ильдар Галеев подробно остановился на эскизах живописных работ, сделанных Владимиром Васильевичем. Искусствовед поделился, что ему довелось держать в руках блокнот, который художник подарил своему ученику. В блокноте Лебедев делал зарисовки с натуры и обязательно записывал телефоны великого

множества своих натурщиц. «Потому мы можем судить о широте его интересов и знакомств, — отметил искусствовед. — В его блокноте прекрасны комментарии. Одну из работ он назвал «Сестра косоглазки». А на другом эскизе красным карандашом подписал: «Жалею». Можно только догадываться, о чем так жалел художник».

Ильдар Ибрагимович напомнил, что в 1941 году Владимир Лебедев уезжает из Ленинграда, чтобы поселиться в Москве. Затем художник уехал в глубь страны и стал сотрудником журнала «Мурзилка». «О его работе в «Мурзилке» не написано ничего», — поделился Ильдар Галеев и представил два номера журнала 1942 и 1943 годов. Эти сюжеты, среди которых футбольный матч, не публиковались больше нигде. Искусствовед предположил, что отправленные в редакцию «Мурзилки» работы Лебедева

Михаил Михайлович Столяров

просто терялись там и потому не осталось каких-либо упоминаний об этой деятельности художника.

Владимир Васильевич Лебедев был человеком крайне закрытым. В художественном мире он не доверял никому, кроме Николая Николаевича Пунина. И только с его учеником, Всеволодом Николаевичем Петровым, Лебедев согласился поговорить о своем творчестве. При этом стеснялся своих ранних работ. Ильдар Галеев пояснил: «Он был настолько напуган расправой, случившейся с ним в 1936 году, что это отбило у него желание общаться с кем бы то ни было».

На выставке были представлены также проиллюстрированные Лебедевым книги «Слоненок» (Пг.: Эпоха, 1922), «Заяц, петух и лиса» (1924), редкое издание «Лев и бык» (Пг.: Огни, 1918), «Как рубанок сам сделал рубанок» (Л.: Радуга, 1927), а также экстравагантное издание «Приключения Чуч-ло» (Пб.: 15 Гос. тип. Голике и Вильборг; Эпоха, 1922). Книга была сделана по всем правилам и принципам детского футуризма. Ильдар Галеев также рассказал о своей любимой книге без слов — silent book — «Верхом» (М.; Л.: ГИЗ, 1928).

Уникальным экспонатом на выставке стала проиллюстрированная Владимиром Лебедевым книжка Самуила Маршак «Сказки, песни, загадки» (Academia, 1935), которая уже упоминалась в связи с разгромной статьей в «Правде». «Говорят, было сохранено 50 экземпляров. Однако «железобетонно» установлено местонахождение всего четырех из них», — подчеркнул искусствовед.

Книга стоит особняком не только в творчестве Лебедева, но и в искусстве книги вообще. В этом уникальном издании Лебедев решал свою сверхзадачу. Ни один разворот книги не остался без

Владимир Евгеньевич Лаврушин

иллюстрации, всего их больше 200: цветные, черно-белые, штриховые рисунки. В это издание художник вложил весь свой талант. Но публикацией «О художниках-пачкунах» власть преградила ему дорогу в искусство, и это подействовало на Лебедева деморализующе: он ушел в себя, уже не было надежды на новые выставки. На защиту Лебедева вопреки «генеральной линии партии» тогда встал только один человек — Николай Тырса.

Стоит заметить, что от хвалебных статей начала 1930-х годов публикацию в «Правде» отделяют всего несколько лет. «Это один из примеров того, как тоталитарная власть распоряжается судьбами художников и решает, что можно, а чего нельзя», — отметил Ильдар Галеев.

Обсуждение этой темы продолжилось на дружеском обеде в Сытинском переулке.

*Подготовила
Мария Воронова*

XII Общее собрание региональной общественной организации «Национальный союз библиофилов» в Истре

28–29 мая 2021 года в подмосковной Истре состоялось XII Общее собрание российской общественной организации «Национальный союз библиофилов» (НСБ), в котором приняли очное участие 24 члена НСБ из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Орла, Миасса, Екатеринбурга, Красноярска и Киева, около 15 гостей. Собрание проходило в очно-заочной форме, часть библиофилов смотрели трансляцию заседания на домашней странице союза в социальной сети Фейсбук.

Открыл заседание председатель Совета НСБ Михаил Сеславинский, начав рассказ с отчета о работе официального клуба союза «Библиофильский улей». За истекший период времени, с декабря 2020 по май 2021 года, состоялось пять заседаний. Три из них прошли в режиме скайп-конференции, одно в очном формате, а еще одно было выездным:

19 декабря — «Находки 2020 года» (по скайпу)

16 января — «Научные издания и книги о науке в моей библиотеке» (по скайпу)

20 февраля — «Украиника» в моем собрании. К 150-летию Леси Украинки» (по скайпу)

20 марта — «Русская деревня в моем собрании»

17 апреля — «Два юбилея — два собрания: к 150-летию А.П. Остроумовой-Лебедевой и 130-летию В.В. Лебедева. Графические работы из собраний

Ильдара Галеева и Михаила Сеславинского» (выездное заседание)

Публикации о заседаниях клуба «Библиофильский улей» и работе Национального союза библиофилов регулярно появлялись на страницах «НГ-Exlibris», а также в «Литературной газете» и «Ведомостях».

За полгода, прошедших с XI Общего собрания, вышли в свет: № 55–56 журнала «Про книги», № 25 «Невского библиофила», XVI выпуск альманаха «Библиофилы России» и несколько отдельных оттисков, один из которых был посвящен 80-летию А.Н. Громова.

Кроме того, у членов НСБ вышли книги, среди которых можно отметить следующие: «За двадцать лет. Из записей книжного старателя» Я.И. Бердичевского (в великолепном полиграфическом исполнении), «Люди и книги: Библиофильские страницы» Г.Д. Злочевского; в издательстве «КЛЕО» стараниями Л.Л. Колпахчиева в его «фирменном» оформлении вышел сборник «Марина Бокариус. Воспоминания и статьи» Л.Л. Колпахчиева и сборник рассказов и повесть «Когда-то в городе Горьком» О.А. Рябова.

Особого внимания заслуживает выход в свет долгожданного юбилейного альбома «Славное десятилетие. Национальный союз библиофилов в портретах и событиях. 2010–2020» — первого столь масштабного издания о жизни библиофилов, работа над которым велась в течение нескольких лет. Его

составителем и автором вступительной статьи стал М.В. Сеславинский. Редактором выступила Е.Ю. Кораблева, а издателем — М.М. Столяров. Альбом родился в непростых условиях. И дело не только в беспрецедентном объеме представленного материала, но и в человеческом факторе. В самый разгар работы М.М. Столяров перенес заболевание COVID-19 в достаточно тяжелой форме, был вынужден лечиться в больнице и затем постепенно восстанавливаться. Так что в создание фолианта вложены не только души и знания его создателей, но также здоровье и сила воли.

В своем докладе председатель НСБ остановился также на работе сайта Национального союза библиофилов. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года его посещаемость стала несколько меньше и составила 21 732 посещения, что на 283 посещения ниже. Однако несмотря на это увеличились заходы на сайт посетителей из США, Украины, Германии, Казахстана, Латвии и Канады. В России лидерами по посещаемости по традиции стали Москва и Московская область — 7218 визитов. На втором месте — Санкт-Петербург и Ленинградская область — 1966 визитов. Остальные регионы значительно уступают им.

Завершив свой доклад, Михаил Вадимович передал слово исполнительному директору НСБ Борису Абрамовичу Хайкину, который выступил с отчетом о финансовом положении организации. Отчеты были утверждены единогласно.

С сообщениями о работе библиофильских клубов в Санкт-Петербурге

и Московского клуба библиофилов выступили А.Ю. Дорошин и Л.И. Чертков.

В этот же день прошел круглый стол «Храмы и усадьбы Подмосковья в библиофильских собраниях», на котором председатель НСБ рассказал о двух выпусках «Русской старины в памятниках церковного и гражданского зодчества». Это первое в России издание, специально посвященное публикации памятников древнерусской архитектуры. Немалую роль в его появлении сыграла политика императора Николая I, «по высочайшему повелению» которого было собрано, зарисовано и описано множество памятников древнерусской художественной культуры. Отдельные тетради «Русской старины...» стали выходить в свет в 1846 году, после чего выдержали три переиздания, последнее из которых увидело свет в 1860 году. Автор-составитель выпусков А.А. Мартынов писал: «...Не любопытно ли и вместе с тем не поучительно ли знать, как возникла архитектура в нашем Отечестве? Какой был ее ход, развитие, ее действие и успехи?»

Во второй половине дня библиофилы отправились на экскурсию в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, где познакомились с его историей и узнали много интересных подробностей о жизни и судьбе его основателя — патриарха Никона.

На следующий день состоялся традиционный дружеский аукцион из собраний библиофилов и торжественный ужин, приуроченный к окончанию официальной части мероприятия.

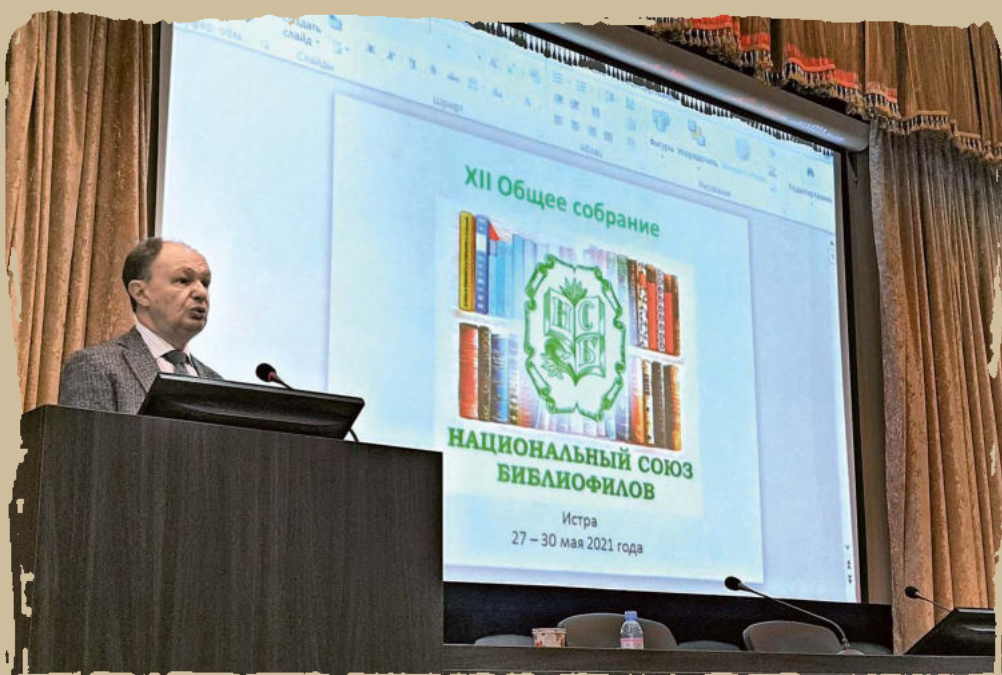
Сергей Трубачев

Фотоотчет о XII Общем собрании членов НСБ в Истре¹

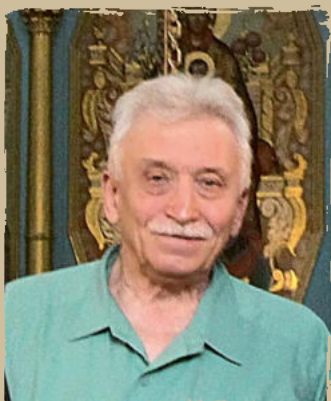

Участники и гости XII Общего собрания НСБ

Выступает председатель НСБ М.В. Сеславинский

¹ Фотографии И.В. Быкова, Р.А. Лизогубова, Е.В. Матвеевой, А.Г. Суворова и Л.И. Черткова

А.Ю. Дорошин

Б.А. Хайкин и Р.А. Лизогубов

В.В. Манукян

Л.И. Чертков

С.А. Трубачев и В.Е. Лаврушин

Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря

Л.Л. Колтахчиев

Я.Н. Костюк

И.В. Бьков и П.П. Медведев

М.М. Сталаров и О.А. Галубева

Л.Г. Ларионова и Е.В. Матвеева

Участники и гости XII Общего собрания членов НСБ на экскурсии

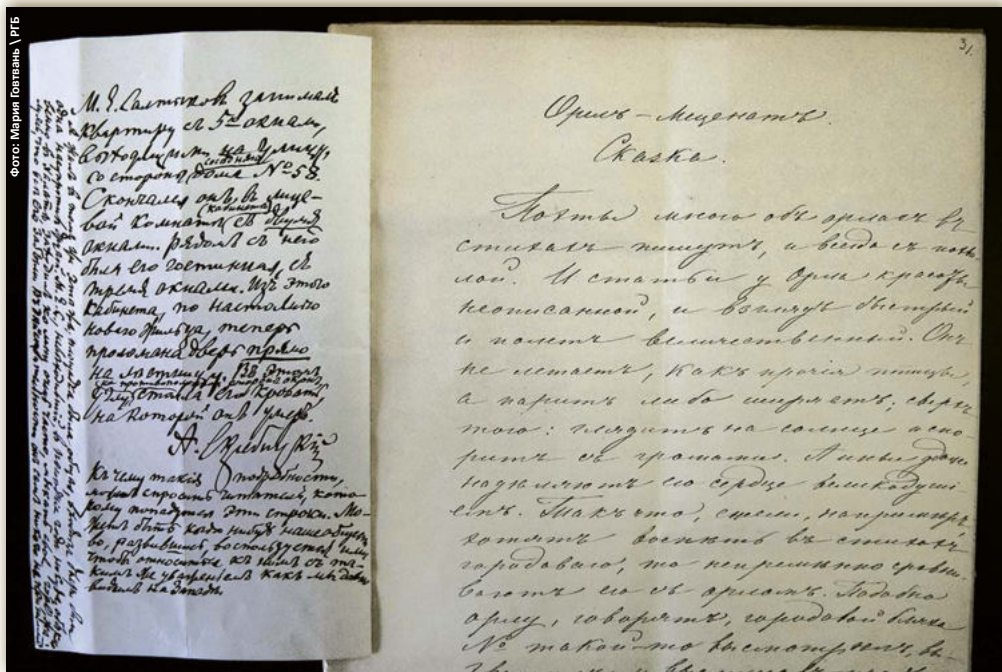
Книжные ПРОИсшествия

Выст вки Российской госуд рственной библиотеки

С 21 января по 27 февраля 2021 года в Румянцевском читальном зале РГБ прошла выставка «Творчество Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина и развитие сатирического жанра в русской литературе XIX века», приуроченная к 195-летию со дня рождения писателя.

Выставку, посвященную развитию сатирического жанра в русской литературе, открывали автографы произведений великих предшественников Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина — Николая Васильевича Гоголя «Шинель»,

«Записки сумасшедшего», Федора Михайловича Достоевского «Скверный анекдот», «Господин Щедрин или раскол в нигилистах», Александра Сергеевича Грибоедова и Петра Андреевича Вяземского «Кто брат? Кто сестра? или Обман за обманом», Владимира Ивановича Даля «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» с 52 рисунками пером и 49 гравюрами на меди Андрея Сапожникова. Сам Михаил Евграфович считал, что одно из первых его произведений, «Запутанное дело», написано под сильным влиянием «Шинели» Николая Васильевича Гоголя и «Бедных людей» Федора Михайловича Достоевского.

Список сказки «Орел-меценат» с подлинника рукой Марии Семеновны Скребицкой. РГБ

*В.В. Матэ. Портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина.
Офорт. 1880-е*

В первом разделе выставки были представлены также черновые автографы творческих рукописей Салтыкова-Щедрина «Мнения знатных иностранцев о помпадурях», отрывок статьи-рецензии «О русской правде и польской кривде», отрывок статьи «Завещание моим детям», список сказки «Орел-меценат» с подлинника рукой Марии Семеновны Скребицкой, хозяйки дома в Петербурге, где жил писатель на протяжении четырнадцати лет.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в 1848 году за вольнодумные настроения и публикации был сослан в Вятку, где занимал должность старшего чиновника особых поручений при Вятской губернии. По возвращении из ссылки писатель был причислен к Министерству внутренних дел, занимал должности вице-губернатора

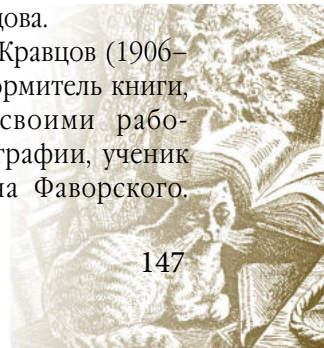
Рязани в 1858 году и Твери в 1860 году. Его общественная и творческая жизнь отразилась в переписке, представленной на выставке: в письмах Сергею Тимофеевичу Аксакову, произведения которого оказали влияние на творчество Салтыкова-Щедрина, врачу и общественному деятелю Николаю Андреевичу Белоголовому, писателю Константину Андреевичу Буху, редактору «Русской мысли» Виктору Александровичу Гольцеву, издателю журнала «Атеней» Евгению Федоровичу Коршу, редактору «Отечественных записок» Григорию Захаровичу Елисею, писателям Дмитрию Наркисовичу Мамину-Сибиряку, Николаю Алексеевичу Некрасову. Не меньший интерес представляют и ответные письма Михаилу Евграфовичу от Алексея Николаевича Плещеева, Григория Захаровича Елисея, Павла Васильевича Анненкова, Глеба Ивановича Успенского.

Один из разделов выставки был посвящен литературной оценке творчества писателя такими известными политическими деятелями, как Пантелеймон Николаевич Лепешинский, Мария Моисеевна Эссен, Николай Леонидович Мещеряков, принимавшими участие в издании полного собрания сочинений сатирика в 1933 году.

* * *

С 21 января по 31 марта 2021 года в экспозиции Музея книги Российской государственной библиотеки прошла очередная выставка из цикла «Художник и книга», посвященная творчеству Гершона Абрамовича Кравцова.

Гершон Абрамович Кравцов (1906–1981) — художник-оформитель книги, график, известный своими работами в технике ксилографии, ученик Владимира Андреевича Фаворского.

Фрагмент экспозиции выставки, посвященной творчеству Гершона Абрамовича Кравцова в РГБ

В 1929 году он окончил рабфак при Вхутемасе, а в 1935 году Московский институт изобразительных искусств (бывший ВХУТЕИН).

Коллекция работ художника в собрании Музея книги — одна из самых многочисленных, она насчитывает более тысячи единиц хранения. Это не только авторские оттиски, но и гравированные доски, а также множество подготовительных материалов, макеты книг, созданные Кравцовым в процессе работы над заказами, и мемориальные предметы.

Кравцов известен в первую очередь как мастер экслибриса, а его работы как художника книги часто остаются в тени. Замысел выставки родился в процессе исследования коллекции графики художника, и целью ее стало показать работу по оформлению книги — от первых набросков до готового издания.

В экспозиции были представлены книги, о которых достоверно известно, что над ними работал Кравцов, и дающие наилучшее представление о стиле и характере работ художника.

Тем не менее существуют издания, в выходных данных которых автор-

ство Кравцова не указано. В процессе изучения коллекции это авторство было установлено благодаря сохранившимся подготовительным материалам. Так, на выставке демонстрировалось издание «Трагедий» Софокла, художником-оформителем которого значится Михаил Иванович Пиков, также ученик Фаворского, но оформлением переплета занимался Кравцов.

Экспозиция была дополнена инструментами и гравированными досками Кравцова, переданными Музеем дочерью художника.

* * *

С 10 марта по 20 мая 2021 года в Румянцевском зале Российской государственной библиотеки была организована выставка «Литературное наследие и жизненный путь Михаила Афанасьевича Булгакова», приуроченная к 130-летию со дня рождения писателя.

На выставке были представлены творческие рукописи писателя, которые соседствовали с книгами из его библиотеки, оригинальными иллюстрациями

к произведениям, фотографиями родственников Булгакова.

Первый раздел выставки был посвящен киевскому периоду творчества писателя. Экспонировались медицинские справочники из библиотеки Булгакова-врача по акушерству, рецептуре и фармакопее с его пометами, которые хранились в Доме Булгакова на Андреевском спуске в Киеве. Отдельного внимания заслуживают первые издания произведений 1920-х годов: повести «Дьяволиада» и «Роковые яйца», напечатанные в альманахе «Недра» в 1924 и 1925 годах, рассказ «Морфий» из «Записок юного врача», опубликованный в журнале «Медицинский работник» 1927 года, парижское издание «Дней Турбиных» 1929 года, автограф фельетона «Торговый ренессанс» 1922 года, описывающий Москву этого периода, фотографии сестер Миха-

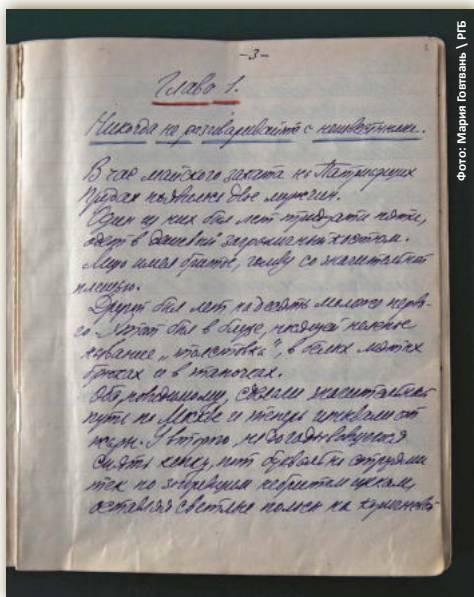
ила Афанасьевича и его первой жены Татьяны.

На выставке можно было увидеть легендарный машинописный экземпляр с авторской правкой повести «Собачье сердце», с посвящением Любви Евгеньевне Белозерской, второй жене писателя; автограф первой редакции пьесы «Кабала святош» 1929 года; уникальную фотографию Михаила Афанасьевича Булгакова в роли судьи в спектакле «Записки Пиквикского клуба»; книгу Диккенса из библиотеки писателя с его пометами; черновые наброски реплик спектакля, характеризующие работу Михаила Афанасьевича над ролью.

«Михаил Афанасьевич Булгаков и театр» — одна из центральных тем выставки. Автографы и машинописные варианты пьес писателя «Иван Васильевич», «Адам и Ева» сопровождали

Фрагмент экспозиции выставки «Литературное наследие и жизненный путь Михаила Афанасьевича Булгакова» в РГБ

Первая страница четвертой редакции романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Вторая половина 1936—1937 годов. РГБ

иллюстрации Татьяны Владимировны Толстой и Юрия Алексеевича Маркова, пьесу «Дон Кихот» дополняет роман Сервантеса с пометами Михаила Афанасьевича. Оперные либретто «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Рашель» — еще одна грань последнего периода творчества писателя 1930-х годов, раскрываемая экспонатами выставки.

«Мастер и Маргарита» — роман, захватывающий воображение читателей. Автографы нескольких эпизодов романа сопровождают иллюстрации Александра Александровича Мелик-Пашаева, сына друга Булгакова, композитора Александра Шамильевича Мелик-Пашаева.

Взаимоотношения Мастера с властью — тема, проходящая через все творчество Булгакова. Автограф пьесы «Пастырь» («Батум»), книга из библиотеки писателя «Батумская демонстрация», письма Булгакова Правительству СССР также были включены в экспозицию.

Отдельная витрина была посвящена памяти писателя. Среди представленных документов — «Завещание» Михаила Афанасьевича Булгакова, «Воспоминания» Любови Евгеньевны Белозерской, фотографии любимых животных Михаила Афанасьевича, его последней квартиры, «Моя жизнь. Рассказ без вранья» — воспоминания Леонида Сергеевича Карума, мужа сестры Михаила Афанасьевича Булгакова Варвары, фотография племянницы Ирины.

* * *

С 6 апреля по 30 июня 2021 года в Музее книги проходила мини-выставка «Драгоценная коллекция»: Платон Петрович Бекетов (1761–1836) и его книга «Собрание портретов россиян, знаменитых...» (1821–1824) из цикла «Выставка одной книги», приуроченная к 260-летию со дня рождения русского издателя и 200-летию выхода в свет первых выпусков его знаменитого труда, отличающегося великолепными гравюрами.

Русский издатель, книгопечатник, историк, коллекционер, председатель Общества истории и древностей российских Платон Петрович Бекетов родился в Симбирске в 1761 году в семье помещика Петра Афанасьевича Бекетова. Учился в Симбирске, Казани и Москве; служил в Семеновском лейб-гвардии полку; выйдя в отставку, поступил в Герольдмейстерскую контору при Правительствующем сенате.

С 1798 года Платон Бекетов жил в Москве, где увлекся коллекционированием и в 1801 году открыл собственную типографию, считавшуюся одной из лучших в Москве. Здесь был напечатан ряд изданий русских авторов, среди которых Ипполит Федорович Богданович, Николай Иванович Гнедич, Васи-

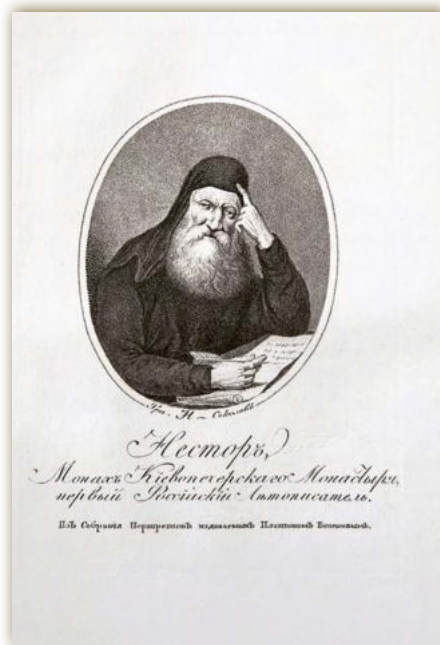
Фото: Мария Голганя / РГБ

Фрагмент экспозиции выставки «Драгоценная коллекция»: Платон Петрович Бекетов (1761–1836) и его книга «Собрание портретов россиян, знаменитых...» (1821–1824) в РГБ

лий Андреевич Жуковский, Александр Николаевич Радищев, Михаил Матвеевич Херасков и другие. В типографии также печатались журналы «Друг просвещения» (1805) и «Роспись книгам, напечатанным иждивением типографии Платона Бекетова» (1806).

Коллекция портретов «выдающихся личностей России», собранная Бекетовым и насчитывающая несколько сотен экземпляров, легла в основу двух его крупных проектов — издания «Пантеон российских авторов» (1801–1802) и сборника «Собрание портретов россиян, знаменитых...» (1821–1824). Первоначально Бекетов планировал выпустить четыре части «Собрания» по 50 гравированных портретов в каждой, однако в свет вышла только первая часть, посвященная деятелям XVII — начала XVIII века.

Занятия иконографией создали Бекетову репутацию ученого, и в 1811 году его избрали председателем Московского

«Нестор, Монах Киевопечерского Монастыря, первый Российский Летописатель». Гравированный портрет из сборника «Собрание портретов россиян, знаменитых...» (1821–1824). РГБ

общества истории и древностей российских. Эту должность он занимал до 1823 года.

На выставке были представлены экземпляры «Собрания» из библиотек русского библиофила и библиографа Сергея Дмитриевича Полторацкого и Козельской Введенской Оптиной пустыни, а также экземпляр в роскошном переплете из красного сафьяна с золотым и блинтовым тиснением, предположительно из императорской или великокняжеской библиотеки.

* * *

7 июля 2021 года в Музее книги РГБ открылась выставка «Галина Андреевна Банникова — автор шрифтов», посвященная 120-летию со дня рождения советского графика и художника шрифта.

Галина Андреевна Банникова родилась в городе Сарапуле Вятской губернии в семье фельдшера. Окончила Сарапульскую женскую гимназию и Ленинградский ВХУТЕИИ, факультет графики. Работала в отделе наборных шрифтов в НИИ «Полиграфмаш».

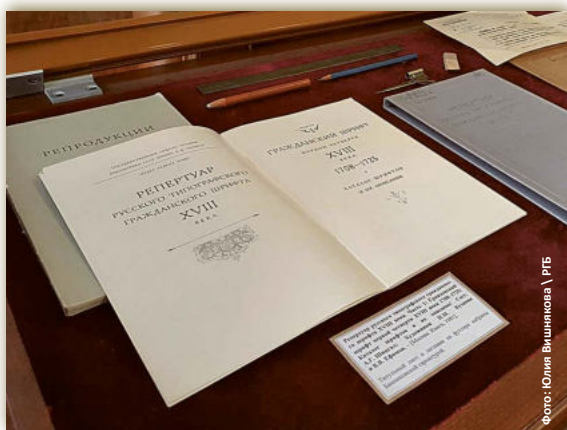
Галина Андреевна Банникова

Банникова — автор шрифтовых гарнитур «Банниковская», «Байконур» («Вторая банниковская»), «Кама», а также автор «многочисленных заголовков, титулов, обложек, серий орнаментированных буквиц и прочих работ для полиграфии. Занималась проблемами сравнительной удобочитаемости шрифтов и различности отдельных знаков и написала несколько теоретических работ по этой теме».

На мини-выставке в Музее книги представлены проспекты отдела новых шрифтов НИИ «Полиграфмаш» шрифтовых гарнитур «Банниковская», «Байконур» и «Кама», издания, набранные «Банниковской» гарнитурой, тезисы доклада Галины Банниковой на секции шрифта и орнамента из коллекции книговеда Алексея Алексеевича Сидорова.

Выставка продлится до 30 сентября.

По материалам сайта rsl.ru

Фрагмент экспозиции выставки «Галина Андреевна Банникова — автор шрифтов» в РГБ

Перспективный план Венеции из первого тома «Атласа городов земного мира» (1572). РНБ

Выставка Российской национальной библиотеки

В Отделе картографии РНБ с 17 марта по 30 мая 2021 года проходила выставка «Планы Венеции в фондах Отдела картографии. К 1600-летию города».

Многовековая история Королевы Адриатики была представлена на картографических материалах XVI–XXI веков. За старинными планами с цветистыми названиями, пышно украшенными и изобилующими сюжетными рисунками, следуют современные туристские карты и путеводители с практическими советами. Большинство представленных произведений — перспективные планы, которые изображают территорию с высоты птичьего полета. Этот картографический прием не теряет актуальности благодаря наглядности и способности создавать яркий и цельный художественный образ городского пространства. Мы видим

город в лагуне на островах, прорезанных каналами и соединенных мостами, его кварталы, дворцы и вертикали колоколен над массивом жилой застройки.

Планы XVI–XVII веков запечатлели сформировавшийся и мало изменившийся с той поры город, некогда мировой центр ремесел, перекресток многих торговых путей, но город, уже переживший апогей своего могущества и славы. Его политический и экономический статус и страсть венецианцев к роскоши выразились в причудливости архитектурного убранства, а природные условия побуждали к поискам наилучших материалов и технологий строительства. Среди экспонатов — красочный план (самый ранний в фонде Отдела картографии РНБ) и виды Венеции из «Атласа городов земного мира». Это второй по времени издания печатный атлас и первый атлас городов в истории мировой картографии. Его создателями

и авторами являлись: теолог Г. Браун, гравёр и издатель Ф. Хогенберг, художник и рисовальщик Г. Хуфнагель и другие. Свыше пятисот вошедших в атлас планов, опубликованных в Кельне между 1572 и 1617 годами, составили целую эпоху в истории картографирования городов.

На планах XVIII века можно увидеть Венецию, лишившуюся господства в Адриатике, но не потерявшую своих несметных богатств. Она стала столицей увеселений и искусств, славилась театрами, маскарадами и регатами. Таким праздничным и помпезным выглядит город на плане Матеуса Зойтера — известного немецкого гравёра и картографа, основателя издательства. Внизу плана два вида на собор Св. Марка и Дворец дождей с изображением сцен городской жизни. На выставке представлена копия первого топографического плана города Л. Уги, так как размеры оригинала (1,6×2,2 метра) затрудняют экспонирование. Впервые он был опубликован известным издателем и основателем гильдии гравёров в Венеции Д. Барони в 1729 году, после неоднократно переиздавался и служил прототипом для мно-

гих других планов Венеции. По бокам карты — 16 красочных видов выдающихся зданий и мостов Венеции.

Были также представлены и планы конца XIX века — эпохи нового подъёма Венеции, когда был построен новый порт и начал развиваться туристический бизнес. Это время окончательного превращения Венеции в музей под открытым небом и прекращения нового строительства. На выставке вы увидите первые путеводители по Венеции из серий «Гиды Джоан» (издан в Париже в конце XIX в. издательством «Ашетт») и «Путеводители Грибена» (издан в Берлине в 1912 году издательством Голдшмита).

* * *

С 27 мая по 11 июля в зале Корфа Российской национальной библиотеки проходила выставка, посвящённая 310-летию первой петербургской типографии и Общероссийскому дню библиотек «Гражданских дел печатня». Выставка представила ретроспективу истории русского книгоиздания. Экспонаты рассказывают о коренных преобразованиях в печатном деле XVIII века:

открытию первой в Санкт-Петербурге типографии, петровской реформе азбуки, введении гражданского шрифта, появлении светских и военных книг и учебников.

Среди экспонатов — первые издания из «Петровской коллекции» Отдела редких книг РНБ. Это самая первая книга с новым гражданским шрифтом «Геометрия славенски землемерие» (1708), альбом с перечнем побед русской армии «Книга Марсова или воинских дел...» (1712), детище реформ Петра — первая газета «Ведомости» и другие раритеты.

Фрагмент экспозиции выставки, посвящённой 310-летию первой петербургской типографии и Общероссийскому дню библиотек «Гражданских дел печатня» в РНБ

Фрагмент экспозиции выставки киноплаката «Звучащий кинематограф» в РНБ

Путь гражданской книги в России был нелегким. Среди экспонатов — издания, тиражи которых уничтожались, а авторов и переводчиков предлагалось сжечь. Это книга Христиана Гюйгенса, изданная в 1717 году, в которой впервые на доступном языке объяснялась теория строения Солнечной системы по Копернику, и сочинение протестантской направленности «Феатрон, или Позор исторический» (1724) Вильгельма Стра-темана.

В одном из разделов экспонировались издания, посвященные развитию технологий типографского дела в XVIII–XIX веках, истории развития шрифтов и предприятий по их изготовлению — словолитен. Из издания «Двухсотлетие русской гражданской азбуки» (1908) можно было подчеркнуть информацию о том, как под влиянием русского обывательского письма была изменена в 1708 году русская азбука с церковнославянского шрифта (полуустава) на светский гражданский. Посетители узнали, как из алфавита были вычеркнуты нежизненные и нерабочие буквы, как алфавит изменил свои пропорции, стал более изящным и удобным для письма и чтения.

* * *

В Главном здании Российской национальной библиотеки (пл. Островского, 1–3) 30 июня 2021 года начала работу выставка киноплаката «Звучащий кинематограф», посвященная 90-летию звукового кино в России.

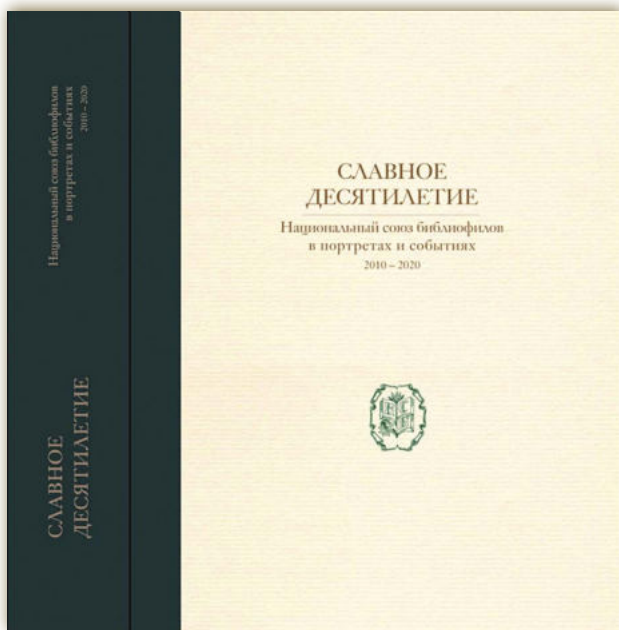
В экспозиции представлены красочные рекламные плакаты к ранним «говорящим» картинам, которые выпускались на крупнейших студиях страны («Межрабпомфильм», «Союздетфильм», «Ленфильм», «Мосфильм») в 1930-е годы. Художественные, документальные и музыкальные звуковые картины значительно расширяли возможности восприятия киноискусства по сравнению с немymi лентами и пользовались огромным успехом у зрителей.

Новые перспективы развития кинематографа отразились и в рекламных плакатах, созданных такими мастерами советской графики, как Моисей Длугач, Николай Хомов, Александр Зеленский, Анатолий Бельский, и другие.

Выставка продлится до 28 августа.

По материалам
сайта nlr.ru

Ex libris «Про книги»

Славное десятилетие : Национальный союз библиофилов в портретах и событиях / сост. М.В. Сеславинский. М.: Изд-во Столяровых, 2021. 544 с.

Деятельность Национального союза библиофилов (НСБ) и клуба «Библиофильский улей» нашла отражение в многочисленных публикациях центральной и региональной прессы, интернет-изданиях, специальных памятках. Материалам, посвященным крупнейшей библиофильской организации России и ее членам, всегда уделялось отдельное внимание на страницах журнала НСБ «Про книги». Библиография подобных публикаций обширна, но, как известно коллегам-историкам, ни узкоспециализированная статья, ни даже монография не могут сравниться по объему подготовительной работы с обобщающим фундаментальным исследованием той или иной по-настоящему большой, значимой темы. В этом отношении юбилейное издание «Славное десятилетие. Национальный союз библиофилов в портретах и событиях» по своему значению в историографии истории отечественной книжной культуры начала XXI века занимает совершенно особое место.

Во вступительной статье составитель сборника М.В. Сеславинский останавливается на наиболее значимых событиях в жизни НСБ с момента проведения в октябре 2010 года учредительного собрания организации, ставшего, без преувеличения, отправной точкой, с которой началось развитие новой эпохи в истории отечественного библиофильского движения. К таковым можно отнести международные конференции «Библиофильство и личные собрания», участие НСБ в книжных выставках-ярмарках на ВДНХ и в Центральном доме художника, совместные клубные заседания в Москве, Санкт-Петербурге, Иерусалиме, тематические встречи, посвященные Н.П. Смирнову-Сокольскому, И.А. Гончарову, В.М. Конашевичу, М.И. Цветаевой, И.А. Крылову и целому

ряду других значимых для собирателей персоналий, заседания «Эротика в наших собраниях», «Женская тема в моем собрании» (для смелых библиофилов — «Женщины в моем собрании»), «Кулинарная тема в моем собрании», посещение участниками «Библиофильского улья» редакции газеты «Московский комсомолец», Государственного литературного музея, Государственного музея А.С. Пушкина и конечно же ежегодные общие собрания, проходившие в Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Смоленске, литературных усадьбах Подмосковья, в Тарусе, Ярославле.

Отдельный раздел содержит информацию о всех 107 библиофилах, входивших в НСБ с момента его основания. Для каждого приведены краткие биографические данные, сведения о составе библиотеки и сопутствующих коллекциях, публикациях, выставочной деятельности, выполненных для библиотеки экслибрисах. Используя этот уникальный справочный материал, мы можем попытаться представить себе типичного современного отечественного библиофила. Это мужчина-москвич (в настоящее время среди 76 членов НСБ только 15 дам, а почти половина членов организации проживают в Москве и Московской области), родившийся в 1953 году (старейшему члену НСБ В.А. Петрицкому — 90 лет, а самому молодому, Р.А. Лизогубову, в этом году исполняется 35) и имеющий, при стаже библиофильской деятельности более сорока лет, собрание, содержащее около 5 000 томов. Среди его излюбленных тем библиография, библиофилия, книговедение, русская и зарубежная классика, историческая литература, иллюстрированные издания. В данном случае можно сказать, что наши умозрительные выкладки находят подтверждение на практике —

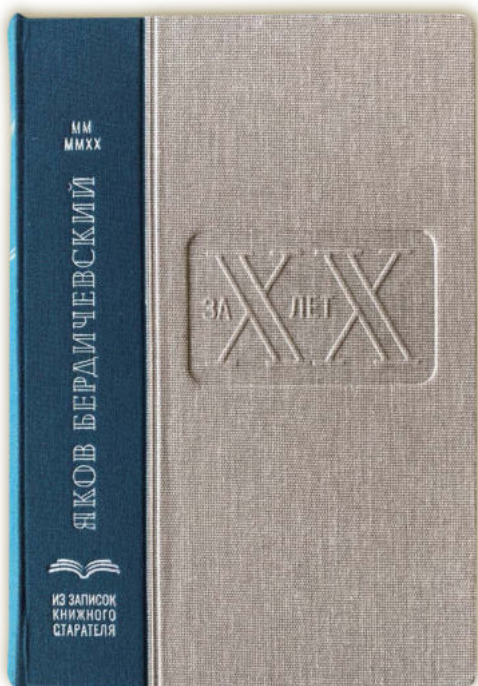
этому среднестатистическому портрету наиболее соответствуют авторитетные коллекционеры и исследователи книжной культуры, активные участники клуба «Библиофильский улей» Борис Абрамович Хайкин и Ярослав Николаевич Костюк.

Большую часть весьма солидного объема издания по праву занимает богато иллюстрированная хроника 11 общих собраний НСБ и 110 заседаний клуба «Библиофильский улей» (первое состоялось 29 января 2011 года), проведение которых сделало центром притяжения библиофилов вначале дом № 38 в Большом Тишинском переулке («...Где звуки особенно гулки» — так и хочется продолжить словами из неофициального клубного гимна «Наш Пчелинец», сочиненного О.Г. Ласунским), а с декабря 2016 года дом № 5/10 в Сытинском переулке — новую штаб-квартиру Национального союза библиофилов.

Прекрасным дополнением к великолепному альбому стали публикации легендарных «Библиофильских анекдотов» (текст М.В. Сеславинского, иллюстрации И.А. Дмитренко) и единственного в своем роде комикса «Месть московского библиофила» (текст М.В. Сеславинского, иллюстрации А.Р. Аешина), впервые увидевших свет на страницах журнала «Про книги».

Вышедший тиражом всего 200 экземпляров альбом «Славное десятилетие» уже сегодня стал библиофильской редкостью и, думается, желанным лотом для устроителей книжных аукционов, на которые на момент написания рецензии он еще не попал. Этот факт, на наш взгляд, лишь подтверждает ценность подписанного составителем именного экземпляра уникального издания для каждого, кому посчастливилось стать его обладателем.

С.С. Чистяков

Бердичевский Я. И. За двадцать лет : Из записок книжного старателя. Киев: Издательский дом «Y. Gutenbergovich», 2020. 688 с. : ил.

Восхитительный сборник как по форме, так и по содержанию вышел в свет в конце прошлого года в Киеве в издательском доме с остроумным названием «Y. Gutenbergovich». Начнем с того, что создание Издательского фонда Киевского клуба библиофилов само по себе экстраординарное событие, которое можно не просто приветствовать, но и хотя бы виртуально снять отсутствующую в нашем гардеробе шляпу перед подвижниками, осуществляющими эту благородную затею. Издатель Юрий Анатольевич Воронцов в предисловии пишет, что сразу после образования фонда было принято естественное и «единственно правильное решение: начать свою деятельность изданием сборника книговедческих работ

нашего знаменитого земляка. Я.И. Бердичевский после недолгих раздумий принял это предложение, набросал план книги, и закипела работа по интернет-мосту Берлин–Киев–Берлин».

Автор сборника — легендарный человек в книжном мире. Неутомимый Илон Маск своей эпохи, Яков Исаакович и сейчас, приближаясь к 90-летнему юбилею, демонстрирует фантастическую энергию, не требуя подзарядки, а наоборот, отдавая мегаватты мощности и гигабайты знаний. Его багаж сведений по истории литературы, редкой книги, экслибриса, графики, фарфора поистине неисчерпаем. А подвижническая деятельность по формированию фондов киевского Музея А.С. Пушкина, пропаганде библиофильства, изысканию новых сведений в различных сегментах книжной культуры вызывает восхищение и чувство глубокого уважения.

Солидный увесистый том украшен более чем 500 иллюстрациями, издан в отменном полиграфическом качестве и художественном оформлении под руководством Ю.А. Воронцова. Тираж книги обозначен магическим числом в 333 экземпляра, весьма популярным у книжной братии. Напомним, что именно таковым был тираж знаменитых «Заветных сказов» А.М. Ремизова, вышедших в 1920 году в издательстве «Алконост». Это число также было обыграно нами в издании «Русские книжные редкости XX века». Но у книги Я.И. Бердичевского есть еще одна изюминка, помещенная в булочку (читай —тираж) в лучших библиофильских традициях: 33 экземпляра издания — именные и снабжены двумя оригинальными книжными знаками автора работы художников И. Кириакиди и А. Пугачевского. Остальная часть тиража нумерована от руки (1–300). Приятный

переплет из благородного материала и издательский футляр достойны отдельной похвалы. Трудно удержаться, чтобы не отметить в этой связи еще одну сладость, можно сказать, «вишенку на торте» — изящный ярлычок переплетной мастерской «ИВЛ», стилизованный под дореволюционные наклейки. Вооружившись лупой, можно прочесть как адрес в Киеве (Харьковское шоссе, 21/4), так и адрес сайта и лаконичные «вкусные» надписи: «Работа выполняется аккуратно и прочно», «Заказы принимаются в рабочее время», «По прочности работы и качеству матер. цены умерен.».

Любопытная деталь: выходные данные напечатаны на украинском языке, видимо, в соответствии с действующим законодательством. Сама же книга — «російською мовою». Нам этот симбиоз представляется весьма достойным и даже благородным, ибо показывает естественную возможность жить в дружбе в общем культурном пространстве. Отметим, что удачное сочетание текстов на русском и украинском языках уже демонстрировал «Киевский библиофил».

Но обратимся к содержанию драгоценного ларца. Структурно в нем выделено шесть разделов, однако нам представляется, что это деление достаточно условно, ибо все материалы — это рассказы о книгах и «людях книги», к коим относятся литераторы, библиофилы, художники-иллюстраторы, собиратели и исследователи экслибрисов. Около 110 компактных новелл читаются легко, на одном дыхании. Но после каждой хочется взять паузу и, как после глотка благородного вина, ощутить послевкусие рассказа. Вместе с автором читатель исследует инскрипты и редкие издания, окунается в столь любимый Яковом Исааковичем мир экслибриса, встречается с коллегами-библиофилами и вспоми-

нает славных предшественников нынешней книжной братии.

Что греха таить, нам особенно приятно, что некоторые страницы издания посвящены нашей деятельности в области исследования книжной культуры и развития библиофильства. Особое спасибо — собирательское — судьбе, ибо часть инскриптов, описанных Книжным Стрателем, попала в наше собрание.

Яков Исаакович Бердичевский щедро раздает хвалу своим друзьям-библиофилам, ну а мы не устанем благодарить его за мудрое наставничество, обогащение знаниями и увлекательное чтение.

М.В. Сеславинский

Невский библиофил : Альманах. Вып. 25 / [гл. ред. А.Ю. Дорошин]. СПб.: Реноме, 2020. 384 с., [32] с. цв. ил.

Альманах «Невский библиофил» уже четверть века объединяет на своих страницах ведущих авторов — исследовате-

лей книжной культуры, искусства книги, истории библиофильства. Не стал исключением и юбилейный двадцать пятый номер.

Известный французский ученый-славист и коллекционер Ренэ Герра посвятил свои статьи двум юбилеям — 150-летию И.А. Бунина и 100-летию так называемого великого исхода — массовой эмиграции пореволюционного периода, ставшей основой зарождения и развития культуры русского зарубежья, яркий представитель которой историк и литератор Николай Валерианович Брянчанинов стал в свою очередь главным героем опубликованного в альманахе материала Василия Молодякова.

Мария Богданович в своем исследовании знакомит читателей с биографией и творческим наследием немецкого историка литературы и библиофила Карла Георга фон Массена.

О хранящейся уже более полувека в его собрании редкой книге «Наши деды — купцы: бытовые картины начала XIX столетия» (СПб., 1907) рассказывает в статье «Картины ушедшей жизни» Гарольд Злочевский.

Личными воспоминаниями о легендарном ленинградском букинисте, знатке антикварной книги Иване Сергеевиче Наумове делится Марина Бокариус в рубрике «О книгах и о себе».

Целый ряд интереснейших материалов посвящен известным книжным собраниям прошлого, в том числе библиотекам Владимира Германовича Лидина (публикация переписки В.Г. Лидина и Б.Е. Казанкова, подготовленная Андреем Дорошиным), Павла Григорьевича Демидова (статья Елены Пироговой «Утраченные библиотеки Павла Демидова и новые библиофильские открытия»), Альбера Николаевича и Петра Николаевича Тургеневых (статья

Натальи Хохловой «Об истории библиотеки братьев Тургеневых»). Дополняя публикацию фрагмента беседы о книжном собирательстве с петербургским искусствоведом Игорем Гавриловичем Мямлиным, Александр Тетерин приводит сведения о коллекции книг и картин своего «наставника в книжных делах».

Весьма любопытна выделяющаяся из всего массива публикаций выбранной темой небольшая заметка Владимира Семибратова «Чудеса с «чудесами». К вопросу о современном бытовании гриновских выражений».

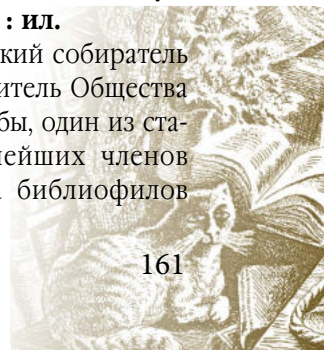
В традиционный раздел «Резцом и кистью» вошли исследования Натальи Саутиной «Н.А. Саутин — один из художников альманаха «Невский библиофил»», Ольги Кошкиной «Иллюстрации Екатерины Носовец: легкая поступь к ниве книгоискусства», Дмитрия Фролова «Жизнь и творчество художника Рихарда Зариньша», а также продолжение публикации каталога Александра Михайлова «Малоизвестные экслибрисы деятелей науки и культуры Санкт-Петербурга (Ленинграда)».

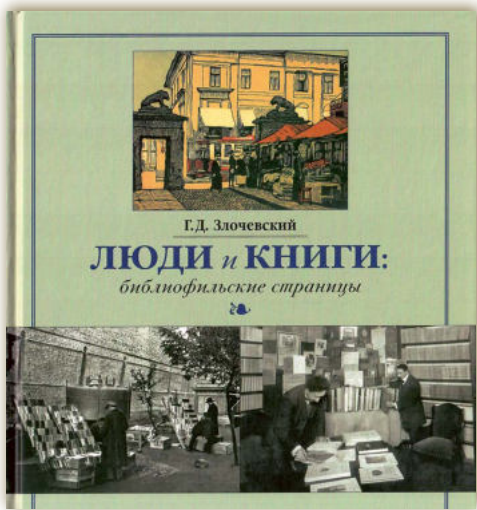
Завершают альманах очередной, уже шестнадцатый выпуск «Библиофилианы» Валерия Манукяна, поздравления юбиляров М.М. Глейзера, В.В. Манукяна, А.М. Михеева, Е.А. Москальцовой, А.Ю. Дорошина, статьи, посвященные памяти А.Х. Горфункеля, Э.Х. Насибулина, О.С. Острой, П.В. Баранова.

С.С. Чистяков

Злочевский Г.Д. Люди и книги: библиофильские страницы. М.: Русский Мирь, 2020. 568 с. : ил.

Известный московский собиратель и исследователь, учредитель Общества изучения русской усадьбы, один из старейших и авторитетнейших членов Национального союза библиофилов

Гарольд Давидович Злочевский не первый раз обращается в своем творчестве к излюбленному многими нашими читателями жанру библиофильских записок, в котором он, без преувеличения, всеми признанный мастер.

В сборник «Люди и книги: библиофильские страницы», вышедший в серии «Большая Московская Библиотека» издательства «Русский Миръ», вошло более трех десятков статей Злочевского, главными героями которых стали редкие издания из коллекции автора. Исследуя книгу, раскрывая ее содержание, Гарольд Давидович сообщает читателям о так или иначе связанных с нею событиях и личностях, приводит ценнейшие сведения из области исторической географии и краеведения, истории русской культуры и искусства.

Так, обращаясь к изданию «Путешествия на озеро Селигер» Н.Я. Озерцовского (СПб., 1817), Злочевский не только подробно исследует вслед за сочинителем его маршрут из Санкт-Петербурга к истоку Волги, но и при-

водит достаточно подробную биографию автора — уроженца Дмитровского уезда Московской губернии, выдающегося ученого-энциклопедиста, академика. Милые сердцу подмосковные уездные города предстают перед нами в заметке, поводом для которой стала книга С. Яковлева «Подмосковные дорожные заметки» (М., 1862) из библиотеки А.К. Пожарского. О знаменитом народном промысле — дымковской глиняной игрушке — упоминается в статье, посвященной уникальным альбомам художника А.И. Деньшина.

Отдельного внимания на страницах сборника удостоились великие собиратели прошлого: С.Р. Минцлов, П.М. Дульский, М.И. Щелкунов, Е.И. Осетров, М.И. Чуванов, редактор и издатель журналов «Антиквар» и «Русский библиофил» Н.В. Соловьев, искусствовед, издатель, автор легендарного сборника очерков «Среди коллекционеров» И.И. Лазаревский.

С именем Ивана Ивановича Лазаревского связаны и помещенные в приложении к изданию «Люди и книги» и подготовленные к печати Г.Д. Злочевским материалы — статья М.С. Базыкина «Его разносторонность совершенно исключительна», а также собственные воспоминания Лазаревского о современниках и его рукописная книга о Московском Английском клубе.

Хочется настоятельно рекомендовать рецензируемый сборник к приобретению и обязательному прочтению. Предназначенный, как это часто бывает, для «широкого круга читателей», наибольший отклик он конечно же найдет среди почитателей старой книги — среди вас, дорогие читатели журнала «Про книги».

С.С. Чистяков

словом, да еще и книгой этой самой в догонку с лестницы пустит. Зато когда попадалось действительно редкое издание, букинист шел смело к Гарусову, рассчитывая на верную наживу. Тут дело круто менялось.

Завидя редкую книгу, Гарусов вдруг преобразался: скрипучий голос делался тонким и елеиным, руки начинали дрожать. Весь он точно «осатаневал», по выражению букинистов. Немедленно начинался торг. Если букинист заламывал чрезмерно большую цену, Гарусов выходил из себя, визжал, топал ногами, ругался и даже иногда выгонял алчного торговца вон. Но уже с половины лестницы возвращал он гостя обратно, опять принимался торговаться и все-таки книгу приобретал. Торговался Гарусов не из бедности, а так, по привычке.

— Вот-ч, извольте посмотреть, — показывал он кому-нибудь из гостей свои сокровища, — что ни книга то и алмаз, драгоценный перл. Подите-ка поищите где-нибудь. Вот, например, «Торжество Анфиона». Вы посмотрите, фронтиспис-то какой, гравюрки-то какие! Ведь завитки-то эти у облаков точно в небо уходят, ведь у корабля-то каждый парус как будто дышит. Этой книги всего пять экземпляров и печаталось для высочайших особ. Один экземпляр в Зимнем дворце, другой в Публичной библиотеке, третий у нас в Румянцевском, четвертый в Лондоне, а пятый у меня. То-то и оно.

2

В один прекрасный весенний день Гарусов, стоя у окна в своей библиотеке, рассматривал только что купленную книгу. Его колючие в серой щетине щеки горели румянцем, руки тряслись. Книга, которую он держал перед собой, была действительно редкость и могла

называться уникай: это было знаменитое «Странствование из Астрахани в Тверь», сожженное по повелению императрицы Екатерины рукой палача. Редкость книги усугублялась тем, что она была не в переплете, а в обложке, «в сорочке», как говорят книжники. Самая «сорочка» была свежая, едва полинявшая от времени.

Гарусову хорошо было известно, что во всем мире существует только один экземпляр «Странствования», хранящийся в Публичной библиотеке, экземпляр в переплете и средней сохранности. Выходит, что покупке его нет цены, и это было ему тем более приятно, что заплатил он за книгу всего семьдесят пять рублей.

— Да, это тебе не рюриковский хлам, — думал Гарусов, гордо оглядывая свои полки. — Невелика птичка, да ноготок востер. Рюрикову за всю его дрянь и трех тысяч не дадут, а мне любой американец полмиллиона сейчас отвалит. Только не продам я вас, мои голубчики, нет, не продам.

Как у всех одиноко живущих старых людей, мысли у Гарусова повторялись всегда в одном и том же порядке. Теперь ему предстояло задуматься об участии книг после его кончины, но легкий стук в дверь заставил его очнуться.

3

— Здравия желаю, батюшка Сергей Сергеич, — запищал тонкий толос, и к Гарусову подошел, низко кланяясь, толстый седой горбун. Это был известный букинист Терентьев, наживший продажей старых книг большие деньги. В противность Гарусову, книжнику-идеалисту и поэту своего дела, Терентьев был практик и делец. Ни до редкости, ни до красоты книги ему не было никакого дела: главное, выгоднее про-

дать. Теперь Терентьев жил на покое, сдал торговлю сыновьям, а сам только пил чай да ходил к обедне. У Гарусова он бывал не часто.

— Здравствуй, Петрович, — ласково отозвался Гарусов, помнивший Терентьева еще мальчишкой, — что скажешь?

— С покупочкой вас.

— Ах, ты про это. Да откуда ты узнал?

— Слухом земля полнится.

— Да, брат, книга первый сорт. Это мне Бог послал на мое сиротство.

— А вот я к вам, Сергей Сергеич, по делу, насчет этой самой книги. Извольте ли видеть: Сухов Павел Петрович хочет в Петербурге эту самую книгу переиздать. Ему это разрешили, и остановка вся только за книгой.

— Ну так что же?

— Так не одолжите ли ваш экземплярчик?

Терентьев много лет знал Гарусова, но и представить себе не мог, чтобы старый книголюб способен был до такой степени рассердиться. Он зашипел, запрыгал, заплелся. Не Сергей Сергеич Гарусов, а фурия какая-то металась перед глазами Терентьева. Горбун поспешил скатиться с лестницы кубарем под градом свирепых слов.

Но не таков был Терентьев, чтоб отступить от дела. Издатель Сухов обещал хороший куртаж, и ему не хотелось упустить добычу. Три недели уламывал он Гарусова, снося оскорбления и насмешки.

— Помилуйте, Сухов Павел Петрович, какое имя! Ведь только наберут и вернут вам вашу книжку в целости, будьте покойны. Да я вам своим словом ручаюсь, Сергей Сергеич.

— Подлец ты! Мне ведь не книги жалко, а не могу я расстаться с ней, понимаешь? Ты вот человек семейный,

а небось сына или дочь в чужие руки не дашь. Каково мне думать, что моя книга, моя, и вдруг где-то в чужих руках!

— Так что за беда, Сергей Сергеич! Не то что дети, бывает, и жена попадетсЯ в чужие руки, так и то большой потери тут нет. Побывает и назад вернется.

— Ах, ты пес горбатый! Да как у тебя язык поворачивается только? Ты рассуди. Ведь каждая эта книга не только что жены или детей, а и меня самого дороже. Правда, женат я никогда не был и Бога за это благодарю. Вон они, мои жены да дети, в полочках стоят! Не изменят, не убегут. Заведи-ка я себе жену, так она и платье запросит, и шляпок, и не весть чего. Детей учить надобно, беспokoиться из-за них. А тут я к полочке подошел, книжку вынул, раскрыл, и ничего мне на свете не надо. Тут на каждой страничке я свою жизнь прошлую встречаю: когда купил, когда прочитал, все помню. Жена! Да жена-то через десять лет состарится и ведьмой станет, а тут есть книги по сорока лет у меня стоят, так словно еще свежее стали.

Терентьев видел, что старый книголюб, увлеченный своею речью, смягчился.

— СуцЯя правда, батюшка Сергей Сергеич, — поддакнул он. — Это что и говорить, все как есть правда. И у Мартынова на каталоге надпись имеется: «Книга есть верный друг». По этой самой причине чего же вам бояться? Я тоже человек верный, знаете вы меня пятьдесят с лишним годов, доверие ко мне можете иметь. Так позвольте книжечку-то, я самолично ее Павлу Петровичу свезу и вам в целости предоставляю.

Гарусов, полагавший, что горбун убедился вполне его словами и отказался от дерзкой мысли просить у него книгу, был озадачен. Насколько минут

он молчал, разинув рот, потом вздохнул, и, глядя в глаза Терентьеву, сказал с расстановкой:

— Бесчувственная скотина! И как это тебя земля держит!

4

Горбун посмеивался, несколько не смущаясь.

Мало-помалу Гарусов стал сдаваться. Устал ли он от постоянных пререканий с Терентьевым, или подействовало на него упорство горбуна, но только он уже не ругался, не шипел и не гнал старого букиниста. Он даже полюбил беседовать с ним, просиживая часами в своей уютной столовой за толстеньким, красной меди, певучим самоваром. Кроме самовара, столовую оживляли еще старинные диковинные часы. Четверти на них выкрикивал перепел, а часы-кукушка, и били они башенным, глухим боем. Самовар, часы, огромные полки с книгами и сам хозяин в халате являли собой какой-то совсем особый, неподвижный мир.

Однако горбун начинал уж терять терпенье, когда один совсем неожиданный ход решил все дело.

— А знаете, батюшка, Сергей Сергеич, — заговорил он однажды, допив четвертую чашку чая, — Сухов-то, говорят, хочет в книге прописать: что, мол, так и так, издается при участии известного знатока Гарусова, с единственного экземпляра.

Терентьев сбрехнул, не подумавши, зря, но слова его имели действие, какого он при всей своей пронизательности не мог предвидеть. Гарусов опустил поднятый было чайник, встал и, оставив кипяток из самовара литься на поднос, пошел в библиотеку. Горбун осторожно завернул кран и пристально следил за хозяином. Он глазам своим не верил,

когда Гарусов, минуту спустя, подошел к нему с драгоценным томом «Странствования» и заговорил торопливо и мягко:

— Чтож, возьми, пожалуйста, только помни...

— Что вы, батюшка, будьте покойны, да я...

— То-то.

Улучив удобную минуту, горбун пустился домой во все лопатки. Прощаясь с Гарусовым он был почти уверен, что хозяин воротит его с лестницы и отнимет книгу. Но этого не случилось и «Странствование», упакованное в холстину, в тот же день поехало в Петербург.

Гарусов, по уходе горбуна, не сразу пришел в себя. За всю его долгую жизнь это был первый случай, что книга, приобретенная им, поставленная на полку и включенная в каталог, вдруг покинула его дом. Сознание это явилось к нему позже, а пока он весь был во власти тщеславия, рисовавшего ему самые соблазнительные картины.

5

И до вечера думал Гарусов, расхаживал по комнатам и улыбался.

Оттого, что всю жизнь свою прожил он, как дитя, зная одни книги, Сергей Сергеич был лишен тщеславия и не думал об известности, теперь новое чувство хлынуло в душу его широкой волной. Будто с исчезновением книги, как бы в отплату за измену идеалам всей жизни, завладели Гарусовым дурные мысли.

Но длилось это недолго. Ночью он вдруг проснулся, схватил ключи и побежал в библиотеку. Книги не было. Точно очнувшись от кошмара, стоял он и спрашивал сам себя: да неужели я ее вправду отдал?

Он не уснул до утра, и самые невероятные мысли терзали его ослабевший мозг.

— Все это лестно и хорошо, и слава, и то, и сё, да книги-то нет. Ведь ее потерять могут, украсть, — да, конечно, первый украдет! И он холодел от ужаса.

На другой день к вечеру он уже летел в Петербург. Пассажиры, перешептываясь, оглядывали с любопытством допотопного старика в небывалой шинели и старом бобровом картузе. Лет двадцать Гарусов никуда не выезжал.

Прямо с вокзала он отправился в типографию Сухова и, входя в наборную, окаменел на пороге.

Рабочие только что приступили к набору драгоценной книги. «Странствование» было разорвано на части, роздано по рукам, и рабочие торопливо набирали со старинных, захватанных их свинцовыми грязными лапами страниц. «Сорочка» — последняя, может быть, единственная в мире, валялась на полу, и метранпаж тут же, при Гарусове, наступил на нее каблуком.

Ни слова не сказав, Сергей Сергеич вышел. Голова у него тряслась. На дворе

с ним сделался легкий обморок, но он преодолел себя и в тот же день выехал в Москву.

Дома он слег в постель и через неделю скончался. В предсмертном бреду он бормотал: «Экзалтацион любознательный»... В восьмую долю, не обрезать... «Кадм и Гармония»... держанный сафьяновый переплет... «Капище сердца моего»... У Любия, Гория и Попова... экземпляр подносной, с автографом.

До самой смерти Гарусов не узнавал никого. Но когда явился проведать его букинист Терентьев, к старому книголюбу на мгновение вернулась память, и он, сжимая высохшие кулаки, прошептал чуть слышно:

— Убил ты меня, подлец!

Терентьев, крестясь, осторожно вышел, но на дворе долго ухмылялся и покачивал головой,

Наследников у Гарусова не оказалось. Тот же горбун Терентьев скупил все его книги и распродал потом по частям с огромным барышом.

Борис Садовской

Оперный т. при Народном Домѣ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.
Всероссійскій Союзъ Городовъ.
Комитетъ „ПЕТРОГРАДЪ-БѢЖЕНЦАМЪ“
Въ Субботу 3-го Октября 1915 года, устраиваетъ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТЪ
Русской, Польской, Арианской, Еврейской, Латвийской, Литовской, А. К. ГЛАЗУНОВА.
и Эстонской народной музыки подъ общимъ руководствомъ

Программа концерта составлена изъ произведений народной музыки въ художественной обработкѣ национальныхъ композиторовъ. Въ концертѣ примутъ участіе: заслуж. арт. Импер. театровъ **Е. И. Збруева**, арт. Варшавской оперы **Г. Л. Снегиревича** и **М. Кризн-овская**, арт. Русской оперы **Лина Шейтлинъ**, арт. Латвийской оперы **М. И. Вилгиель-Гризиборгъ**, артистка Людмила Робертсона и артистка Павелъ оперы **В. И. Потуровскій**, **М. И. Карланичъ**, проф. Петроградской Консерваторіи **Г. Р. Наблюдяинъ**, арт. Народ. Дома **И. Д. Гунасовъ**, скрипачъ **Яша Хейфицъ**, арт. Русской оперы **Г. С. Топаревъ**, **М. И. Софроновъ** и арт. Иран. Варь. театра **С. Ф. Богущій**.
Хоръ организаціи: еврейской, латвийской и эстонской.

Дирижировать будутъ: **А. И. Глазуновъ**, **Г. И. Витоль**, **А. П. Аслаиновъ**, **М. А. Бихтеръ** и **И. Л. Людигъ**.
У ролей **В. А. Драпшищевъ**. Роль изъ дѣло **Андрѣ Дикерихъ**. Начало ровно въ 8 час. соч.

Подробности въ программахъ.

Билеты продаются съ 27-го Сентября въ Центральной театральной кассѣ и у представителей национальныхъ организацій: **О. П. Казуновой**, Мовля, 22 (тел. 301—191); **В. Н. Лабина**, 8-я рота, 18 (телеф. 417—32); Польскій военный магазинъ, Вазлишскій пр., № 18 (тел. 105—43); **С. П. Суданъ-Шахъ**, 1-я линия, д. № 6 (тел. 410—64); Общество Еврейской народной музыки, 8-я Рождественская, 9 (тел. 513—29); Латвийское Заготовительное Общество, Петрогр. стор., Бозьмой пр., 71 (телеф. 193—25); Литовское Общество, 10-я рота, д. № 16, кв. 23 (телеф. 373—27) и Эстонскій движимый магазинъ, Офицерская, д. № 3 (телеф. 463—24).

Со 3-го Октября билеты продаются только въ Центральной кассѣ и въ Народномъ Домѣ.

Осень.

Еще горитъ зеленый лугъ
Въ подневный часъ.
Но, замислясь, тѣсный кругъ
Торопитъ насъ.
И каждый вечеръ золотой
Надъ поспѣвшимъ водою
Поетъ, что праздникъ молодой
Покасъ.

Еще въ тяжелыхъ облакахъ
Не скопелъ сѣтъ.
Но ихъ объемлетъ размахъ,
И тише бѣтъ.

Все меньше солнце шлетъ лучей.
И шторчатъ жуткій тонъ дождей—
Ты приготовилъ для почей
Почадей?

И. БАЛЬМОНТЪ.

Памяти Владимира Валентиновича Воропанова

5 февраля 2021 года ушел из жизни Владимир Валентинович Воропанов, искусствовед, музейный работник, заслуженный работник культуры РФ с 1997 года, лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе и искусству в 1998 году, почетный гражданин города Вологды с 2014 года, член ОРБ (2005–2011) и НСБ (2011–2015). Член Союза художников России с 1990 года, член ОРБ с 2005-го, председатель Вологодского городского клуба любителей книжного знака «Экслибрис» (1981–1991), председатель Вологодского городского клуба коллекционеров (1998–2008), председатель Вологодского городского клуба любителей искусства (2009–2018), главный редактор информационно-искусст-

воведческого журнала ВОКГ «Хронограф», председатель Совета НП «Общенациональное общество любителей экслибриса и графики» (НОЛЭ; 2008–2021). Стаж библиофильской деятельности — с 1979 года.

Почти 45 лет Владимир Валентинович проработал в Вологодской областной картинной галерее — главном художественном музее Вологодской области. Он пришел туда в 1976 году сразу после окончания Ленинградского государственного университета (кафедра истории искусства исторического факультета). Пройдя все этапы профессиональной деятельности — от экскурсовода, заведующего отделом графики до директора, Владимир Валентинович с 1981 года

руководил ВОКГ в течение 37 лет. До последних своих дней он продолжал дело своей жизни: занимался описанием фондов картинной галереи, редактировал искусствоведческие тексты, писал статьи об истории библиотеки.

Владимир Валентинович выступил инициатором реализации многих проектов, направленных на развитие художественной культуры в России и Вологодской области. Большой общественный резонанс и профессиональное признание получили подготовленные им в соавторстве с коллегами масштабные выставки «Искусство земли Вологодской» (Москва, Санкт-Петербург), «Возрожденные шедевры Русского Севера» (Вологда), 9-я региональная художественная выставка «Российский Север» (Вологда), шесть всероссийских конгрессов и всероссийских выставок экслибриса. Благодаря активному личному участию Владимира Валентиновича в 2016 году Вологда приняла и успешно провела XXXVI Всемирный конгресс и Всемирную выставку экслибриса Международной федерации экслибрисных обществ (FISAE). Владимир Валентинович дважды принимал в Вологде выездные заседания членов ОРБ–НСБ — в 1993 и 2006 годах.

Перу В.В. Воропанова принадлежат многочисленные публикации по проблемам современного искусства, музейного дела, научного просветительства, коллекционирования книжных знаков и графики малых форм: статьи в журналах «Искусство», «Художник», «Хронограф» (Вологда), в межмузейных научных сборниках, альбомы, каталоги и буклеты выставок ВОКГ, Союза художников России, РАЭ и НОЛЭ, галерей «Ковчег» и «Галеев галерея» (Москва).

Человек с активной жизненной позицией, Владимир Валентинович многие годы вел активную просветительскую

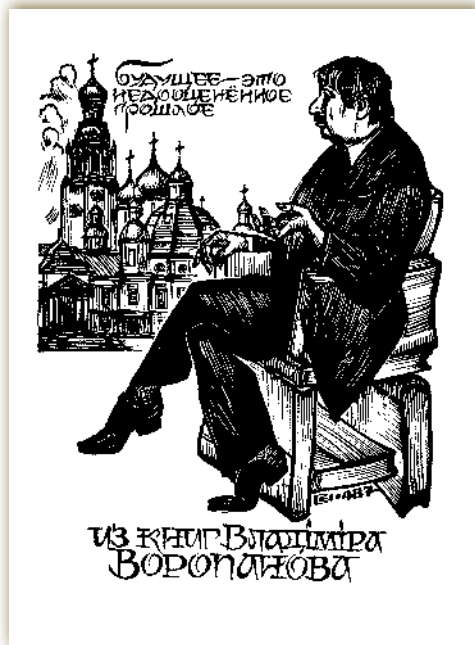
и научную деятельность — преподавал в вологодских вузах и Летней русской школе в Миддлбери (штат Вермонт, США), был членом комиссии по критике и искусствознанию Союза художников России, экспертом Министерства культуры России, руководил клубами коллекционеров и любителей искусства при галерее.

Друзья и коллеги отмечают исключительные человеческие качества Владимира Валентиновича — надежность, искренность и деликатность.

Светлая память о замечательном человеке, исполненном веры в высокую миссию искусства, талантливом организаторе, профессионале с большой буквы — Владимире Валентиновиче Воропанове — навсегда останется в сердцах всех знавших его россиян.

Коллектив Вологодской областной картинной галереи глубоко скорбит в связи с кончиной Владимира Валентиновича Воропанова.

С. Ф. Птухин

Н ши вторы

Белецкий Юрий Александрович — физик, публицист, издатель, редактор, библиофил, кандидат физико-математических наук, член НСБ.

Воронова Мария Сергеевна — корреспондент отдела культуры «Российской газеты».

Долгодрова Татьяна Алексеевна — ведущий научный сотрудник НИО редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки (РГБ), доктор исторических наук.

Ларионова Людмила Геннадьевна — заведующая отделом истории книжной культуры ГПИБ, кандидат исторических наук, член НСБ.

Ласунский Олег Григорьевич — литературовед, книговед, историк культуры, известный библиофил, кандидат филологических наук, член НСБ.

Птухин Сергей Федорович — библиофил, собиратель и исследователь экслибриса

Райхин Александр Давидович — библиофил, член-учредитель НСБ.

Сеславинский Михаил Вадимович — председатель Совета НСБ, член-корреспондент Российской академии художеств.

Тепловодская Елизавета Сергеевна — искусствовед (Нью-Йорк).

Трубачев Сергей Александрович — библиофил, культуролог, кандидат философских наук.

Чистяков Сергей Сергеевич — ответственный редактор журнала «Про книги», кандидат исторических наук.

Table of contents

Tatiana Dolgodrova, Elizabeth Teplovodskaya

«And the wise spherical construction Will survive nations and centuries»

Oleg Lasunsky

From the notes of the collector

Ludmila Larionova

Overthrow of the legend

Alexander Raykhin

The Burmagin phenomenon

Yury Beleckiy

A man and a book. Experience of understanding

«Bibliophile hive» chronicle

XII General Meeting of the National Union of Bibliophiles

Book events

Ex libris «Pro knigi». Book reviews

Leafing through old newspapers

In memory

Именной ук з тель

- Абрамов Ф.А. — 130
Абрамович Г.Б. — 57
Аешин А.Р. — 157
Айзенштаг Д.С. — 105
Акиншин А.Н. — 18
Аксаков С.Т. — 83, 147
Аксельрод М.М. — 110
Александр Николаевич, великий князь — 17
Алексеев Н.В. — 73
Анисимов С.С. — 32–33
Анненков П.В. — 147
Анучин Д.Н. — 35, 50, 64–65
Анфимий Тралльский — 5
Астапов А.А. — 35–36, 38–48, 50, 52–54, 58–61, 64, 66, 70
Астапович З.А. — 130
Астафьев В.П. — 83, 130
- Базыкин М.С. — 162
Бакунина Т.А. — 25
Банникова Г.А. — 152
Баранов П.В. — 161
Барвинок В.И. — 118
Барони Д. — 154
Барто А.Л. — 104
Бахметьев В.М. — 33
Бахрушин А.П. — 36, 63
Бекетов П.А. — 150
Бекетов П.П. — 150–151
Белецкий Ю.А. — 87
Беликов В.Г. — 137
Белов В.И. — 130
Белоголовый Н.А. — 147
Белозерская Л.Е. — 149–150
Белый Андрей — 93
Бельский А.П. — 155
Бердичевский Я.И. — 158, 160
Бернагович А. — 39
Бернштейн М.Д. — 137
Бигос С.Д. — 73
Билибин И.Я. — 131
Битовт Ю.Ю. — 64
Благовещенская Е.В. — 65–67
Бланк Б.П. — 74
Блок А.А. — 36, 83–85
Бобров С.П. — 110
Богданов Ф.А. — 40, 46–48, 52, 55, 57, 60
Богданович И.Ф. — 150
Богданович М.М. — 161
Богословский М.М. — 106–107
Бойчук М.Л. — 73, 120
- Бокариус М.В. — 140, 161
Болховитинов Е.А. — 19
Большаков В.Ю. — 52
Бородин А.В. — 109
Браун Г. — 154
Бриммер Н.Л. — 73
Бродский Н.Л. — 31–33
Брянчанинов Н.В. — 161
Будогосский Э.А. — 73
Булвер-Литтон Э. — 88
Булгаков М.А. — 148–150
Булгакова Варвара А. — 150
Бунин И.А. — 131, 161
Бунина В.Н. — 131
Буондельмонти К. — 9–10, 13
Бурмагин Н.В. — 73–75, 78–80, 83–85
Бурмагина Г.Н. — 73–75, 78–80, 83–85
Буров К.М. — 83
Бух К.А. — 147
Бухгейм Л.Э. — 60
Быков И.В. — 142, 145
Бэр К. — 104
- Вагнер И.В. — 97
Василий II, император — 6
Веме З. — 13–14
Венецианов А.Г. — 126
Верейский Г.С. — 126, 136
Вересаев В.В. — 33
Верхоланцев М.М. — 74
Ветров А.Е. — 133
Виленский Д.Ф. — 120
Вильборг А.И. — 125
Вирек Д.С. — 112
Владимир Святославович, князь — 9
Волков М.П. — 49
Вольгемут М. — 13
Воробьев М.Н. — 98
Воробьева Е.В. — 45, 68
Воронов С. — 112
Воронова М.С. — 139
Вороной М.Н. — 120
Воронцов Ю.А. — 158
Воронцов-Дашков И.И. — 110
Воропанов В.В. — 73, 80, 168–169
- Галактионов С.Ф. — 98
Галеев И.И. — 134–140
Гамбургер Л.Э. — 120
Гейстер Л. — 113
- Геннади Г.Н. — 108
Герасимов С.В. — 130
Герлах С. — 14
Герман Кононович, архимандрит — 117
Герра Р. — 161
Гессен С. — 112
Гессен Т. — 112
Гетмановский А.М. — 112
Гиршельд М. — 105
Глазков А.Д. — 31
Глейзер М.М. — 161
Гнедич Н.И. — 97–98, 151
Говтвань М. — 146, 148–151
Гоголь Н.В. — 43, 45, 121–122, 146
Годдард Р. — 96–97
Голике Р.Р. — 125
Голиков А.Г. — 41, 43
Головин К.Ф. — 62
Голубева О.А. — 145
Гольцев В.А. — 147
Гончаров А.Д. — 73
Гончаров И.А. — 156
Горбунов Г.К. — 98
Горный С. — 131
Горфункель А.Х. — 161
Горшман М.Х. — 110
Готлиб Р. — 112
Готье В.Г. — 43, 60
Гребёнка Е.П. — 122–123
Гребенщиков Я.П. — 118
Гребенщикова Е.И. — 30
Гребнев Л.А. — 98
Гржебин З.И. — 138
Григорьев Б.Д. — 126
Гроссер Б.Н. — 131
Гумилев Л.Н. — 107
Пойгенс Х. — 155
- Даль В.И. — 146
Дементьев В.В. — 78–79
Демидов А.Н. — 115
Демидов П.Г. — 161
Деньшин А.И. — 162
Десмазьер Э. — 87
Десницкий В.А. — 96
Диккенс Ч. — 149
Динерштейн Е.А. — 36, 55
Дирш Н. — 120
Дитмар А.Б. — 107
Длугач М.О. — 155
Дмитревский Н.П. — 74

- Дмитренко И.А. — 157
 Дмитриева В.И. — 31–33
 Добролюбов Н.А. — 128
 Догель А.С. — 108
 Долгодрова Т.А. — 5
 Долинов М.Е. — 131
 Дорошевич В.М. — 27–29
 Дорошин А.Ю. — 95, 108–110,
 126, 141, 143, 160–161
 Достоевский Ф.М. — 146
 Дрожжин С.Д. — 128
 Дроздов А. — 131
 Дружинин В.Г. — 71
 Дружинин П.А. — 67
 Дульский П.М. — 162
 Дюрер А. — 13
- Едемский В.У.** — 74
 Елисеев Г.З. — 147
 Ермоленко Б.В. — 120
 Ечестов Г.А. — 104
- Жиль П.** — 14
 Жуковский В.А. — 151
- Западов В.А.** — 43, 60, 68
 Засецкий М.Д. — 116
 Зворыкин Б.В. — 131
 Зеленский А.Н. — 155
 Злочевский Г.Д. — 131, 140,
 161–162
 Зойтер М. — 154
 Золотухин Ю.И. — 22–27
 Зоценко М.М. — 95
- Иван V, царь** — 128
 Иванишин А.А. — 97
 Иванов И.И. — 110
 Ивенский С.Г. — 74–75, 78
 Ильинская А.В. — 35, 68
 Инбер В.М. — 120
 Исав В.И. — 31
 Исидор Милетский — 5
- Каган В.Ф.** — 115
 Казанков Б.Е. — 161
 Казимова Н.И. — 132–133
 Калашников А.И. — 74
 Калита Н.И. — 74
 Каллаш В.В. — 106
 Кальбус О. — 105
 Кара-Мурза С.Г. — 36, 96
 Карум И.Л. — 150
- Карум Л.С. — 150
 Кизеветтер А.А. — 23
 Кириакиди И.Д. — 74, 158
 Клочкин В.И. — 51–52, 55–56,
 59–63
 Ключевский В.О. — 109–110
 Кобеко Д.Ф. — 43
 Козина Ш. — 21
 Козловский К.С. — 74
 Козьмина Т.А. — 132–133
 Кокошкин Ф.Ф. — 23
 Колпахчиев Л.Л. — 109, 140, 144
 Кольцов А.В. — 19, 22, 127–128
 Конашевич В.М. — 73, 156
 Кончаковский А.П. — 117
 Кораблева Е.Ю. — 126, 141
 Корнилов П.Е. — 135
 Королев С.П. — 106–107, 112
 Коротав В.В. — 79
 Корш Е.Ф. — 147
 Космынин Ю.И. — 74
 Костюк Я.Н. — 96, 112, 119,
 136, 144
 Кочетов Е.Л. — 39–41, 44, 46–47,
 50–59, 61, 64, 68
 Кошкина О.Ю. — 161
 Кравцов Г.А. — 74–75, 79,
 147–148
 Кравченко А.И. — 73, 78
 Крамской И.Н. — 39
 Крылов И.А. — 156
 Крюков Б.И. — 120
 Кузмичев С.И. — 105
 Кузьмин В.И. — 49
 Куприянов Н.Н. — 80, 84
 Куприн А.И. — 95
 Кусков Е.Д. — 23
 Кутовой В.Н. — 113
- Лаврушин В.Е.** — 22, 139, 143
 Лазаревский И.И. — 162
 Лаппа Т.Н. — 149
 Ларионова Л.Г. — 35, 60, 145, 163
 Ласунский О.Г. — 17, 28, 157
 Лебедев В.В. — 134, 136–140
 Лев VI, император — 8–9
 Левассёр де Боплан Г. — 115
 Левицкий В.В. — 50
 Левушкин А.И. — 79
 Лепешинский П.Н. — 147
 Лермонтов М.Ю. — 31
 Леся Украинка — 116, 119–120,
 140
- Лидин В.Г. — 27–28, 121, 161
 Лизогубов Р.А. — 98, 103,
 107–108, 117–118, 125–126,
 128–129, 142–143, 157
 Лобачевский Н.И. — 115–116
 Ломоносов М.В. — 115
 Лорис-Меликов М.Т. — 62–63
 Лукомский Г.К. — 131
 Люкшин Ю.К. — 132–133
- Мазурин Ф.Ф.** — 43, 46–47, 56, 58
 Мамин-Сибиряк Д.Н. — 83, 147
 Мамонов А.В. — 62
 Манассия Константин — 6–7
 Мануйлов А.А. — 109–110
 Манукян В.В. — 135, 143, 161
 Манфред А.З. — 106
 Марангони Т. — 74, 78
 Марков Ю.А. — 150
 Маршак С.Я. — 137
 Маск И. — 158
 Массен К.Г., фон — 161
 Матвеева Е.В. — 142, 145
 Медведев П.П. — 145
 Мелик-Пашаев А.А. — 150
 Мелик-Пашаев А.Ш. — 150
 Мельник Я. — 83
 Мехмед II, султан — 13
 Мецержаков Н.Л. — 147
 Минцлов С.Р. — 162
 Мирошниченко Г.И. — 96
 Митрейгер Т.А. — 46
 Митрофаньев Воронежский,
 епископ — 17–19
 Михаил I Рангаве, император — 9
 Михайлов А.Н. — 161
 Михеев А.М. — 161
 Молодяков В.Э. — 112, 161
 Мольер Ж.-Б. — 121
 Москальцова Е.А. — 161
 Мочалов П.С. — 21
 Мочалов С.М. — 73
 Муромцев Д.Н. — 131
 Мусиков В.П. — 79
 Мямлин И.Г. — 161
- Набатчикова Н.В.** — 104
 Наговицын А.Т. — 74
 Нарбут Г.И. — 124–125
 Насибуллин Э.Х. — 161
 Наумов И.С. — 161
 Некрасов Н.А. — 147
 Нестеров М.В. — 126

- Никитин И.С. — 22
 Никон, патриарх — 141
 Никонова Е.Ю. — 57
 Новиков И.А. — 33
 Новиков Н.И. — 41–42
 Носов Н.И. — 61–62
- Оболянинов** Н.А. — 45
 Ожешко Э. — 33
 Озерецковский Н.Я. — 162
 Осетров Е.И. — 162
 Осоргин М.А. — 25
 Остроглазов И.М. — 43, 47, 58, 64
 Острой О.С. — 161
 Остроумова-Лебедева А.П. — 134–136, 140
- Павлинов** П.Я. — 73
 Павлов И.Н. — 73
 Падалицын Н.И. — 73
 Падалка И.И. — 73
 Панаев В.И. — 116
 Панин С.В. — 23
 Панкова О. — 104
 Параделов М.Я. — 35, 64
 Пахомов В.В. — 112
 Перкин В.Д. — 108
 Пётр I, император — 128, 154
 Петрицкий Вил.А. — 157
 Петров В.Н. — 139
 Пиков М.И. — 73, 148
 Пинкевич А.П. — 96
 Пирогов В.Н. — 26–27
 Пирогов Н.И. — 25–27
 Пирогова Е.П. — 161
 Писахов С.Г. — 83
 Плавильщиков В.А. — 108
 Плейденвурф В. — 13
 Плещеев А.Н. — 147
 Плиний Старший — 87
 Погодин М.П. — 116
 Пожарский А.К. — 162
 Полторацкий С.Д. — 152
 Поляков М.И. — 73
 Птухин С.Ф. — 169
 Пугачевский А.М. — 158
 Пуле А.Г. — 30–31
 Пунин Н.Н. — 139
 Пушкин А.С. — 21, 31, 62, 95–96, 121, 123
 Пыляев М.И. — 110
- Радищев** А.Н. — 35–36, 38–41, 43, 45–47, 50–51, 55–58, 61–71, 151
 Радлов Н.Э. — 127
 Райхин А.Д. — 73
 Ракитянский А.Т. — 95, 106
 Рачев Е.М. — 120
 Редер К. — 104
 Рейхвен Л. — 105
 Ремизов А.М. — 95, 158
 Римская В. — 119
 Ро Э. — 66–67, 71
 Рогожин В.Н. — 58–59
 Рожанковский Ф.С. — 131, 133
 Розанов И.Н. — 55, 65, 67
 Романов А.А. — 79
 Романова И.А. — 78
 Ростовцев Ю.А. — 97, 106, 130
 Рубцов Н.М. — 76–77, 79, 130
 Румянцев Н.П. — 12
 Рюмшин В. — 31
- Сабашников** М.В. — 23, 25
 Савищев Н.Г. — 121
 Савостьянов Н.М. — 18
 Садиков С. — 128
 Садовойской Б.А. — 36–37, 55, 167
 Салтыков-Щедрин М.Е. — 146–147
 Самарин А.Ю. — 106, 126
 Самвелян Н.Г. — 63, 70
 Саутина Н.И. — 161
 Сахновская Е.Б. — 74, 120
 Сейфуллина Л.Н. — 79–82
 Семенов Н.В. — 47
 Семибратов В.К. — 161
 Сенковский О.И. — 123
 Серафимович А.С. — 33
 Сергеев В.А. — 74
 Серебрякова З.Е. — 136
 Сеславинский М.В. — 29, 60, 95, 104–105, 116, 121–123, 125, 131–134, 140–142, 156–157, 160
 Сигов А.С. — 138
 Сигрист А.С. — 62
 Сидоров А.А. — 152
 Силенциарий Павел — 6
 Симони П.К. — 45, 49, 71
 Сяницын М.Е. — 67
 Сяницын Н.В. — 135–136
 Скилица Иоанн — 8–9
 Скоропадский И.И. — 117
- Скотт В. — 138
 Скребицкая М.С. — 146–147
 Смирдин А.Ф. — 108
 Смирнов С.В. — 110, 120, 130–131
 Смирнов-Сокольский Н.П. — 47, 55, 60, 98, 156
 Соболев А.Л. — 67
 Соборов С.И. — 49
 Соловьев Н.В. — 162
 Соснина Л.Г. — 83–85
 Спасович В.Д. — 40
 Старицын А.М. — 44
 Староносов П.Н. — 73
 Стахович М.А. — 20–22
 Стейнберг С. — 87
 Степанов И.М. — 125
 Столяров М.М. — 126, 138, 141, 145
 Стратеман В. — 155
 Ступин А.Д. — 42
 Суворин А.С. — 35–36, 38–41, 43–64, 66, 68, 70–71
 Суворов А.Г. — 142
 Судейкин С.Ю. — 126
- Тавернье** Ж., ле — 9, 11–12
 Талов М.В. — 105
 Тараканова О.Л. — 67
 Твардовский А.Т. — 97
 Телешов Н.Д. — 31–33
 Тепловодская Е.С. — 5
 Тетерин А.А. — 161
 Тиганов А.С. — 57
 Толстая Т.В. — 150
 Толстяков А.П. — 36, 43, 55
 Трдат — 5
 Тренев К.А. — 33
 Трошинский Д.П. — 43
 Трубачёв С.А. — 141, 143
 Трунов Г.В. — 35
 Тураев Б.А. — 109
 Тургенев А.Н. — 95, 161
 Тургенев П.Н. — 95, 161
 Тургенева И.С. — 31
 Тутмос III, фараон — 14
 Тутунджан Д.Т. — 85
 Тьрса Н.А. — 96, 139
 Тьшлер А.Г. — 73
- Уги** Л. — 154

- Уистлер Д. — 135
Ульянинский Д.В. — 35–36,
38–41, 49, 55, 57, 60, 62, 70
Унгнад Д. — 13
Успенский А.И. — 101
Успенский Г.И. — 147
Ушаков Д.А. — 79
- Ф**аворский В.А. — 73, 78–79,
147–148
Федин К.А. — 33
Феофан (Прокопович),
архиепископ — 103
Фет А.А. — 45
Филатова И.В. — 97
Фильдинг Г. — 121
Финкельштейн А.Л. — 122
Флекель М.И. — 135
Фокина О.А. — 79
Форш О.Д. — 126
Фоссати Г. — 14–15
Фоссати Д. — 15
Фрадкин М.З. — 74
Фрам М.Л. — 73
Франс А. — 73
Фрейман В.Ф. — 60–62
Фрешфильд Э.Х. — 14–15
Фролов Д.А. — 161
Фролов Э.В. — 74
- Х**аге Л. — 15
Хайкин Б.А. — 97, 113, 127–128,
141, 143, 157
Харитонов Р.А. — 57
Харитонов С. — 17
Херасков М.М. — 151
Хижинский Л.С. — 73
Хогенберг Ф. — 154
Хомов Н.П. — 155
Хохлова Н.А. — 95, 161
Хрущов А.Г. — 23, 25–26
Хуфнагель Г. — 154
- Ц**ветаева М.И. — 104, 156
Циолковский К.Э. — 106
- Ч**евычелов Д.И. — 96
Чертков Л.И. — 104, 116, 126,
141–143
Чистяков С.С. — 157, 161–163
Чуванов М.И. — 108, 162
- Чуксин И. — 20
Чуракова М.С. — 74, 78
- Ш**апошников К.А. — 55
Шаховской Д.И. — 23
Шварц Е.Л. — 131
Швидковский Д.О. — 135
Шевченко Т.Г. — 123, 125
Шедель Г. — 12–13
Шеин М.И. — 113
Шергин Б.В. — 83
Шибанов Л.П. — 70
Шибанов П.П. — 40, 43–48,
50–52, 55–56, 58–61, 63, 70–71
Шимкевич К.А. — 95
Шингарёв А.И. — 22–27
Шишков В.Я. — 33
Шолохов М.А. — 130
Штайнах О. — 112
Штернберг В.И. — 123
Штрайх С.Я. — 26
Шугам И.Г. — 30
Шугам Р.Т. — 30
Шукшин В.М. — 130
- Щ**апов П.В. — 35–36, 38–41,
43–59, 61–62, 64, 66, 68, 70–71
Щапова Л.П. — 57
Щеголев П.Е. — 127
Щелкунов М.И. — 162
Щетнев Л.Н. — 74
- Э**ссен М.М. — 147
- Ю**дин Г.В. — 40, 47–48, 67
Юдовин С.Б. — 73
Юзефович Б.М. — 63
Юзефович В.М. — 41, 62–68, 70
Юзефович М.В. — 62
Юнгер А.А. — 136
Юпатов А.И. — 74
Юстиниан I, император — 5–6,
8, 12–13
- Я**ковлев С.А. — 162
Якубович Л.А. — 122–123
Яшин А.Я. — 79

Адрес редакции: г. Москва, Сытинский пер., д. 5/10, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 650–23–63.

E-mail: about-books@yandex.ru.

Сайт: <http://nsb-bibliophile.ru/zhurnal-pro-knigi>.

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов журнала.

Авторы несут ответственность за содержание статей,
точность приводимой информации, цитат и ссылок.

Редакция не несет ответственность за достоверность информации
в рекламных материалах.

При использовании материалов, опубликованных в журнале,
ссылки на журнал носят обязательный характер.

В оформлении обложки и страниц журнала использован фрагмент экслибриса
М.В. Сеславинского работы Т.А. Козьминой.

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат».
115093, г. Москва, пер. Партийный, д. 1, корп. 58, стр. 1

Тираж 500 экз.
Цена свободная.